ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40505

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – **71080**

Мир политики и социологии

2017, № 1

Санкт-Петербург
2017

FUND
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION
IN THE AREA OF LAW ENFORCEMENT
«UNIVERSITY»

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate of printed publication registration No. ФС 77 – 40505

Journal is accredited in Russian Science Citation Index (RINTs)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – **71080**

World of politics and sociology

2017, Issue 1

Saint-Petersburg
2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Бейдина Т.Е., заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета, доктор политических наук, профессор (г. Чита, Россия)

Бурлай Е.В., руководитель управления правовой экспертизы Конституционного Суда Украины, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, профессор (г. Киев, Украина)

Григорьев В.Н., заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального института, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Добовсек Боян, доцент кафедра уголовного правосудия и службы безопасности университета Марибор, Словения, доктор философии (г. Любляна, Словения)

Захарцев С.И., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Иванников И.А., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета, заведующий кафедрой теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения, доктор юридических наук, доктор политических наук (г. Ростов, Россия)

Иванов В.А., профессор кафедры новейшей истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Кейси ЛаФранс, доцент кафедры политологии Западного Иллинойского университета, доктор философии (США)

Кузнецов Э.В., заведующий кафедрой теории права и государства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Президент Российской Ассоциации философии и права (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, (Санкт-Петербург, Россия)

Курдюк П.М., заместитель Председателя законодательного собрания Краснодарского края, заведующий кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Кубани (г. Краснодар, Россия)

Масленников Д.В., профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Родионова А.К., профессор кафедры теории и истории государства и права Читинского института Байкальского государственного университета экономики и права, доктор политических наук (г.Чита, Россия)

Сативалдыев Р.Ш., заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Тодд Лог, доцент школы правоохранения и управления юстиции Западного Иллинойского университета, Макоб, Иллинойс (США)

Точиев И.Б., руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Ингушетия, кандидат социологических наук (г. Магас, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Мир политики и социологии, 2017

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2017

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "World of politics and sociology", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Beidina T.E., Head of the Department of State Administration, Municipal Management and Politics of Transbaikal State University, Doctor of Political Science, Professor (Chita, Russia)

Burlai E.V., Head of the Legal Expertise Administration at the Constitutional Court of Ukraine, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Professor (Kyiv, Ukraine)

Grigoryev V.N., Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Moscow Psychological and Social Institute, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Dobovšek Bojan, Associate Professor of the Department of Criminal Justice and Security of Maribor University, Slovenia, Doctor of Philosophy (Ljubljana, Slovenia)

Zakhartsev S.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Law (Moscow, Russia)

Ivannikov I.A., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of Southern Federal University, Head of the Department of State and Law Theory of Rostov State Transport University, Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences (Riostov-on-Don, Russia)

Ivanov V. A., Professor of the Department of Contemporary History of Saint Petersburg State University, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Honorary Figure of Higher Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Casey LaFrance, Assistant Professor of the Department of Political Science of Western Illinois University, Doctor of Philosophy (USA)

Kuznetsov E.V., Head of the Department of Law and State Theory of St. Petersburg State University of Airspace Instrumentation, President of Russian Association of Philosophy and Law (Saint Petersburg), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Kurdyuk P.M., Deputy Chairman of Legislative Assembly of Krasnodar Territory, Head of the Department of Administrative and Financial law of Kuban State Agrarian University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Science of Kuban (Krasnodar, Russia)

Maslennikov D.V., Professor of humanities disciplines Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Philosophy, Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Rodionova A.K., of the Department of Theory and History of State and Law of Chita Institute of Baikal State University of Economics and Law, Doctor of Political Science (Chita, Russia)

Sativaldyev R.Sh., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Todd Lough, Associate Professor of School of Law Enforcement and Justice Administration of Western Illinois University, Macomb, Illinois (USA)

Tochiev I.B., Head of the Office of the Federal Antimonopoly Service of the Republic of Ingushetia, Candidate of Sociological Sciences (Magas, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

Дженнифер М. Аллен, координатор в области уголовного правосудия (BSCJ / MSCJ), координатор общего высшего образования, кафедра политологии и уголовного правосудия колледжа и государственного университета Северной Джорджии, доктор философии (США)

Зоиров Д.М., председатель комитета Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли (Парламента) Республики Таджикистан по правопорядку, обороне и безопасности, профессор Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Корольков А.А., заведующий кафедрой философской антропологии и истории философии факультета философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии Образования (РАО) (Санкт-Петербург, Россия)

Майкл Пальмиотто, профессор уголовного правосудия в школе по делам общин, координатор Бакалавриата в программе уголовного правосудия. Уичито, университет штата (США)

Покровский И.Ф., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный работник морского флота России, Почетный работник транспорта России (Санкт-Петербург, Россия)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Ромашов Р.А., профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург. Россия)

Савенков А.Н., заместитель министра внутренних дел Российской Федерации; заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества (2009-2013 г.г.); заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – Главный военный прокурор (2002 – 2006 гг.); первый заместитель Министра юстиции Российской Федерации (2006 – 2008 гг.), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации Москва, Россия)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (Москва, Россия)

Терри Морс, заведующий кафедрой школы правоохранения и управления юстиции, профессор, Западный Иллинойский университет (США)

Шахрай С.М., проректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, народный депутат РСФСР, член Верховных Советов РСФСР и СССР, член Президиума Верховного Совета РСФСР (1990-1992 гг.), Государственный советник РСФСР по правовой политике (1991 г.), член Совета Безопасности Российской Федерации (1992 – 1996 гг.), заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Министр Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (1991 – 1996 гг.), депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (1993 – 1997 гг.), Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации (1996 – 1998 гг.), руководитель аппарата Счётной палаты Российской Федерации (2004 – 2013 гг.), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

Шемелин А.В., заведующий кафедрой хозяйственного права Забайкальского государственного университета, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор (г. Чита, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "World of politics and sociology", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Jennifer M. Allen, Coordinator of Criminal Justice (BSCJ / MSCJ), Coordinator of General Studies Degree, Department of Political Science & Criminal Justice of North Georgia College & State University, Doctor of Philosophy (USA)

Zoirov D.M., Chairman of the Committee of the Majlisi Namoyandagon Majlisi Oli (Parliament) of the Republic of Tajikistan on the Rule of Law, Defense and Security, Professor of the Tajik National University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Tajikistan)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of "Kyiv Mohyla Academy"; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Korolkov A.A., Head of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Faculty of Philosophy of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education (RAO) (St. Petersburg, Russia)

Michael J. Palmiotto, Professor of Criminal Justice in the School of Community Affairs, Undergraduate Coordinator of the Criminal Justice Program. Wichita, State University (USA)

Pokrovsky I.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation, Honored Worker of Culture of RSFSR, Honored Worker of Marine Fleet of Russia, Honored Transport Worker of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Romanovskaya V.B., Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (National Research University), Doctor of Legal Sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Romashov R.A., Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Savenkov A.N.,; Deputy Minister of Internal Affairs of Russian Federation, Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society (2009-2013); Deputy Procecutor General of the Russian Federation – Chief Military Procurator (2002 – 2006); First Deputy Minister of Justice of the Russian Federation (2006 – 2008), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation, Honored Worker of Public Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia"; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Terry Mors, Department Head of the School of Law Enforcement and Justice Administration, Professor, Western Illinois University (USA)

Shakhrai S.M., Vice-Rector of Lomonosov Moscow State University, People's Deputy of the RSFSR, member of the Supreme Soviet of the RSFSR and USSR, member of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR (1990 -1992), RSFSR Counsellor of State on legal policy (1991), member of the Security Concil of the Russian Federation (1992 – 1996), Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation, Minister of the Russian Federation on Nationalities Matters and Regional Policy (1991 – 1996), Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (1993 – 1997), Authorized Representative of RF President in the Constitutional Court of the Russian Federation (1996 – 1998), Head of the apparatus of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2004 – 2013), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shemelin A.V., Head of the Department of Economic Law of Transbaikal State University, Doctor of Political Science, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

История политических и правовых учений, учреждений и процессов

Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Справедливость и право в концепции Джона Ролза 11

Денисов А.М. Учение Монтескье и Руссо как теоретические источники принципа историзма в правовой теории 18

История, теория, практика политико-правовых институтов России и зарубежных стран

Белозерова О.А. Позиция и взгляды военного министра А.Н. Куропаткина в связи с решением Маньчжурского вопроса накануне русско-японской войны (1904-1905) 23

Гоков О.А. Персидская казачья бригада под руководством В.К. Бельгарда (май 1893 – май 1894 гг.) 35

Григорьева Н.В. Скрещение судеб: Куропаткин и другие... 5

Мухаммадиев И.С. Уголовное преследование в годы Великой Отечественной войны за уклонение от военной службы: некоторые фрагменты 55

Политика. Правовая политика. Политическая жизнь. Политическая и государственная власть. Модернизация политической системы

Аубакирова И.У. Идея сильного государства и ее социокультурные основания 66

Демократия. Гражданское общество. Правовые аспекты политических процессов

Клещина Е.Н., Кондрат И.Н. Потерпевший в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций: проблемы охраны его прав 81

Гасан М.О. Системы бесплатной юридической помощи, правовые основы их функционирования 89

Экономические потрясения и социальная экономика. Модернизация экономики. Примирительные процедуры разрешения споров

Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии и порядок выполнения ими возложенных на них задач 93

Социология. Социология и реализация демографических программ. Политика в области материнства и детства

Аманацкий Ю.В. Политико-правовой анализ религиозного экстремизма 104

Брылева Е.А., Сальников С.П. Правовой статус несовершеннолетних правонарушителей в контексте современной уголовно-исполнительной политики 110

Национальная, государственная, экономическая, финансовая, информационная и военная безопасность. Внешняя политика, международная безопасность и экономическая интеграция

Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности 120

Литвинов Н.Д., Нурадинов Ш.М. Механизм распространения панисламизма в Российской империи 140

Безопасность человека, общества и государства. Экологическая безопасность и правовые аспекты охраны окружающей среды

Маджидзода Д.З. Современные тенденции развития наркоситуации и сотрудничество государств-членов СНГ в борьбе с наркопреступностью 156

Мелихов А.И. Дегуманизация общества потребления как результат отсутствия правовых ограничений в области научных исследований 163

Философия права. Правосознание. Правовая культура. Социология права. Юридическая психология

Бабаджанов И.Х. Право человека на свое тело: проблемы материального и духовного 169

Исмагилов И.Р. Понятия морали и справедливости в философско-правовых концепциях Канта и Гегеля 176

Лежнева О.Ю. Классики правовой науки Нового времени о роли судебной власти в обеспечении прав личности 183

Мач В.Я. Познание и освоение человеком окружающего мира и эвристические догадки: антинаучная статья 190

Информация для авторов 196

CONTENTS

History of political and legal doctrines, institutions and processes

Ismagilov I.R., Sal'nikov V.P. Justice and right in the concept of John Rawls 11

Denisov A.M. The teachings of Montesquieu and Rousseau as theoretical sources of the principle of historicism in legal theory 18

History, theory, practice of political-and-legal institutions of Russia and foreign countries

Belozerova O.A. Position and views of the War Minister A.N. Kuropatkin in connection with the decision of the Manchurian question on the eve of the Russo-Japanese War (1904-1905)..... 23

Gokov O.A. The Persian Cossack Brigade under the leadership of V.K. Belgarde (May 1893 – May 1894)..... 35

Grigorieva N.V. Crossing of destinies: Kuropatkin and others 50

Muhammadiev I.S. Criminal prosecution during the Great Patriotic War for evading military service: some fragments..... 55

Politics. Legal policy. Political life. Political and state power. Modernization of the political system

Aubakirova I.U. The idea of a strong state and its socio-cultural foundations 66

Democracy. Civil society. Legal aspects of political processes

Kleshchyna E.N., Kondrat I.N. The victim in the court of the appeal, cassation and supervisory instances: the problem of protecting his rights 81

Gasan M.O. Legal aid systems, the legal basis for their functioning 89

Economic perturbations and social economy. Modernization of the economy. Preliminary procedures for dispute resolution

Sal'nikov V.P., Kondrat E.N., Borisov O.S. Guarantees of legal and social protection of servicemen (officers) of the troops of the National Guard and the order of performance of tasks assigned to them by them 94

Sociology. Sociology and implementation of demographic program. Policy in the area of motherhood and childhood

Amanatskiy Yu.V. Political and legal analysis of religious extremism 104

Bryleva E.A., Sal'nikov S.P. The legal status of juvenile offenders in the context of modern criminal-executive policy 110

National, state, economic, financial, informational and military security. Foreign policy, international security and economic integration

Zakhartzev S.I.
Klimenko O.A.
Mirzoev A.K.,
Sal'nikov M.V.,
Tretyakov I.L.
Sovereignty of the Russian Federation: modern threats and ensuring military security 120

Litvinov N.D.,
Nuradinov Sh.M.
The mechanism of the spread of pan-Islamism in the Russian Empire 140

Human, society and state security. Environmental security and legal aspects of environmental protection

Madzhidzoda D.Z.
Current trends in the development of the drug situation and cooperation of the CIS member states in combating drug trafficking 156

Melikhov A.I.
Dehumanization of consumer society as a result of the lack of legal constraints in the field of scientific research 163

Philosophy of law. Legal consciousness. Legal culture. Sociology of law. Legal psychology

Babadzanov I. Kh.
The human right to one's body: the problems of the material and spiritual 169

Ismagilov I.R.,
Prokofiev K.G
The concepts of morality and justice in the philosophical and legal concepts of Kant and Hegel 176

Lezhneva O.Yu.
Classics of the legal science of modern times about the role of the judiciary in ensuring the rights of the individual 183

Much V.Ya.
Cognition and development of a person around the world and heuristic guesses: an antiscientific article 190

Information for the authors 196

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: filippova@lotpp.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВО В КОНЦЕПЦИИ ДЖОНА РОЛЗА

Аннотация. *Анализируется «теория справедливости» одного из крупнейших современных представителей этической мысли Джона Ролза, фундамент которой представляет собой рациональный баланс между индивидуальной свободой и социально легитимированной справедливостью. Подробно рассматриваются сформулированные Ролзом принципы справедливости. Отмечается, что теория Ролза представляет собой альтернативу утилитаристской концепции, игнорирующей индивидуальные права личности.*

Ключевые слова: *Джон Ролз; теория справедливости; право; принципы справедливости; нравственная интуиция.*

ISMAGILOV I.R.
SAL'NIKOV V.P.

JUSTICE AND RIGHT IN THE CONCEPT OF JOHN RAWLS

The summary. *"The theory of justice" of one of the largest contemporary representatives of the ethical thought of John Rawls is analyzed, the foundation of which is a rational balance between individual freedom and socially legitimated justice. The principles of justice formulated by Rawls are considered in detail. It is noted that the theory of Rawls is an alternative to the utilitarian concept, which ignores the individual rights of the individual.*

Key words: *John Rawls; theory of justice; right; the principles of justice; moral intuition.*

Сама проблематика отношения права и справедливости предполагает своего рода конвергенцию юридических и философско-этических наук, что мы особенно наблюдаем во второй половине XX века. В постнеклассической науке конца XX столетия идеи справедливости постепенно оттесняются из сферы права в область этики. Для современных философов оказались очень привлекательны попытки создать этическую систему, основанную не на идее абсолютного блага в платоновском смысле этого понятия, а на субъективных установках личности, объективируемых ссылками на справедливость.

Как уже мы отмечали ранее [9], решающее значение на трактовку Ю. Хабермасом понятия справедливости [13; 14; 19; 20; 21; 25; 28; 29] оказала теория американского философа Джона Ролза. Теоретическую основу его главного труда «Теория справедливости» составляет идея внутренней взаимосвязи индивидуальной свободы и социально легитимированной справедливости.

Рациональный баланс между индивидуальной свободой и социально легитимированной справедливостью составляет фундамент «теории справедливости» Джона Ролза, одного из крупнейших современных представителей этической мысли. Как пишет сам Ролз, его теория «не концепция справедливости, которая является истинной, а такая, которая может служить основой сознательности и желательного политического соглашения» [16, стр. 9]. Она предлагает рецепт урегулирования многих важных вопросов политической и социальной жизни, возводя результаты научного дискурса до уровня политической интуиции. Тип философствования Ролза оказал исключительно сильное влияние на всю современную англо-американскую политическую философию. Ролз в занчительной мере «восстанавливает английскую традицию Милля, настаивавшего на связи своих политических рассуждений с фундаментальными исследованиями моральной психологии и политической экономии» [24, стр. 32].

«Теория справедливости» Ролза – одна из многих теорий, посвященных справедливому устройству общества. Справедливость понимается Ролзом как честность в выполнении соглашения. Это его специфическое понимание, напрямую связанное с теоретико-игровым подходом к пониманию общества. Ролз идет к определению социальной справедливости двояким путем. Во-первых, он формулирует общие принципы справедливости, которым должно отвечать любое общественное устройство. Во-вторых, на основе философских рассуждений он стремится показать, что человек обладает абсолютными правами независимо от исторических условий [4; 8, стр. 27-98].

Определяя роль принципа справедливости в обществе, Ролз утверждает, что справедливость – это главная добродетель человеческой деятельности. Социальные институты выступают у Ролза в роли дистрибьютора. Поэтому он считает, что для различных общественных устройств необходим набор принципов для составления исходного соглашения между людьми. «Это означает, что в таком обществе 1) каждый принимает и знает, что все остальные члены общества принимают одни и те же принципы справедливости, и 2) важнейшие общественные институты объективно соответствуют и считаются адекватными этим принципам. В этом случае люди хоть и могут быть достаточно требовательны друг к другу, они тем не менее признают общую точку отсчета, согласно которой их взаимные притязания могут быть разрешены» [30, p. 5].

Понятие справедливости очень широко: справедливыми или несправедливыми могут быть законы, социальные институты, общественные системы, конкретные поступки людей, их суждения, установки, жизненные позиции и т.д. Для Ролза первичной основой справедливости является фундаментальная структура общества – общественный уклад. Он формулирует приемлемую концепцию справедливости для «базисной структуры общества».

С другой стороны, в качестве своих основных оппонентов в понимании справедливости с этической стороны Ролз видит представителей утилитаризма и интуитивизма. Эти два направления занимали и сейчас занимают ведущее место в этической мысли Запада. Более того, утилитаристские концепции занимают прочное место в экономико-социальных построениях, связанных с государством, концепцией, играющей видное место в политических программах различных направлений на Западе [10; 11].

Следует отметить, что один из основных подходов к справедливости – удовлетворение основных потребностей – в какой-то мере входит в формулировку принципов самого Ролза. Не

радикализует он и свою критику интуитивизма. Более того принцип социальной интуиции сохраняет в его модели определенную роль.

Поэтому стоит более подробно рассмотреть процедуру выбора принципов в исходном положении. Два принципа справедливости выбираются у него в том случае, если бы стороны приняли правило максимина в условиях неопределенности. Это правило, по мнению Ролза, единственный приемлемый для каждого индивида критерий справедливого распределения социальных благ. Ролз предлагает участникам договора такой способ организации общества, при котором минимальная доля максимизируется, т.е. наименее преуспевающие люди будут знать, что их положение обеспечит им максимально-минимальные преимущества, вытекающие из неравенства, которое они осознают. В процессе взаимодействия учитываются основополагающие интересы индивида. Справедливость заключается в том, что гражданам обеспечена возможность предотвращать принятие таких решений, которые могут повлечь за собой неблагоприятные для него последствия. В обществе, в котором будут совместно провозглашены моральные максимины, должен будет снизиться до минимума риск возможной неудачи.

Из этого следует вывод, что правило «максимина» устанавливает целесообразный рациональный стандарт возмещения для «наименее удачливых» последствий естественных и социальных случайностей. Когда правило «максимина» принято, Ролз включает индивидов в реальную общественную жизнь, со всеми свойственными ей противоречиями.

Убеждения в сочетании со знанием обстоятельств приводят нас к разумным суждениям о справедливости и осознанию принципов, руководящих деятельностью людей. Но можем ли мы исключить те суждения, где проявляется некомпетентность, а также сделанные в состоянии аффекта, страха или расстройства, так как такие суждения либо близки к ошибочным, либо спровоцированы гипертрофированным вниманием к нашим индивидуальным интересам. Взвешенные суждения демонстрируют наше чувство справедливого. Но для того, чтобы избежать чисто интуитивного представления о справедливости на основе априорных суждений, лишенного рефлексивного отношения, человеку необходимо познакомиться с теорией справедливости Ролза.

Ролз считает, что для того, чтобы достичь «честного-справедливого» общества, людям необходимо сделать самый главный выбор, который им придется осуществлять совместно: это выбор принципов, с помощью которых регулируется последующая критика и реформы социальных институтов [12].

Нужно отметить, что два принципа справедливости по Ролзу, которые выделяют критики, на самом деле в «Теории справедливости» имеют три формулировки, различные между собой. Это вызвано эволюцией взглядов Джона Ролза на проблему справедливости и способов ее достижения.

Ролз говорит о том, что первая формулировка принципов носит экспериментальный характер. «Первый принцип: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных, совместимых с подобными схемами свобод для других.

Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям и должностям был бы открыт всем» [16, стр. 66].

Предлогом для уточнения принципов послужила неточность фраз «преимущества для всех» и «открыт всем». Таким образом, второй вариант первого принципа выглядит так:

«Первый принцип: Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами для других. Хотя формулировка второго варианта практически совпадает с формулировкой первого варианта, отличие состоит в том, что принцип дополняется правилом, существенным для понимания действия этого принципа» [16, стр. 223].

«Правило приоритета. Принципы справедливости должны располагаться в лексическом порядке, и, следовательно, свобода может быть ограничена только во имя самой свободы. Существуют два случая: (а) менее распространенная свобода должна укреплять всю систему свободы, разделяемую всеми, и (б) свобода, меньшая, чем равная, должна быть приемлемой для граждан, обладающих этой меньшей свободой» [16, стр. 223].

Два принципа справедливости Ролз выстроил, согласно правилу приоритета, в иерархическом (лексическом – в терминологии Ролза)

порядке. Второй вариант второго принципа имеет уже другое название – «принцип различия». Социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы они были (а) к наиболее ожидаемой выгоде наименее преуспевших и делали (б) доступ к должностям и положениям открытым для всех в условиях честного равенства возможностей.

Формулировка третьей модели называется «теоремой Ролза». В дополнение к двум принципам справедливости Ролз добавляет правила приоритета, которые следует считать частью принципов Ролза.

«Первый принцип: каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей.

Второй принцип: Социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших, в соответствии с принципом справедливых сбережений, и (б) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей.

Первое правило приоритета (приоритет свободы):

Принципы справедливости должны располагаться в лексическом порядке, и следовательно, основные свободы могут быть ограничены только во имя самой свободы. Существуют два случая:

(а) менее широкие свободы должны укреплять всю систему свободы, разделяемую всеми; и

(б) свобода, меньшая, чем равная, должна быть приемлемой для граждан, обладающих этой меньшей свободой.

Второе правило приоритета (приоритет справедливости над эффективностью и благосостоянием):

Второй принцип справедливости лексически предшествует принципу эффективности и принципу максимизации суммы выгод; а честное равенство возможностей предшествует принципу различия.

Существуют два случая:

(а) неравенство возможностей должно увеличивать возможности людей с меньшими возможностями;

(б) чрезмерная ставка сбережений должна в итоге уменьшать бремя тех, на ком оно лежит.

Изложенное выше является полной формулировкой принципов справедливости Ролза.

Именно эти принципы и являются результатом общественного договора. Они справедливы, так как процедуры их формулирования были честными. При отсутствии определенной меры соглашения, что есть справедливое и несправедливое, людям гораздо сложнее достичь взаимовыгодного сотрудничества.

Понятие справедливости очень широко: справедливыми или несправедливыми могут быть законы, институты, общественные системы, конкретные поступки людей, их суждения, установки, жизненные позиции и т.п. [15; 18]. Для Ролза первичной основой справедливости является фундаментальная структура общества – общественный уклад. Он формулирует приемлемую концепцию справедливости для «базисной структуры общества», которая требует самостоятельного исследования.

В справедливости как честности общество интерпретируется в качестве кооперативного предприятия во имя взаимной выгоды. Базисная структура – это публичная система правил (право), определяющих схему деятельности, которая приводит людей к совместным усилиям для произведения большей суммы выгод и приписывания каждому признаваемых требований в дележе продукта. Человек опирается на то, что публичные правила диктуют ему по поводу его действий, а правила зависят от того, что он делает. Получающееся распределение есть результат выполнения требований, определяемых тем, что человек решает делать в свете этих законных ожиданий [1; 2; 17].

Эти рассмотрения предполагают идею долевого распределения как чисто процедурной справедливости. Интуитивная идея заключается в таком устройстве социальной системы, когда результат справедлив независимо от того, каким бы он конкретно ни был, по крайней мере, пока этот результат находится в допустимых рамках. Чисто процедурная справедливость лучше всего понимается через сравнение с совершенной и несовершенной процедурной справедливостью. Первая может быть проиллюстрирована простейшим случаем честного дележа. При этом проявляются две характерные особенности совершенной процедурной справедливости. Первая: имеется независимый критерий того, что такое честный дележ, критерий,

определяемый отдельно и до процедуры, которая за этим следует. Вторая: возможно изобрести такую процедуру, которая наверняка даст желаемый результат. Существенно тут то, что есть независимый стандарт для решения того, какой результат и какая процедура, ведущая к этому результату, считаются справедливыми. Довольно ясно, что совершенная процедурная справедливость редка, если вообще возможна, в случаях, где большую роль играет практический интерес.

Ролз в своем построении общества исходит из того, что люди сначала интуитивно улавливают принципы социальной справедливости, а затем на их основе строят экономический и социальный порядок. Так же, он считает, что эти принципы в состоянии регулировать вполне упорядоченное общество. По мнению Ролза, любой человек интуитивно поступает справедливо и играет свою роль в поддержании справедливых институтов.

Таким образом, мы видим, что даже в этических концепциях, далеких от классического интуитивизма принцип интуиции сохраняет определенное значение. В итоге, конечно, может оказаться, что никакая теория, выводы из которой согласуются с общими нравственными убеждениями, не способна сформулировать некий единый нравственный принцип, который может лечь в основу индивидуальных нравственных принципов. И в этом случае нравственные убеждения, которым мы интуитивно более всего доверяем, могут быть признаны отправной точкой для нравственной гносеологии, оказываются основой нашей нормативной этики [5; 23; 27].

Но безусловно гносеологический приоритет может быть дополнен порядком объяснения нравственных суждений. Наша картина мира начинается с обыденных представлений, но приводит нас к научным теориям о глубинных уровнях молекул и атомов и субатомных свойств. Подобно этому, наша гносеологическая дорога в глубины нравственности может оказаться на том уровне, который окажется не самым фундаментальным. В этике дело может сложиться так, что общие принципы всё же окажутся действительно фундаментальными, потому что не существует единого более глубокого принципа, лежащего в их основе и объединяющего их. Но все же наиболее увлекательная исследовательская программа в философии морали заключается в том, чтобы определить, существует ли какой-то наиболее глубокий объединяющий этический принцип. Или же частные суждения являются «гносеологически предшествующими» общим нравственным суждениям в каком-то не временном смысле [6; 7; 22; 26]?

Ответить на этот вопрос мы сможем, зафиксировав два вывода из проанализированных выше концепций.

1. Мы имеем общий принцип, который гласит, что всякий раз, когда по меньшей мере некоторые из нравственных принципов говорят в пользу одной альтернативы, и никакие не говорят против нее, то эта альтернатива нравственно правильна.

2. И мы также имеем общие принципы о некоторых категориях случаев, в которых нравственные рекомендации конфликтуют между собой.

В итоге можно признать, что общие нравственные принципы, постигаемые интуитивно, должны трактоваться как гносеологически предшествующие частным этическим положениям. В противном случае они теряют признаки всеобщности и обязательности.

Однако результаты этой нравственной интуиции будут лишь в том случае обладать для самой личности признаками очевидности и всеобщности, если они будут выходить за пределы сферы субъективного. Таким образом, нравственная интуиция должна быть дополнена некоторой «интуицией объективности». Последнюю в рамках феноменологической традиции, вероятно, можно соотнести с интенциональностью Гуссерля.

Нам, однако, исходя, из результатов анализа гносеологических оснований интуиции, представленных выше, кажется более простым и перспективным соотнести процесс объективации нравственной интуиции с процессом приобщения человека к традиции, к истории, к результатам исторического развития духа. Институционализированной формой такого приобщения является процесс образования, педагогическая практика.

Теория Ролза относится к деонтологическим теориям, поскольку соблюдение двух принципов справедливости правильно, независимо от того, ведет ли оно к благу. Теория Ролза полагает нечто благом только в том случае, если оно совместимо с принципами справедливости, которые у нас уже имеются. Как отмечает Т.А. Алексеева, «Ролз ввел новую теорию блага как объекта распределительного интереса. Если моральность права

обращается к нашему «я» и говорит о том, что людей различает, то моральность блага говорит о единстве людей, о том, что их связывает» [3, стр. 31].

В качестве субъектов справедливости в работе Дж. Ролза рассматриваются: законы, институты и социальные системы, конкретные действия, включая решения, суждения и обвинения, расположения и нерасположения людей, да и самих людей. При этом главным субъектом справедливости, по Дж. Ролзу, является базисная структура общества, т.е. способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделения социальной кооперации. Под основными институтами автор понимает конституцию и основные экономические и социальные устройства. К ним относятся: свобода мысли и свобода совести, свободный рынок, частная собственность на средства производства, моногамная семья и т.д.

Базисная структура – это первичный субъект справедливости. Эта структура содержит различные социальные положения. Институты общества с самого начала одни социальные положения ставят выше других, существенно углубляя неравенство между членами общества. «Справедливость социальной системы существенно зависит от того, как приписываются фундаментальные права и обязанности, а также от экономических возможностей и социальных условий в различных слоях общества» [3, стр. 25].

Теория справедливости Дж.Ролза представляет собой альтернативу различным версиям утилитаристской концепции, которая распространяет на целое общество принцип рационального выбора для одного человека. За счет такой конструкции множество личностей сливается в одну. При этом утилитаризм не принимает различий между личностями и, таким образом, игнорирует их индивидуальные права.

Концепция справедливости как честности требует, чтобы социальная системы была организована таким образом, чтобы итоговое перераспределение было справедливым, независимо от того, как сложатся дела. Для достижения этого результата необходимо поместить социальный и экономически процесс в окружение соответствующих политических и правовых институтов. Без должной системы этих сопутствующих институтов результат процесса распределения жизненных благ не будет справедливым. Недостает честности окружения. При распределении жизненных благ существуют определенные пределы неравенства, а, следовательно, и несправедливости, превышение которых создает опасность нестабильности государственного устройства. Нахождение этих пределов – вопрос политического суждения, направляемого теорией, и здравым смыслом.

Творчество Ролза было ориентировано прежде всего на методолого-практическое измерение. Американский ученый стремился прежде всего к тому, чтобы в соответствии с принципами своей теории сформировать коммуникативное поле для выработки общих легитимных принципов справедливости. В том числе и на метатеоретическом уровне, задавая серию последовательных импульсов для научной дискуссии. Можно сказать, что эта творческая программа удалась, поскольку именно работы Ролза вызвали к жизни дискуссию либералов и коммунитаристов, в самой значительной степени определившую пространство политической и политико-правовой мысли последней трети XX столетия.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Ролз и возрождение американской политической философии // Историко-философский ежегодник. 1994. – М.: Наука, 1995. - в кн. 383 с.
2. Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. - 260 с.
3. Алексеева Т.А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулса. – М.: Наука, 1992. - 112 с.
4. Бейнс К. Либерализм Ролза и коммунитаристская критика // Историко-философский ежегодник. 1994. – М.: Наука, 1995. – С. 89-104. - в кн. 383 с.
5. Биктасов О.К. Идея справедливости: к истории ее происхождения и развития // Правоохранительная

деятельность и правовое государство. Вып. 3. – СПб., 1994. – С. 31-36.
6. Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2001.
7. Древесников А.В. Справедливость как принцип права (историко-теоретический аспект): Дис. …канд. юрид. наук. - Кострома, 2005.
8. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях первой трети XX века // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 174-181.
10. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004. – 260 с. (Серия «Монографии»; Вып. 3.).
11. Кашников Б.Н. Либеральный утилитаризм и его критика в политической философии Д. Ролза // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 84-95.
12. Кашников Б.Н. Теория справедливости Дж. Ролза как доктрина гражданского общества // Этика гражданского общества: Тезисы докладов Всероссийской научно-технической конференции. – Владимир, 1992.
13. Клименко О.А. Проблема соотношения суверенитета государств, народов и личности в концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). - С. 172-178.
14. Корнилов Н.С. Государство и общественность в контексте правовых идей Юргена Хабермаса // Юридическая мысль. – 2016 – № 1(93) – С. 21-27.
15. Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уалзер // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 77-88.
16. Ролз Дж. Теория справедливости. - Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1995. - 532 с.
17. Сваровская Е.Б. Структура и эволюция «Теории справедливости» Джона Ролза: Автореф. дис. … канд. философ. наук. – Новосибирск, 1999.
18. Сваровская Е.Б., Целищев В.В. Структура «теории справедливости» Дж. Ролза и ее место в современной политической философии // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1996. – № 1. – С. 8-13.
19. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: Academia, 1995. - 252 с.
20. Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Современная западная теоретическая социология: реферат, сб. Вып. 1. – М., 1991.
21. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007. - 208 с.
22. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57-63.
23. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
24. Шохов И.П. Правда о справедливости. - М.: Самиздат, 1995. - 131 с.
25. Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. - М.: Наука, 2005. – 74 с.
26. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
27. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
28. Habermas, J. Geschichtsbewu?tsein und posttraditionale Identitat. Frankfurt a. Main, 2008.
29. Habermas, J. Volkssouveranitat als Verfahren // Habermas, J.: Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsatze 1977-1990, Leipzig: Reclam 1990.
30. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1971.

ДЕНИСОВ Антон Михайлович,
аспирант кафедры теории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург)
E-mail: denisov@lawexp.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УЧЕНИЕ МОНТЕСКЬЕ И РУССО КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПРИНЦИПА ИСТОРИЗМА В ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. *Идея историзма входит в круг системообразующих понятий теории права лишь в XVIII в. в учениях Ш.-Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. В своей полной реализации идея историзма в праве впервые выступает лишь в двух теоретико-правовых системах: у Г.В.Ф. Гегеля и у Ф.К. Савиньи. Но в отличие от последовательных рационалистов Монтескье, Руссо и Канта, ими был обоснован иррационалистический вариант правового историзма.*

Ключевые слова: *Монтескье; Руссо; Савиньи; право; свобода; историзм.*

DENISOV A.M.

THE TEACHINGS OF MONTESQUIEU AND ROUSSEAU AS THEORETICAL SOURCES OF THE PRINCIPLE OF HISTORICISM IN LEGAL THEORY

The summary. *The idea of historicism is included in the circle of system-forming notions of the theory of law only in the eighteenth century, in the teachings of Sh. Montesquieu and J.-J. Rousseau. In its full implementation, the idea of historicism in law first appears only in two theoretical and legal systems: in G.V.F. Hegel and F.K. Savigny. But unlike the successive rationalists Montesquieu, Rousseau and Kant, they justified the irrationalist version of legal historicism.*

Key words: *Montesquieu; Rousseau; Savigny; right; freedom; historicism.*

Вхождение идеи историзма в круг основных правовых концепций XIX века было вызвано объективными тенденциями исторического развития правовой теории и общим направлением движения философско-правового мышления в XVIII столетии. Первый шаг к отказу от механистической модели права Т. Гоббса и Дж. Локка [23], исключающей принцип историзма в праве, был сделан одним из крупнейших представителей Просвещения Ш.-Л. Монтескье, который оказал на становление исторической школы права особенно значительное влияние [17]. Во многом концепция Монтескье стала реакцией на механицизм и антиисторизм теории общественного договора, своего рода попыткой показать значение политико-правовых традиций в развитии общества [18, стр. 71-85].

В работе «О духе законов», которая выдержала двадцать два издания при жизни автора и была переведена на ряд европейских языков, а также в работе « Персидские письма» Монтескье рассматривает основной для себя вопрос: «Каковы средства, чтобы сделать политическую власть приемлемой для всех?» Отвечая на этот вопрос, он утверждает следующее. Во-первых, в обществе должна существовать политическая свобода. Свобода не сводится к возможности делать все, что угодно, а является возможностью делать то, что нужно и не делать того, что нельзя делать в данном обществе. Свобода – это уверенность,

спокойствие духа в своей безопасности: ни один гражданин не должен опасаться другого гражданина. Данное понятие безопасности личности в 1789 году было вписано в «Декларацию прав человека и гражданина».

В своей политико-правовом концепции Монтескье разграничивал понятие монархии и деспотии. По его мнению, в отличие от деспотии монархия управляется посредством неизменных основных законов. «Эти основные законы, – писал Монтескье, – необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего кроме изменчивой воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, не может быть никакого основного закона» [15, стр. 176]. Монархия, указывал Монтескье, «нуждается в учреждении, охраняющем законы. Такими учреждениями могут быть лишь политические коллегии, которые обнародуют вновь изданные законы и напоминают о существующих, когда о них забывают... Состоящий при государстве совет не годится для этой цели» [15, стр. 177]. Для обеспечения политической свободы необходимо, чтобы «власть останавливала власть». Для этого Монтескье предлагает пять уровней атомизации власти: центральный (конституционный), парламентский, местный (муниципальный), а также разделение властей между избирателями и избираемыми, и разделение светской и религиозной власти.

Социальное бытие, согласно Монтескье, неразрывно связано с самой природой человека. Очень образно он говорит об этом в «Персидских письмах»: «Мне никогда не приходилось слышать разговор о публичном праве, чтобы при этом собеседники не начинали тщательно доискиваться, как возникло общество. Мне это кажется смешным. Вот если бы люди не создали общества, если б он избегали друг друга и рассеивались в разные стороны, тогда следовало бы спросить о причине такого явления и искать причину отчужденности. Но люди с самого рождения связаны между собой; сын родился возле отца и подле него остался: вот вам и общество и причина его возникновения» [15, стр. 200-221].

Этот пассаж вполне определенно направлен против теории Гоббса с его идеей изначально атомизированного хаотического состояния человечества [7]. Изначальным для Монтескье является именно общественная природа человека, тем самым французский мыслитель возвращается к идее Аристотеля о том, что человек является социальным существом [3; 6, стр. 16-17; 16; 19]. Но будучи связанной Монтескье с идеей исторического становления государства и права, эта идея столь же отличается от того, что дает нам античный способ мышления, как и отличается она от установок XVII века. С утверждением этой идеи вступает в свои права эпоха Просвещения.

Просвещенческая мысль о первичности социальной природы человека с необходимостью влечет за собой утверждение о приоритетной значимости прав общества и гражданина перед государством. Из этого утверждение с той же логикой последует вывод о необходимости противостоять деспотизму государства по отношению к обществу. Просвещение предложило два варианта ответа на этот вопрос.

Первый исходил из того, что сама государственная власть должна нести в себе идею уважения к обществу и человеку. В таком случае мы имеем дело с просвещенной монархией, управляющей народом не деспотически, а через систему законов, адекватных характеру народа. Но в таком случае и сам народ должен быть просвещенным народом, чтобы суметь воспринять закон. Такую модель предложил Монтескье, развив ее до теории разделения властей и идеи «духа законов», соответствующих характеру народа. Второй вариант предлагал обществу взять дело государственного управления в свои руки. Отсюда следовал радикальный республиканизм Руссо.

В противоположность общему убеждению своего века, предполагавшему возможным установить одинаковое идеальное право для всех стран, Монтескье требует, чтобы в каждом государстве законы соответствовали сути и принципам установившейся формы правления, физическим условиям страны, сообразовывались с бытовыми особенностями жизни народов. Совокупность отношений, в которых находятся законы ко всем этим условиям, как раз и составляет то, что называется «духом законов», вытекающим из «общего духа» нации: «У каждой нации, – указывал Монтескье, – существует общий дух, на котором основана и сама власть; когда она хочет оскорбить этот дух, она наталкивается на самое себя и неизбежно останавливается» [15, стр. 151].

Именно с этим «народным духом» должен

сообразовываться законодатель, «поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением» [15, стр. 412]. Именно эти родственные понятия «народного духа», «общего духа», «духа законов» послужили предпосылкой для последующей формулировки и своего рода «научной легитимизации» понятия «национального духа» Ф.К. Савиньи [4, стр. 182-183].

Идея историзма, выдвинутая в XVIII в. Шарль-Луи Монтескье, была основной реакцией на механицизм новоевропейской философской и политико-правовой мысли. В противоположность установкам теории общественного договора на достижение идеального права, основанного на принципах разума, а потому имеющего универсальное значение, Монтескье указывает, что в каждом государстве право зависит от установившейся формы правления, физических условий страны, традиций и обычаев народов. Но эта идея правового историзма, в сущности, оставалась у Монтескье лишь научной гипотезой. Для того, чтоб развернуть эту идею в полную систему научной теории, потребовалось детальная разработка как ее отдельных элементов, так и общих концептуальных начал. Эту работу мы находим в трудах Джамбаттисто Вико, Эмера Ваттеля, Иоганна Гердера, Густава Гуго, Фридриха Шеллинга и в особенности Георга Гегеля.

Другой крупнейших французский просветитель – Ж.-Ж. Руссо – вряд ли может быть отнесен к прямым предтечам исторической школы в праве. Вместе с тем предложенная им идея «Назад к природе!», несла в себе начала противостояния механистическому рационализму Гоббса и Локка и тем самым объективно расчищала место для исторического подхода к трактовке политико-правовых явлений.

Естественность природы Руссо противопоставляет искусственности разума, которая в его трактовке является прямой виновницей рабства. У Руссо из теоретической конструкции, основанной на учении Гоббса, следовал вывод о подчинении каждой личности распоряжениям суверена, но речь шла о суверенной всеобщей воле народа-законодателя. Всеобщая воля не означала просто волю большинства, которой должны были покориться, под угрозой принуждения, несогласные с ее велениями частные воли и вообще меньшинство. Всеобщая воля Руссо – это, скорее, внутреннее основание государственного суверенитета. Недаром автор «Общественного договора» подчеркивал, что всеобщая воля не совпадает с «волей всех». Всеобщую волю, как нам представляется, можно трактовать в качестве секуляризированного источника естественного права, основание которого отныне возводится не к божественной субстанции, а к самосознанию народа. Вместе с тем столь различные по истокам естественно-правовые требования и у Гоббса, и у Локка, и у Руссо, и у Монтескье, в конечном счете реализовывались в официальном законе, изданном государством.

Историзм Монтескье и натурализм Руссо стали оппозицией не только эмпиризму Нового времени, но и метафизическому рационализму XVIII века. В теоретико-правовом плане последний опирался на идеи Г. Гроция [11; 20], Б. Спинозы, С. Пуфендорфа [10; 12; 13], И.Г. Гейнекция и Х. Томазия [2; 21], в методологическом – на метафизику Р. Декарта, Г.В. Лейбница и Хр. Вольфа. Метафизический метод мышления, сложившийся в предшествующем столетии, был основан на исследовании предметов и явлений прежде всего в аспекте их самостоятельности и относительной изолированности друг от друга. Что особенно важно для нашего исследования, метафизический подход исключал идею развития и трактовал сущности как застывшие и неизменные данности. Собственно, следствием такого подхода как раз и были представления Гоббса и Локка о неизменной, «атомарной», сущности человека как исходной клеточки естественного и государственного состояния общества, а также многочисленные «робинзонады», описывавшие общество как совокупность независимых и постоянных человеческих натур.

Иоганн Готлиб Гейнекций считал, что естественное право является «врожденной идеей разума», вложенной в разум человека самим Богом: «… естественное право является совокупностью законов, данных самим Богом человечеству посредством разума. Если же кто-то захочет понять его больше чем своим собственным способом познания, то этот закон является практическим способом понять волю Высшего законодателя с помощью истинного разума и признавать его во всех ситуациях. Так как оно имеет дело с толкованием и применением исходящего от Бога права, то его справедливо можно назвать

Божественным законом» [5, стр. 328]. От естественного права зависит позитивное законодательство, а значит, оно определяется не исторической динамикой, а неизменными структурами естественного права.

Аналогичный подход демонстрирует и Христиан Томазий во многих работах, в том числе в исследованиях «Установления божественной юриспруденции» и «Основания права природы и народов» [22; 24]. Теория права интерпретируется им как система рационального знания, которая «занимается божественными законами, которые управляют волей человека в земном мире, соответственно задачам человеческой деятельности» [25, стр. 15]. Хотя Томазий и допускает вслед за Г. Гроцием действие права, опирающегося на законы человеческого взаимодействия. Однако последние несамодостаточны, подчинены неизменному божественному праву, а значит, не могут толковаться исторически [25, стр. 13].

Своей вершины метафизический метод познания достиг в так называемой «вольфианской метафизике», т.е. в учении немецкого ученого XVIII в. Христиана Вольфа. Метафизический подход Вольфа наложил свой отпечаток не только на философию, но и практически, на все науки того времени: физику, медицину, астрономию и т.д. Исключительным было влияние на правовое мышление фундаментального восьмитомного труда Вольфа «Естественное право». Подчеркивая вечный характер идеальных норм права, коренящихся в «неизменно» природе человека, Вольф писал: «Я нашел источник всех законов в человеческой природе, которая одними уже давно была выявлена, другими вновь повторена и никем не доказан; я же переубедил себя не мнением, но в большей степени убедился в истине. Таким образом, мне стал известен… весь объем естественных прав, который охватывает все человеческие поступки, какими бы они не были; и я, наконец, понял, каким образом позитивные права должны возникнуть из естественного права, чтобы они, свободные от любого порицания перед судом разума, не должны были опасаться за то, что их захотел бы кто-то отрицать» [5, стр. 330].

Высшие начала права являются неизменными, поскольку неизменны вечные законы логики и те принципы, на которых устроен разум человека. Если позитивное законодательство и подвержено каким-либо изменением, то лишь вследствие своего неполного соответствия высшим основаниям права. В той же мере, в какой такое соответствие между позитивными и вечными законами можно установить, нормы позитивного законодательства также могут пониматься как нечто, не подлежащее изменению.

Понятно, что принцип историзма в праве совершенно невозможен без идеи развития, напрочь отрицавшейся метафизикой, которая в XVIII веке доминировала в правовой теории. Для укоренения принципа историзма в праве на смену метафизическому методу мышления должна была прийти диалектика. Идея историзма сравнительно поздно входит в круг системообразующих понятий теории права к концу XVIII в. Она была в основном чужда как античному мышлению с его пониманием права как субстанциального первоэлемента бытия, так и новоевропейскому теоретизированию, выводившему базовые нормы права из принципов разума и общественного договора. В своей полной реализации идея историзма в праве впервые выступает лишь в двух теоретико-правовых системах: у Г.В.Ф. Гегеля и у Ф.К. Савиньи. Карл Савиньи, его предшественники и последователи (Г. Гуго, Г.Ф. Пухта, Р. Иеринг), актуализировали основную тенденцию развития правовой теории, заложенную классиками науки Нового времени. Но в отличие от последовательных рационалистов Монтескье, Руссо и Канта [1; 8; 9, стр. 50-69; 14], ими был обоснован иррационалистический вариант правового историзма.

Список литературы

1. Абубакаров А.А., Исмагилов И.Р., Клименко О.А. Государственный суверенитет как конституционная ценность (сравнительный анализ трактовки понятия суверенитета Кантом и Гегелем) // Ученые записки юридического факультета. – 2017. – № 44-45(54-55). - С. 116-122.
2. Баскин Ю.Я. Проблема свободы в философии права Христиана Томазия // Известия высших учебных

заведений. Правоведение. – 1999. – № 2. - С. 34-38.
3. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
4. Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 181-185.
5. Зенн М. История права – Культурно-исторический очерк. СПб, Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2016. – 532 с.
6. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
10. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
11. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
12. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
13. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 42-47.
14. Лежнева О.Ю. Мораль, право, суд: Кант о свободе и ответственности личности // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 181-187.
15. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.
16. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
17. Развитие философии права в Новое время (Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Пуфендорф, Томазий, Лейбниц, Монтескье, Руссо) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, Л.А. Чеговадзе, В.П. Сальников, А.П. Альбов. Глава II // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 78-157.
18. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
19. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
20. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
21. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
22. Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129.
23. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
24. Федюшкина А.И. Христиан Томазиус: новации юридического образования в Германии (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С. 245-248.
25. Dries K. H. Die Rechtslehre des Thomasius unter besonderer Berücksichtigung der Veränderungen seines Rechtsbegriffs. – Köln, 1963.

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

БЕЛОЗЕРОВА Ольга Александровна,
историк-исследователь, независимый консультант, кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: oab1991@yahoo.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПОЗИЦИЯ И ВЗГЛЯДЫ ВОЕННОГО МИНИСТРА А.Н. КУРОПАТКИНА В СВЯЗИ С РЕШЕНИЕМ МАНЬЧЖУРСКОГО ВОПРОСА НАКАНУНЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904-1905)

Аннотация. *Анализируется жизнь и деятельность А.Н. Куропаткина на посту военного министра в 1904-1905 гг. Отмечается, что для советской историографии был характерен стереотипный подход к оценке деятельности генерала. Приводятся взгляды А.Н. Куропаткина на решение Маньчжурского вопроса; формулируется вывод о том, что он был одним из немногих, кто полностью понимал в политических и военных измерениях того времени роль и место Маньчжурии на Дальнем Востоке.*

Ключевые слова: *А.Н. Куропаткин; военный министр; Маньчжурия; русско-японская война; военно-стратегические цели.*

BELOZEROVA O.A.

POSITION AND VIEWS OF THE WAR MINISTER A.N. KUROPATKIN IN CONNECTION WITH THE DECISION OF THE MANCHURIAN QUESTION ON THE EVE OF THE RUSSO-JAPANESE WAR (1904-1905)

The summary. *The life and activity of A.N. Kuropatkin as Minister of War in 1904-1905. It is noted that for Soviet historiography there was a stereotypical approach to assessing the activities of the general. The views of A.N. Kuropatkin on the solution of the Manchurian question; the conclusion is drawn that he was one of the few who fully understood in the political and military dimensions of that time the role and place of Manchuria in the Far East.*

Key words: *A.N. Kuropatkin; the Minister of War; Manchuria; the Russo-Japanese War; military-strategic goals.*

В связи со 170-летием со дня рождения генерала Алексея Николаевича Куропаткина (1848–1925) отмечается большой интерес к его личности и военно-теоретическому наследию, в том числе и его деятельности накануне и в период русско-японской войны (1904–1905).

Появляются новые данные и факты, и открываются ранее не известные страницы его жизни, которые позволяют приблизиться к более объективной исторической интерпретацию его деятельности и более достоверному образу этого крупного государственного и военного деятеля Российской империи [5; 9; 10; 13; 21; 22; 26; 27; 31].

Идеологизированный и стереотипный подход к оценке деятельности А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны был характерен для советской историографии. Он был обусловлен так называемым «феноменом Скобелева» [37; 38], исходом русско-японской войны и публикациями военных корреспондентов, большая часть которых была аккредитована при японской армии, а также определенную негативную роль сыграли воспоминания С.Ю. Витте (одного из главных оппонентов А.Н. Куропаткина) и заказанные им публикации, на которые ряд исследователей до сих пор широко ссылается без должного критического анализа, несмотря на то, что Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин [1; 2] и другие исследователи уделили большое внимание истории их появления. Еще более негативную роль сыграла широко известная работа «Куропаткин и его помощники» немецкого корреспондента, майора, барона фон Теттау (СПб., 1913–1914), приписанного к Российской армии и подвергшего русскую армию и ее командование уничижительной и большей частью не подтверждавшейся фактами критике. В этой связи важен, но менее известен, ответ барону генерала Н.А. Ухач-Огоровича, начальника управления разведки и управления транспорта 1-й Маньчжурской армии, в котором он опровергал и снимал многие обвинения в адрес командования, котоый заканчивался следующими словами: «Неудачная война подействовала неблагоприятно в моральном отношении; но во много раз сильнее повлияла эпоха разоблачений, наступившая после войны. Установился какой-то спорт — покрепче ошельмовать участников Маньчжурских событий!» [33, стр. 110].

Частично поддержанию старых стереотипов на современном этапе способствовало переиздание ряда послевоенных публикаций Е.И. Мартынова (1991), В.А. Апушкина (2005), М.В. Грулева (2007), А.И. Любинского (2012) и др., содержащих, наряду с важной информацией, преимущественно необоснованную критику в адрес генерала. За резкими высказываниями в адрес А.Н Куропаткина, при более близком рассмотрении, часто стояли задетое самолюбие или личные счеты (Л.Н. Соболев, К.К. Случевский, М.В. Грулев, Ф.П. Рёрберг), расхождения во взглядах, принадлежность к другому идейному лагерю или родственные связи (М.И. Драгомиров, С.К. Гершельман, Ф.К. Гершельман, Е.И. Алексеев, О.-Ф. Гриппенберг, А.В. Каульбарс, Н.П. Линевич, А.Ф. Редигер и др.).

Современные исследователи стали обращать внимание, что в этих публикациях часто не беспристрастно звучала «уничтожающая критика» и наметилась тенденция, перешедшая в дальнейшем в историографию, переложить ответственность за неудачный исход войны на А.Н. Куропаткина. И.В. Деревянко писал: «Особенно отличился здесь В.А. Апушкин, журналист, полковник Главного военно-судного управления и автор ряда книг по русско-японской войне. Венцом «творчества» Апушкина стала обобщающая работа „Русско-японская война 1904–1905“ (М., 1911), где собраны воедино все его взгляды и ясно указан главный виновник поражения — А.Н. Куропаткин. Впрочем, многие другие авторы, хотя большинство из них в той или иной степени страдали „апушкинизмом“, были более объективны» [14, стр. 10].

На протяжении XX века эти работы, в сочетании с идеологизированным подходом к изучению его военной и государственной деятельности, не позволяли увидеть реальный образ А.Н. Куропаткина и всесторонне исследовать занимаемую им позицию, как военного министра, а затем командующего Маньчжурской армией, а также некоторые факты, обстоятельства и условия начала и ведения войны, хотя известно, что при жизни генерала, на его стороне были многие как русские, так и иностранные военные и общественные деятели, которые видели в его поступках пример верности присяге и служения отечеству и свойственной русскому человеку жертвенности, и многие из которых оставались с ним в дружественных отношениях до конца его дней.

Поскольку деятельность военного министра А.Н. Куропаткина (1898 1904) накануне русско-японской войны и его позиция в связи с той кампанией все еще недостаточно исследованы, необходимо уточнить и проследить эволюцию его

взлядов, как военного министра, на положение дел в подчиненном ему ведомстве накануне русско-японской войны (1904 1905), и, в частности, на решение «Маньчжурского вопроса», вставшего весьма остро после японо-китайской войны (1884 1885) в связи с арендой Российской империей Квантунского полуострова с Порт-Артуром, строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), часть которой проходила по территории северной Маньчжурии, и боксерского восстания в Китае (1900 1902), что было рассмотрено автором более подробно в ряде других работ [3; 4; 7].

А.Н. Куропаткин был утвержден в должности военного министра 1 июля 1898 г., когда важные государственные решения, определившие ход событий на Дальнем Востоке и приведшие к боксерскому восстанию, а затем к русско-японской войне, были уже приняты царским правительством. Явившись наследником идей и дел Д.А. Милютина, К.П. Кауфмана, П.С. Ванновского и Н.Н. Обручева, он столкнулся с рядом проблем в военном ведомстве, явившихся в большой степени результатом недостататочного финансирования в предыдущие десятилетия.

По вступлении в должность сложные внешние и внутренние обстоятельства «обязывали» А.Н. Куропаткина сделать военно-исторический обзор и провести сравнительный и статистический анализ деятельности русской армии за прошедшие 200 лет [16], а также военно-стратегический обзор государственных границ и оценить силы Российской империи и ее противников на возможных театрах военных действий. Опираясь на полученные данные, он сделал прогнозы в военном и экономическом отношении и выдвинул предложения по дальнейшему усилению русской армии и ее боевой готовности в краткосрочной и долгосрочной перспективах, которые изложил во всеподданнейшем докладе 14 марта 1900 г. [11] А.Н. Куропаткин рассматривал военное положение России исходя из ресурсов страны, государственных границ, состава вооруженных сил, исторических и военных задач времени, включая экономические и политические цели, и выделял две главенствующие задачи: 1) охрана целостности границ и 2) поддержание силой оружия внутреннего спокойствия на окраинах России. Относительно границ он пришел к выводу о том, что России было невыгодно вступать в вооруженную борьбу с целью изменения существовавших границ.

Им был отмечен качественный и численный рост армии, а также изменение в качестве комплектования войск (воинская повинность вместо рекрутских наборов). С Восточной войны, в 1855 г., впервые резко выразилась разница между мирным и военным составами войск, что стало обычным явлением со времени введения всеобщей повинности. При относительно слабом росте мирного состава военный состав армии особенно возрос за время царствования императора Александра III. Объяснялось это накоплением прошедшего службу в армии обученного запаса, «соответствующим приспособлением войсковых штатов мирного времени» и, особенно, «мероприятиями минувшего царствования по развертыванию второлинейных войск» [12], что в дальнейшем отразилось и на ходе русско-японской войны.

В обязанности военного ведомства входила разработка всех соображений на случай войны с европейскими или азиатскими соседями независимо от отношений, в которых Россия с ними находилась. На случай разрыва с Японией Главный штаб начал работать над планами еще с японо–китайской войны (1894 1895).

При большом количестве неудовлетворенных требований на западной границе представители военного ведомства, в отличие от министерства финансов, были убежденными противниками активной политики на Дальнем Востоке, а также в Афганистане и Персии. Тем более, что по окончании русско-турецкой войны (1877–1878) ассигнования на армию стали постепенно сокращаться, а с 90–х годов XIX в. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте началось резкое сокращение всех военных расходов, при этом миллиарды рублей уходили на экономическую политику «мирной экспансии», не оправдавшую себя уже к 1902 году. Огромные средства шли также на программу развития морского флота. Помимо этого министр финансов образовал в своем министерстве отделы других министерств: путей сообщения, военного, морского, народного просвещения, внутренних дел, земледелия, иностранных дел, оказавшись тем самым не только «собирателем денежных средств, но и главным их распорядителем, отстаивающим при составлении бюджета принцип свободной наличности». Система была проста: урезывать предъявленные всеми ведомствами денежные

требования и в то же время ожидаемые поступления. В результате, когда настоятельные нужды по обороне государства оставались неудовлетворенными, превышение доходов над расходами, составляло в некоторые годы свыше 200 млн руб. Очевидно, что при иной постановке дела, военное министерство могло получить необходимую дополнительную сумму и значительно поднять боеготовность на Западе и на Дальнем Востоке. Генерал А.Н. Куропаткин выделял главной причиной несоответсвующей боевой готовности войск недостаточность финансовых средств, выделяемых из казны: «Эта недостаточность отпусков происходила: а) от огромного увеличения отпусков на военный флот, б) от производства огромных отпусков на предприятия по Дальнему Востоку, которыми ведал министр финансов; в) от неправильной системы исчисления ожидаемых доходов» [20, гл. 5].

Помимо этих проблем, стоящих перед военным ведомством, летом 1900 г. в Китае началось боксерское восстание, приведшее к значительному разрушению КВЖД и потребовавшее мобилизации 220-тысячной армии и ведения военных действий. Несмотря на неоднозначность оценок событий 1900–1902 гг., связанных с этим восстанием, по своему масштабу и значимости они, по оценке И.М. Попова, стали «наиболее серьезным и крупномасштабным военным столкновением России и Китая за всю историю их взаимоотношений, а после борьбы между Россией и Китаем за Албазин во второй половине XVII в. их можно было квалифицировать как второй пик конфронтационности военно-политических отношений двух государств» [25, стр. 357]. Эти события тяжелым бременем легли на военное ведомство и на его главу, как в военном, так и в политическом отношении [36, p. 110-112].

Процесс военного и политического урегулирования в Маньчжурии в 1900 году при вмешательстве великих держав, имевших свои интересы в регионе, в итоге привел к эскалации напряженности в отношениях между Россией, Китаем, Японией, Кореей и великими державами и по оценке ряда исследователей уже тогда мог привести к мировой войне, однако в тех условиях он вылился в так называемый «Маньчжурский вопрос», возникший изначально в связи с выводом русских войск после подавления восстания из Северного Китая, но получивший в сочетании с другими факторами и обстоятельствами неожиданное развитие.

Сразу после начала боксерского восстания А.Н. Куропаткин не разделял и считал ошибочной позицию, занятую министерством иностранных дел во главе с В.Н. Ламздорфом, в связи с задержкой ввода войск для защиты КВЖД, а после успешного окончания военных действий с необходимостью и целесообразностью ведения сепаратных переговоров с Китаем (в которых С.Ю. Витте играл ключевую роль). Он считал, что о компенсациях и экономических уступках следовало договариваться незамедлительно после подавления боксерского восстания в рамках «консорциума держав-победителей». Разгром восставшими КВЖД в дальнейшем сказался на готовности России к русско-японской войне, а именно: в приостановке по приказу Е.И. Алексеева на год крепостных работ в Порт-Артуре, скорости сосредоточения войск в регионе, а также значительных финансовых и материальных издержках. В дальнейшем расхождения между тремя министрами В.Н. Ламздорфом, С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткиным по вопросу о выводе русских войск после подавления восстания усугубились, хотя официально они выступали единым фронтом.

В результате для военного ведомства основной задачей на Дальнем Востоке стало усиление боеспособности и увеличение численности войск в регионе. Важно отметить, что уже в 1899 г. был разработан план по военному ведомству в части увеличения численности русской армии на Дальнем Востоке и стратегического видения возможной будущей кампании, согласно которому в ближайшие годы было необходимо довести состав выставляемых на Дальнем Востоке войск из Приамурского и Сибирского округов и Квантуна до «48 стрелковых, 48 резервных батальонов, 57 эскадронов и сотен, 236 орудий, 3 3/4 саперных батальонов, сведенных в три корпуса» [20, стр. 126]. В 1901 г., совместно со штабами Приамурского военного округа и Квантунской области, были выработаны и утверждены «Общие основания для действий против Японии». Разработка и ревизия военных планов на суше велась по инициативе и под контролем А.Н. Куропаткина. Трудности и обстоятельства, с которыми столкнулись военное и морское ведомства, были рассмотрены не одним исследователем, в частности, современное

видение хода разработки планов было дано Н. Папастратигакисом [23; 34].

С учетом сложившихся условий и недостатка финансирования, а также в сравнении с несколькими батальонами, ранее находившихся в Сибири и Приамурском округе, собранные силы были значительными, что требовало «больших жертв и усилий» со стороны военного ведомства. Поскольку содержание многочисленной армии в отдаленном и малонаселенном регионе не представлялось возможным и являлось огромным бременем для государства, военное ведомство поставило цель разработать план создания в Сибири и Приамурье армии такой силы, которая в случае войны могла дать первый отпор противнику на начальном этапе и составить заслон, по аналогии с теми же условиями, что и «на западной границе, на Кавказе, на Афганской границе: местные войска образуют сильные заслоны, или войска боевой линии, под прикрытием которых и должно совершаться сосредоточение резервов». При этом подчеркивалось, что от быстроты подвоза резервов зависел во многом ход военных операций в начале кампании, и учитывалось, что на тот момент Транссибирская дорога была слаба, а КВЖД еще не закончена [6].

Признавая принципиальную неготовность России к войне, о чем генерал неоднократно заявлял, он подчеркивал важность дипломатического посредничества для мирного урегулирования отношений с Японией и Китаем, и принимал в этом активное участие. Военному министру была очевидна надвигавшаяся угроза Дальнему Востоку и даже вероятность «потерять» всю Сибирь до Байкала. Исходя из военно-стратегических соображений, генерал твердо проводил линию военного министерства, корректируя ее с учетом «фазиса» развития событий.

Летом 1900 г. военный министр считал, с точки зрения права следовало руководствоваться «Основаниями русского правительственного надзора в Маньчжурии», разработанными по соглашению трех министров, хотя основным автором был А.Н. Куропаткин [32, стр. 301], и являвшимися базой предстоящих переговоров России с Китаем относительно Маньчжурии, и действовать соответственно с ними.

Позиция А.Н. Куропаткина также прослеживалась в его ответе В.Н. Ламздорфу в связи с секретной телеграммой посланника в Пекине действительного статского советника М. Гирса от 28 ноября 1900 г., в которой сообщалось о стремлении князя Цина и Ли Хунчжана (прибегших в то время уже к советам других держав) возможно скорее добиться от России возвращения Китаю Маньчжурии.

В.Н. Ламздорф, летом 1900 г. назначенный управляющим Министерством и при поддержке С.Ю. Витте с января 1901 г. ставший министром иностранных дел, обратился к А.Н. Куропаткину с просьбой дать заключение по ней. Из телеграммы видно, что посланник в Пекине полагал возможным заключить соглашение между миссией в Пекине и китайскими уполномоченными с целью выговорить исключительное право получить концессию на обработку рудных богатств и постройку железных дорог в Маньчжурии; что тогда же надлежало заявить те права, которые Россия желала сохранить за собою в Маньчжурии, а также что предполагаемая поездка князя Э.Э. Ухтомского в Маньчжурию должна была успокоить китайцев.

Из ответа генерала от 3 декабря 1900 г. следует, что с военной точки зрения А.Н. Куропаткин придавал особое значение тому, чтобы Россия не торопилась с выводом русских войск из северной части Маньчжурии вдоль линии отчуждения КВЖД, считая, что главными задачами России в Маньчжурии на тот момент были окончание там постройки железных дорог и обеспечение, по окончании работ, такой охраны, которая полностью бы гарантировала связь России через Маньчжурию: в одну сторону — до Владивостока и в другую — до Порт-Артура. Военный министр неоднократно высказывал свое убеждение, что охранная стража, находящаяся в ведении министерства финансов, даже при ее усилении не могла справиться с теми задачами без поддержки ее русскими войсками, расположенными в Маньчжурии. Он указывал, что еще в октябре 1900 г. в пределах Китая находилось свыше 60 батальонов пехоты с соответствующим числом частей других родов оружия, а к ноябрю в Маньчжурии было расположено 28 батальонов и в Печилийской провинции 6 батальонов; что составляло уже 34 батальона (кроме соответствующих частей войск других родов оружия). Принимая в расчет произведенную демобилизацию войск, русские силы в пределах Китая в октябре и ноябре были уменьшены более, чем вдвое. Военный министр отмечал, что к лету 1901 г. было бы желательно

произвести новое значительное сокращение этих сил, однако до окончания постройки железной дороги он сомневался, что будет возможно обойтись в Маньчжурии меньше, чем 20 батальонами с соответствующими частями других родов оружия. По окончании постройки и при сохранении спокойной обстановки А.Н. Куропаткин полагал возможным ограничиться расположением русских воинских частей лишь в двух северных провинциях: в городах Харбине, Гирине и Цицикаре — 8-ми батальонов и в Мукденской провинции, в Мукдене, — 4-х батальонов, предоставив занятие и непосредственную охрану линии железной дороги войскам охранной стражи [24].

Еще в 1900 г., приводя веские соображения и руководствуясь принципами государственной безопасности, а также целесообразности и эффективности, и будучи «убежденным сторонником неприсоединения к России Маньчжурии», он подчеркивал, что в переговорах с Китаем вопрос о сохранении за Российской империей права «иметь войска в Маньчжурии первенствующее значение перед всеми прочими интересами», как политического, так и экономического характера. 1900 год показал, как население Китая относилось к российским предприятиям в Маньчжурии. Только благодаря своевременному занятию Пекина удалось быстро погасить восстание, уже перекидывавшееся в Маньчжурию, что подтверждало правильность позиции военного ведомства. В последствии генерал считал, что урок прошел даром, так как после «маньчжурских авантюр» появились еще более опасные «корейские авантюры», которые задевали интересы Японии в Корее.

В 1901 г. в ответе В.Н. Ламздорфу на его запрос о том, какие задачи Россия должна преследовать в Маньчжурии, А.Н. Куропаткин ответил письмом, в котором подробно изложил свою концепцию и придерживался ее вплоть до октября 1903 г. [19, стр. 6]. В нем он подробно разбирал значение для России Южной Маньчжурии, предостерегая, что не следовало захватывать в той или другой форме Южную Маньчжурию, поскольку это привело бы Россию к войне с Китаем и Японией. В отношении «пустынной и прилегающей к России» Северной Маньчжурии он считал, что после проведения магистрали она должна войти в «сферу особого влияния России и быть ею особо охраняема, дабы жертвы, принесенные Россией на Дальнем Востоке, не оказались ей во вред». Он также указал, что Порт-Артур не усиливал, а ослаблял положение России. Не осталась без его внимания и смена японского правительства во главе с Кацура Таро в мае 1901 г. [8, стр. 18-20].

В начале 1902 г. в северной Маньчжурии были проведены две последние крупномасштабные военные операции. В военно-стратегических целях (в частности, для сокращения охраняемой границы с Китаем в два раза и обеспечения надежной коммуникации с Порт-Артуром), а также в экономических интересах развития Приамурского края А.Н. Куропаткин, после боксерского восстания, признавал необходимым в северной Маньчжурии осуществление контроля со стороны Российской империи (без территориального присоединения) и присутствие ограниченного контингента русских войск в строго определенных районах вдоль полосы отчуждения КВЖД для защиты интересов и многомиллионных капиталовложений государства.

Не последнее место при принятии военным министром решений играли такие политические факторы, как продолжающиеся беспорядки и нестабильность в Китае, конфликт интересов ведущих стран, сближение Японии с Китаем и насторожившее правительство и Николая II соглашение Германии с Англией о сферах влияния на Дальнем Востоке, подписанное в Лондоне 16 октября 1900 г. США также выдвигали свои торговые и таможенные требования. Япония, не найдя в лице России союзника в своих действиях по отношению к Корее, подписала в январе 1902 г. англо-японский договор.

29 марта 1902 г. в Пекине было подписано русско-китайского соглашения, определившее порядок вывода из Маньчжурии в три этапа русских войск, находившихся там для подавления боксерского восстания и защиты железнодорожных магистралей. От России документ подписал действительный статский советник П.М. Лессар. Китайское правительство было предупреждено, что Россия не преследует враждебных целей в отношении Китая и что его независимость и неприкосновенность положены в основу русской политики на Крайнем Востоке [25, стр. 354]. Это решение было принято по инициативе В.Н. Ламздорфа, за которым стоял С.Ю. Витте. Свою роль также сыграли, хотя и противоположного характера,

донесения, требующие усиления военного присутствия на Дальнем Востоке Н.И. Гродекова и Е.И. Алексеева из Китая.

Соглашение было подписано без предварительной консультации с военным министром. А.Н. Куропаткин впоследствии неоднократно указывал на его нецелесообразность и ошибочность. На пути в Японию 28 мая 1903 г. им была сделана следующую запись: «знаменательные правительственные сообщения о том, что мы не ведем войны с Китаем, и о том, что мы очистим Маньчжурию, составлялись и были обнародованы без всякого участия военного министерства. Никогда еще не было, чтобы в прежнее время в деле, в котором была привлечена вооруженная сила государства, где участие этой силы решило участь Маньчжурии и Пекина, государи русские не справлялись с мнением лица, которому было вверено ими же управление вооруженными силами государства <…> Конечно, военный министр, ранее обнародования правительственного сообщения, подал бы голос за то, чтобы военные действия, в которых мы потеряли 2000 человек, считались войною. Конечно, военный министр настаивал бы, чтобы хотя северная часть Маньчжурии осталась за Россиею. Я делал эти заявления много раз и словесно и письменно, но уже после того, как государево слово было произнесено».О роли этого соглашения и его последствиях, в частности, вмешательства иностранных держав, А.Н. Куропаткин писал: «В каждом совещании это уже данное обещание висело над нами, давило нас и заставляло хлопотать о мелочах, ибо главное — очищение Маньчжурии — признавалось делом решенным. Тем не менее невозможность для России отдать после всех принесенных жертв северную Маньчжурию, забыть, что китайцы напали на Благовещенск, переносить неудовольствие, а потом вмешательство разных держав в дело (Маньчжурское), которое должно было быть нашим внутренним делом, становилась все яснее не только для государя, но и для Ламздорфа и Витте» [35, стр. 409].

Тем не менее в оценке генерала положение дел в 1902 г. после подписания договора 26 марта 1902 г. было еще благоприятным, и Россия, начав приводить в исполнение свои обещания по выводу войск из Маньчжурии, могла рассчитывать на спокойное течение дел на Дальнем Востоке, однако в конце 1902 г., по мнению генерала, появились тревожные признаки возможного разрыва с Японией.

Весной 1903 г. военное ведомство, подготовившись во всех отношениях, приступило к выводу войск уже согласно второму этапу договора 1902 г., и 5 апреля 1903 г. император утвердил журнал совещания 26 марта 1903 г., с которым А.Н. Куропаткин 15 апреля 1903 г. должен был ехать на Дальний Восток и в Японию, поручив военному министру «изгладить следы деятельности Безобразова», и «по соглашению с Е.И. Алексеевым, исполнить очищение Мукденской провинции», включая Инкоу и Мукден. Перед своей поездкой А.Н. Куропаткин несколько раз встречался с японским посланником Курино Синитиро и уехал с полной надеждой предотвратить войну с Японией, положив конец «затеям Алексеева и Безобразова».

Однако по пути на Дальний Восток военный министр узнал, что по инициативе Е.И. Алексеева «очищение войск» было приостановлено, и, сверх того, «уже очищенный» Мукден был вновь занят, а военному министру было приказано не делать никаких распоряжений по журналу 26 марта 1903 г., так как в нем, в силу действий группы А.М. Безобразова, последовали значительные изменения. А.Н. Куропаткину предписывалось задержаться во Владивостоке, а после посещения Японии отправиться в Порт-Артур для обсуждения вместе с Е.И. Алексеевым и А.М. Безобразовым программы действий по «новому курсу», который был принят 7 мая 1903 г. без совещания с министрами иностранных дел, финансов и военным.

Генералу были переданы на рассмотрение соответствующие документы, в том числе и проекты А.М Безобразова, человека малосведущего в военных и государственных делах, о немедленном сосредоточении в Южной Маньчжурии армии в 70 000 человек, что по многим причинам было невыполнимо. Военный министр занял активную позицию, решив бороться, «пока хватит сил», чтобы «увлечения» по Дальнему Востоку не причинили России и государю бедствий.

Свое видение главнейших оснований, изложенных в этих документах, решивших вопрос о «новом курсе» и, в итоге, о войне с Японией, военный министр изложил позднее в «Прологе маньчжурской трагедии» [19, стр. 10-25]. В общих чертах он определял новый курс как

«измышления» группой А.М. Безобразова способов нарушить договор 26 марта 1902 г., прикрываясь громкими фразами вроде «прекращения политики уступок», при этом следующие три задачи составляли суть нового курса «Безобразовской компании»: «1) Удержать за собой (всю — О.Б.) Маньчжурию, не выводя из нее войск, а еще усиливая их; 2) Не пустить туда иностранцев; 3) Под видом защиты наших военных интересов в Маньчжурии запустить лапу в Корею» [19, стр. 15-16]. Возникла опасность военного столкновения, поскольку Япония была более, чем другие страны, задета новой политикой и она стала получать «деньги и всякую помощь», что понимали в кругу А.М. Безобразова. Основными средствами для достижения целей нового курса были: «1) Невывод войск из Маньчжурии; 2) Быстрое подкрепление этих войск из России; 3) Образование наместничества (государства в государстве)».

По мнению А.Н. Куропаткина, принятый таким образом «новый курс» грозил осложнениями не только с Японией и Китаем, но и иностранными державами. Он также считал нецелесообразным добавление к программе требования «по недопущению проникновения в Маньчжурию иностранного влияния», особенно при отсутствии существенных русских экономических интересов в Маньчжурии, чтобы из-за них «рисковать войной со всем светом». Военный министр ехал на Дальний Восток, готовясь выполнить договор 26 марта 1902 г. по выводу частично уже выведенных войск по второй его части, однако получалось, что, по представленной А.М. Безобразовым записке императору, в Маньчжурии в мирное время необходимо было «собрать армию». В сроки, отпущенные военному министерству, при неготовности железной дороги, «собрать в мирное время армию в Маньчжурии, которая бы устрашила японцев и помешала бы объявить нам войну» генералу не представлялось возможным [19, стр. 10].

Еще в 1900 г. А. Н. Куропаткин отмечал, что для доведения войск до необходимой силы на Дальнем Востоке военному ведомству требовалось около 6–7 лет. Ни финансовых средств, ни такого срока у А.Н. Куропаткина не было, тем более после принятия «новой» экономической политики и последовавшего указа императора от 30 июля 1903 г. об учреждении наместничества на Дальнем Востоке во главе с адмиралом Е.И. Алексеевым.

Перед наместником и высшим военным командованием была поставлена серьезная задача: «в минимальный срок, не останавливаясь ни перед какими расходами, поставить боевую готовность на Дальнем Востоке в равновесие с политико-экономическими задачами в регионе», при этом император требовал предоставить «очевидное для всех доказательство решимости отстоять право» России на исключительное влияние в Маньчжурии, а также «дать широкое развитие деятельности русских предпринимателей в Маньчжурии при полной поддержке центральных управлений и местных властей, в особенности в районах, представляющихся важными в политическом и военном отношениях» [35, стр. 394-395].

Фактически это означало отказ от выполнения пунктов русско-китайского договора 26 марта 1902 г. и быстром наращивании военной мощи Российской империи в регионе. В силу действий получившего титул статс-советника А.М. Безобразова, в обход военного министра, «вместо увода войск из Маньчжурии, в нее направлялись 16 батальонов 10-го и 17-го корпусов» [19, стр. 28]. Для военного министерства это означало отстаивать позиции военного ведомства, срочно приступить к корректировке военных планов и готовиться к военным действиям.

Перед А.Н. Куропаткиным была поставлена «тяжкая задача» — определить вместе с Е.И. Алексеевым необходимые военные мероприятия, которые должны были быть: «1) в равновесии с нашими политико-экономическими задачами на Дальнем Востоке; 2) они должны давать нам право на исключительное влияние в Маньчжурии». При таком условии поставленные перед ним задачи становились «крайне неясными»: «Очищая северную Маньчжурию, мы теряем базу для наших войск и в то же время теряем средства скоро помочь оторванному Квантуну» [35, стр. 397].

Генерал считал, что преследуемые экономические интересы в Маньчжурии, с учетом сложившегося положения, не стоили обострения отношений между государствами и угрозы войны. Отвечая не только за границы на Дальнем Востоке, но и на западе, он указывал, что «недочеты» на западе представляли главную опасность России и императорскому трону, он неоднократно

указывал, что «с запада собираются грозные тучи, что и в России не спокойно, что поэтому при ограниченности денежных средств, коими Военное министерство будет располагать в следующее пятилетие, я не выполню своего долга перед государем и родиною, если не буду горячо отстаивать увеличение нашей боевой готовности на западе, как то уже было преднамечено самим государем. Что расходование сил и средств, кои нужны России, чтобы твердо стать на Висле, Нареве, Немане, в юго-западном крае, будет роковою ошибкою, за которую мы можем тяжко расплатиться. Что нельзя нам играть в руки вероятных врагов наших. Что Вильгельм и вся Германия радуются каждой новой затрате России на Дальнем Востоке, ибо, ослабляя себя этим на западе, мы вместе с сим теряем постепенно право на голос в европейских делах, подобающий России как великой европейской, а не азиатской державе. Но восторг Германии, Англии, Америки, Австрии, Италии, Швеции, Турции будет неописуем, если мы ввяжемся в войну с Японией. Одним ударом получится два важных результата: ослабление России и ослабление Японии. Мы, конечно, выйдем победителями, но жертвы, нами принесенные, будут так громадны, что мы на западе станем тоже очень ослаблены и с нами можно будет перестать стесняться. Япония, которая должна неизбежно сцепиться в довольно близком будущем из-за экономических, важных и жизненных для нее причин с Англиею, Америкою и даже Германиею, сцепится с нами из-за лишь фиктивно важных для нас интересов. Мы своими руками вытащим каштаны из огня для других и можем порядочно испортить если не руки, то пальцы на руках» [35, стр. 399-400].

Тем не менее, «заслон» в случае столкновения с Японией силой в 172 батальона, из которого свыше 100 батальонов могло быть выделено для военных действий, был создан в весьма короткие сроки [20, стр. 125-126]. Помимо быстрого увеличения численности войск на Дальнем Востоке в период 1896–1903 гг. создавались склады необходимых запасов и спешно укреплялись крепости Владивосток и Порт-Артур.

Генерал продолжал отстаивать позицию военного ведомства и не очищать Северной Маньчжурии, поскольку охрана дороги от возможного разгрома требовала присутствия на ее линии хорошо вооруженной силы, что не срывало второго этапа вывода войск согласно договора 26 марта 1902 г. При сложившихся обстоятельствах для него вопрос упирался в сроки, поскольку «постановка» готовности на Дальнем Востоке с учетом новых политико-экономических задач не могла быть выполнена в несколько месяцев.

Согласно записи, сделанной А.Н. Куропаткиным 16 марта 1903 г., он пришел к заключению, что в результате «всех деяний Безобразова» на Дальнем Востоке явились «две политики» — «императорская» и «безобразовская», что вызывало тревогу и опасения в Японии и Китае [15, стр. 124-125]. Ранее принятая, дорогостоящая и не оправдавшая себя программа «мирной экономической экспансии», реализуемая министром финансов и создавшим на Дальнем Востоке свою «империю Витте» и подчинившим своему контролю многие государственные структуры, также не способствовала стабилизации положения в регионе [8, стр. 20].

По оценке А.Н. Куропаткина, критические изменения внутри страны наступили с принятием «новой политики» в мае 1903 г. и последовавшим образованием наместничества на Дальнем Востоке. Без ведома министров отделялся большой стратегический регион с изъятием всей гражданской и военной части из ведения министерств. Это привело к серьезному правительственному кризису летом 1903 г., за полгода до объявления Японией войны, и значительно повлияло на предвоенный ход событий. Как известно, В.Н. Ламздорф поставил вопрос о доверии еще 28 мая 1903 г. Министерство иностранных дел находилось в тяжелых условиях, а с утверждением прав Наместника получалась двойственность в ведении дипломатических дел. 15 августа 1903 г. министр финансов С.Ю. Витте был отправлен в отставку. В конце мая – начале лета А.Н. Куропаткин был в поездке по Дальнему Востоку и в Японии, и по возвращении, 2 августа 1903 г. (после образования Дальневосточного наместничества), в очередной раз был вынужден поставить вопрос о доверии. Группа А.М. Безобразова, за которой стояли высокопоставленные лица и члены царской семьи, приобретала всё большую свободу действий. В трудных условиях, находясь в вынужденном отпуске до принятия императором решения, генералу приходилось отстаивать позицию военного министерства. Положение еще более обострилось к осени 1903 г., когда

сепаратные переговоры с Китаем были прекращены и подхвачены Японией.

Позиция и взгляды военного министра в решении Маньчжурского вопроса были обусловлены военно-стратегическими целями и задачами для установления прочного и долговременного мира. Об этом он не раз заявлял с самого начала военных действий в Маньчжурии, что находит подтверждение в ряде записок и докладов А.Н. Куропаткина Николаю II. Военный министр настаивал на усилении военной охраны КВЖД, для того чтобы «разоруженная Маньчжурия, прорезанная русскими железными дорогами, охраняемая русскими войсками, надежно прикрыла Приамурский край и тем дала возможность к спокойному и мирному развитию этой важной окраины» [30].

Он пришел к заключению о том, что для Российской империи было целесообразно упрочение положения, в той или иной форме, лишь в северной части Маньчжурии в строго определенных границах вдоль железнодорожной линии, где население на квадратную версту составляло около одного человека, при этом граница с Китаем сокращалась вдвое, и создавался рубеж против возможного наплыва эмигрантов из Китая, и придерживался его вплоть до осени 1903 г. Однако по получении секретных сообщений о милитаристских намерениях Японии, с сентября 1903 г., в целях избежания вооруженного конфликта, генерал неоднократно выступал с кардинальными предложениями [17; 18], включающими в том числе передачу КВЖД Китайской стороне при получении Россиской империей соответствующей компенсации, которые, хотя и не были приняты, но, безусловно, повлияли на состояние государственных умов, указав на всю серьезность положения, в котором оказалось российское государство в конце 1903 г., и сейчас заставляют задуматься, принимая во внимание дальнеший трагический ход событий в Маньчжурии и судьбу КВЖД.

Необходимо подчеркнуть, что политика и практика ведения дел министерства финансов, особенно в отношении Ближнего и Дальнего Востока, а также «дорогостоящая» морская программа проводились с явным ущербом для военного ведомства. Помимо недостаточного финансирования А.Н. Куропаткин указывал на то, что в то время было «ошибкой развивать флот за счет боевой готовности нашей сухопутной армии, составляющей главную опору России».

Опасения А.Н. Куропаткина относительно западных границ были оправданы. При сложившихся к началу 1903 г. внешних условиях и особенно с подписанием англо-японского договора (1902 г.) Россия оказалась практически в изоляции. В жестких условиях дефицита финансовых средств, конфликта интересов, напряженной внутренней и внешней обстановки военный министр неуклонно проводил линию своего ведомства для выполнения стоявших перед ним целей и задач. Как военный министр, А.Н. Куропаткин высоко ценил заслуги П.С. Ванновского и Н.Н. Обручева. Вступая в управление Министерством, он нашел в некоторых Главных управлениях «вполне надежных помощников: генералов Вернандера, Тевяшева, Маслова, д.г.с. Реммерта, Лобко и даже Щербова-Нефедовича» [29].

В результате проведенной им работы, несмотря на агрессивную политику, проводимую Наместником адмиралом Е.И. Алексеевым на Дальнем Востоке, Россия не вступила первой в войну с Японией, структура управления армией была сохранена, был выработан совместный стратегический план военных действий и «теневой кабинет» А.М. Безобразова потерял силу. 13 января 1904 г. — большая победа военного министерства: «Государь утвердил сегодня, чтобы войска и управления Дальнего Востока оставались в ведении Военного министерства и чтобы присланный наместником проект нового устройства военного управления был рассмотрен по докладу по Главному штабу Военным советом» [15, стр. 218]. С этого момента генерал А.Н. Куропаткин мог действовать более свободно. 15 января 1904 г. состоялось совещание под председательством Великого князя Алексея Александровича по составлению ответа на контрпредложения Японии, где А.Н. Куропаткин, выступая, говорил, что если война неизбежна, то надо было оттянуть ее на 1 год 4 месяца, до окончания работ по Круго–Байкальской железной дороге и усилению Восточно–Китайской. Если же этого нельзя, то «хотя бы на 4 месяца, пока ему удастся послать все подкрепления» [15, стр. 221]. Однако, до начала военных действий оставались считанные дни.

При знакомстве со всеподданейшими докладами, рабочими записками и отчетами, хранящимися в Российских архивах, поражает

титаническая работа, проделанная военным ведомством в тяжелейших финансовых условиях накануне войны. Многие источники и работы по истории русско–японской войны, в том числе и зарубежных авторов, свидетельствуют о том, что А.Н. Куропаткин был одним из немногих, кто полностью понимал в политических и военных измерениях того времени роль и место Маньчжурии на Дальнем Востоке. Он понимал, что Маньчжурия и Корея не стоили войны. Его, как военного и государственного деятеля беспокоило положение дел в Европе и угроза там второго фронта: «Германия – это страшный сосед» предупреждал он [15, стр. 131]. Его стратегическое видение было правильным военное положение России того времени и удаленность региона не позволяли получить быстрых побед на Дальнем Востоке. Адекватно оценивая японскую армию и ее способность вести войну, что видно из доклада А.Н. Куропаткина императору в августе 1903 года, после его поездки в Японию, когда было принято решение о подготовке рубежа обороны по линии Ляоян – Мукден, он писал: «Мы должны держаться против Японии оборонительного способа действий. Хотя мы и выдвигаем свои войска на линию Мукден – Лаоян – Хайчен, но отстоять южную Маньчжурию в первый период войны, если туда вторгнется вся японская армия, мы не можем. Мы должны готовиться, что Порт–Артур будет отрезан на довольно продолжительное время и, не допуская наши войска до частного поражения, должны отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев» [20, гл. 10].

Летом 1903 года во время своей поездки в Японию генерал сделал следующую запись в своем дневнике: «Какие же Россия имеет на Дальнем Востоке интересы, которые стоили бы опасности втянуть Россию в такую борьбу, когда мы слабы на западе, тревожны в центре и крайне слабы на востоке? Неужели пресловутая позиция на Ялу окупит России кровь десятков тысяч сынов ее, трату сотен миллионов рублей в первую войну с Японией и, главное, окупит несомненную опасность, что после первой войны нам придется вести их несколько и в результате, если одновременно мы будем атакованы и на западе, потерять всю Сибирь до Байкала» [28]. Это был голос разума, который не был услышан в то время, когда Россия шла к войне в Маньчжурии.

Высшее командование Российской империи серьезно относилось к военной угрозе со стороны Японии. Генерал А.Н. Куропаткин, говоря, применительно к ситуации и действиям группы А.М. Безобразова «увлечения на Дальнем Востоке» и «фантазии», предупреждал, что «даже победоносная война с Японией будет тяжким наказанием для России, и история никогда не простит тем советникам государя, которые убедили его принять настоящие решения, если они приведут к войне» [35, стр. 410].

Список литературы

1. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. – М.; Л., 1963.
2. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994; 3) С.Ю. Витте и его время. – СПб., 1999.
3. Белозерова О.А. Взгляды военного министра А.Н. Куропаткин на корейский и маньчжурский вопросы в 1903 г. // Реформы и реформаторы как предмет исследования социальных и гуманитарных дисциплин:Матер. междунар. науч. конф. 22 апреля 2016 г. / Под ред. В.М. Доброштана, С.И. Бугашева и др. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2016. – С. 29-32.
4. Белозерова О.А. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин накануне русско-японской войны / О. А. Белозерова // Труды Пятой международной научно-практической конференции «Война и оружие». 14–16 мая 2014 г. Ч. I. – СПб. : ВИМАИВиВС, 2014. – С. 141-153.
5. Белозерова О.А. Генерал Куропаткин о Портсмутском мире // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 143-154.
6. Белозерова О.А. Генерал Куропаткин о целях и задачах военного министерства в конце XIX столетия // Труды Восьмой Международной научно-практической конференции «Война и оружие»: новые исследования и материалы. 17–19 мая 2017 г. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. Ч. I. – С. 220-232.

7. Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903–1905 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2015.
8. Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны. 1903–1905 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2015.
9. Белозерова О.А. Командующий Маньчжурской армией генерал Алексей Николаевич Куропаткин (по дневниковым записям начала русско-японской войны 1904-1905 гг.) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 47-56.
10. Белоконь И.В. «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 155-164.
11. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Ч. 1, Ч.2.
12. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Ч. 1. Л. 12–15 об.
13. Гоков О.А. Поездки генерала А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. и политика Российской империи в данном регионе // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 33-44.
14. Деревянко И.В. «Белые пятна» русско-японской войны. – М., 2005.
15. Дневник генерала А.Н. Куропаткина / А.Н. Куропаткин; вступ. ст. О.Р. Айрапетова. – М., 2010.
16. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. – М., 1973.
17. Куропаткин А.Н. Записка генерал-адъютанта Куропаткина по Маньчжурскому вопросу. 24 ноября 1903 г. (окончание) // РГА ВМФ. Ф. 467. Оп. 1. Д. 405. Л. 1 14 об.
18. Куропаткин А.Н. Записка по Маньчжурскому вопросу и о необходимости занять и присоединить к России северную часть Маньчжурии. 1903 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 182. Л. 1-29 об.
19. Куропаткин А.Н. Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. – Л., 1925.
20. Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904-1905. Итоги войны. – СПб., 2002.
21. Моисеев С.В. Военно-дипломатическая миссия А.Н. Куропаткина в Йэттишаре в 1876-1877 гг. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 85-105.
22. Николаев Н.Ю. А.Н. Куропаткин и Гаагская мирная конференция 1899 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 117-130.
23. Папастратигакис Н. Большая военно-морская стратегия России в начале русско-японской войны // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие: междун. ист. сб. / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов (пер. с англ.). – М., 2004. – С. 111-138.
24. Письмо военного министра А. Н. Куропаткина упр. мин. ин. дел. В.Н. Ламздорфу. 3 декабря 1900 г. № 1123 // Боксерское восстание / Предисл. А.Л. Попова // Красный архив. – 1926. – № 1(14). – С. 41-42.
25. Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. – М., 2004.
26. Попов Ю.Г. Опыт историко-краеведческого изучения некоторых сторон жизни и деятельности генерала А.Н. Куропаткина в его имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 47-82.
27. Почекаев Р.Ю. Политическое устройство и право туркмен в научных трудах и государственной деятельности А.Н. Куропаткина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 51-62.
28. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1928. Л. 1-42.
29. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4768. Л.27 об.
30. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 218. Л. 16. (Служебная записка, 3 августа 1900 г.).
31. Сальников В.П., Белозерова О.А. Шахматы генерала А.Н. Куропаткина // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 43-46.
32. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. – М., 2009.
33. Ухач-Огорович Н.А. Куропаткин и его помощники. Ответ барону фон-Теттау. – Умань, 1916.
34. Шацилло К.Ф. Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. – 1991. – № 7-8. – С. 224-233.
35. Японские дневники А.Н. Куропаткина / Публ. подг. И.В. Карпеев, Е.Ю. Сергеев // Российский архив. Том VI. – М., 1995.
36. Nish, Ian. The Origins of the Russo-Japanese war. London, New York: Longman. 1989.
37. Pozefsky, Peter C. “General Aleksei Nikolaevich Kuropatkin and the Imperial Russian Army.” UCLA Historical Journal 6 (1985): 50-82.
38. Rogger, Hans. «The Skobelev Phenomenon: The Hero and his Worship.» Oxford Slavonic Papers 9 (1976): 46-78.

ГОКОВ Олег Александрович,
кандидат исторических наук, доцент (г. Харьков, Украина)
E-mail: gokovoa@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПЕРСИДСКАЯ КАЗАЧЬЯ БРИГАДА ПОД РУКОВОДСТВОМ В.К. БЕЛЬГАРДА (МАЙ 1893 – МАЙ 1894 ГГ.)

Аннотация. *Рассмотрен неисследованный период в истории Персидской казачьей бригады, когда её возглавлял ротмистр В.К. Бельгард. За год командования ротмистр вернул русским инструкторам благорасположение шаха, укрепив положение русской военной миссии. Ранний отзыв В.К. Бельгарда из Персии был вызван неверной информацией о его деятельности от нового командира бригады. В результате расследования ротмистр был оправдан.*

Ключевые слова: *Персия; ротмистр В.К. Бельгард; В.А. Косоговский; Персидская казачья бригада.*

GOKOV O.A.

THE PERSIAN COSSACK BRIGADE UNDER THE LEADERSHIP OF V.K. BELGARDE (MAY 1893 – MAY 1894)

The summary. *The article considers an unexplored period in the history of the Persian Cossack Brigade, when it was headed by Captain VK. Belgard. During the year of command the captain returned the favor of the shah to the Russian instructors, reinforcing the position of the Russian military mission. An early review of V.K. Belgard from Persia was caused by incorrect information about his activities from the new brigade commander. As a result of the investigation, the captain was acquitted.*

Key words: *Persia; captain. V.K. Belgard; V.A. Kosogovsky; Persian Cossack Brigade.*

Персидская[1] казачья бригада (далее – ПКБ; официальное название – Казачья его величества шаха бригада) – уникальное воинское соединение персидской армии, существовавшее под руководством русских инструкторов с момента формирования первого полка в 1879 г. до 1920 г. (в 1916 г. была переформирована в дивизию). Её создание было инициировано российским посланником в Тегеране Иваном Алексеевичем Зиновьевым. Оно находилось в тесной связи с завоеванием русскими Ахалтеке и борьбой с Великобританией по этому поводу, а также за влияние при шахском дворе [3, стр. 348-423]. Несмотря на имеющиеся публикации [19-21; 26; 27; 28; 32; 33; 35], некоторые фрагменты её истории требуют более детальной проработки. Цель нашей статьи – рассмотреть неисследованный в историографии период существования бригады, когда на должности исполняющего обязанности Заведующего обучением персидской кавалерии (далее – Заведующий) или командира ПКБ находился ротмистр В.К. Бельгард.

В конце 1892 г. ПКБ оказалась в кризисной ситуации из-за проблем с финансированием со стороны персидского правительства [18; 22]. В результате вмешательства русских дипломатов кризис был отчасти разрешён шахским указом (дестихатом) 5 декабря 1892 г., устанавливавшим

новые правила управления бригадой.

В первой половине января 1893 г. Заведующий полковник Генерального штаба (далее – ГШ) Н.Я. Шнеур подал иранскомувоенному министру смету в 82 000 туманов, исходя из которой должна была определяться списочная и наличная численность чинов ПКБ. На основании бюджета и дестихата русская Миссия, полковник и шахское правительство заключили новое соглашение по бригаде [6, л. 4]. В.А. Косоговский указывал, что «число “казаков” было показано фиктивно в 500. На самом деле в Тегеране было всего около 300, из коих 170 конных» [26, стр. 394]. К сожалению, не совсем ясно, откуда он взял эти цифры. Согласно соглашению января 1893 г., определённого штата ПКБ не имела – полковник был должен сам определять количество людей, которые он мог содержать на выделяемые средства. В ПКБ полагалось иметь по спискам 158 офицеров и 563 нижних чина, то есть 721 человека. Налицо же должно было быть, не считая пенсионеров, 471 офицера и нижних чинов: «150 офицеров, 142 пенсионера, 27 нижних чинов трубаческого хора, 55 артиллеристов, 18 пеших, 21 вольнонаёмных и 200 строевых “казаков”». Остальных людей «недостающих до определённой условием численности, положено содержать в постоянном отпуску на половинном жаловании» [12, стр. 799]. Таким образом, численный состав ПКБ был минимизирован максимально. Однако, как показала дальнейшая практика, в строевом отношении бригада от этого выиграла мало. Проблемы ПКБ – «пенсионеры» («казаки» и их наследники, получавшие пенсии от правительства по старости или по смерти мужа, но не нёсшие службу), перебор офицеров, недостаточное финансирование – также не были сняты.

Не смотря на то, что в 1892 г. с Н.Я. Шнеуром был заключён контракт на обучение персидской кавалерии, на Кавказе уже в конце ноября – декабре 1892 г. стали задумываться о возможности сэкономить на его должности. Между Главным штабом и кавказским начальством завязалась переписка относительно командирования в Иран нового инструктора на освободившееся место: в Россию по окончании контракта был отозван руководивший артиллерией ПКБ штабс-капитан (с 1891 г.) К.Н. Блюмер[2]. В связи с сокращением численности ПКБ Петербург запрашивал военное начальство Кавказа, следует ли сокращать количество инструкторов. К началу января 1893 г. этот вопрос был снят с повестки дня. Количественный состав русской военной миссии было решено сохранить в прежнем виде: полковник, 3 обер-офицера и 5 урядников. «Командующий войсками (на Кавказе – Авт.) не находит возможным уменьшить число трёх офицеров, – сообщал телеграммой от 16 января 1893 г. управляющему делами Военно-учёного комитета Главного штаба генерал-лейтенанту ГШ Ф.А. Фельдману исполнявший обязанности начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенент ГШ А.С. Зеленой, – … так как один офицер – помощник полковника Шнеура по хозяйственной части, второй – командир батареи, а третий необходим как инструктор кавалерии» [6, л. 45]. Поэтому на освободившуюся должность по рекомендации Главноначальствующего Кавказской администрацией генерал-адъютанта князя Сергея Алексеевича Шереметева стали продвигать «лично ему известного» ротмистра 33-го драгунского Изюмского полка В.К. Бельгарда [10, л. 67].

В.К. Бельгард происходил из старинной дворянской семьи[3]. Первоначально он был крещён католиком под именем Карл, но в 6 лет отец – генерал-лейтенант русской армии

Рис. 1. В.К. Бельгард в первой половине 1890-х гг. [36].

– перекрестил его в православие, дав новое имя Владимир. С 1871 г. В.К. Бельгард учился в 1-й Петербургской мужской гимназии, а с 1876 г. – в Пажеском корпусе. После его окончания по первому разряду был выпущен корнетом в августе 1883 г. в Конный лейб-гвардии полк. В марте 1885 г. В.К. Бельгард был переведён поручиком в 33-й драгунский Изюмский Его Королевского Высочества Наследного Принца Фридриха Вильгельма Прусского полк. В 1887 г. он окончил Николаевскую академию ГШ по второму разряду. В феврале 1887 г. был произведён в штаб-ротмистры, а в феврале 1891 г. – в ротмистры. К началу 1891 г. В.К. Бельгард успешно окончил Офицерскую кавалерийскую школу. На момент назначения в Персию ротмистр командовал эскадроном Изюмского драгунского полка, располагавшегося в Кавказском военном округе [10, л. 67].

Скорее всего, в ходе его назначения у руководителей российского военного ведомства возникла идея расширить миссию ротмистра. Документы свидетельствуют (хотя и не прямо), что он должен был заменить полковника и провести ревизию дел ПКБ[4]. Назначение В.К. Бельгарда исполняющим обязанности командира бригады позволяло сэкономить значительную сумму на содержании Заведующего. Это играло в глазах шаха важную роль в условиях обострявшейся нехватки средств. Одновременно ротмистр должен был дать Петербургу ясное представление о состоянии дел в ПКБ. Хотя назначение его в Иран лоббировал Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий Кавказским военным округом Сергей Алексеевич Шереметьев, однако реальную продержку и протекцию В.К. Бельгарду составил управляющий делами Военно-учёного комитета Главного штаба генерал-лейтенант Ф.А. Фельдман. Особенностью этого назначения было то, что В.К. Бельгард окончил Академию ГШ (хотя и не являлся офицером ГШ, поскольку окончил её по второму разряду). До этого среди российских инструкторов всегда был только один офицер с высшим военным образованием, полученным в Академии – полковник ГШ, возглавлявший бригаду, а все требования предыдущих Заведующих о присылке дополнительных офицеров ГШ наталкивались на отказы военного министра.

На основании резолюции военного министра от 21 января 1893 г. 22 января было издано распоряжение о командировании ротмистра В.К. Бельгарда в Тифлис [10, л. 107]. В связи с тем, что ему было поручено по пути собрать сведения военно-статистического и военно-географического характера о провинции Мазандеран, а также сделать рекогносцировку пути из Решта в Казвин, и составить топографическое описание пути из Казвина в Тегеран [10, л. 108], приезд ротмистра к новому месту службы задержался. Он попал в ПКБ только в мае. 18 мая вступил во временное командование ею [1]. Полковник Н.Я. Шнеур убыл в отпуск в Россию, а В.К. Бельгарду было приказано его замещать [10, л. 109].

Судя по изученным нами документам, российское начальство не планировало возвращение Н.Я. Шнеура, хотя командиром ПКБ он продолжал числиться[5]. Кроме того, решено было сэкономить и на одном инструкторе. Место К.Н. Блюмера, заведовавшего артиллерийской частью ПКБ, осталось вакантным. Вместе с ним были отозваны и другие обер-офицеры ещё кто-то из унтер-офицеров. Но кто именно – нам установить не удалось. В итоге, в бригаде осталось два офицера – ротмистр В.К. Бельгард и подъесаул Александр Фердинандович Рафалович.

По приезде ротмистр сделал ревизию дел во вверенной ему части. Итог был неутешителен. «Тяжёлым бременем, – *писал он Ф.А. Фельдману,* – лежит прошлогодний дефицит около 13 000 туманов, в числе этих денег частям бригады не было уплачено жалование за прошлый год» [10, л. 109]. Правда, как отмечал В.К. Бельгард, «бригада получает деньги, хотя всегда неаккуратно, но в конце-концов всегда получает. Остальные же части персидской армии получают жалование фактически в неопределённые сроки» [10, л. 110].

Руководствуясь приказаниями кавказского начальства, ротмистр произвёл существенные изменения в финансовой отчётности бригады, переведя её на русские образцы. За основу был взят отчётный месяц, а не определённые (точнее, исходя из реалий, неопределённые) промежутки времени. Кроме того, в штаб Кавказского округа В.К. Бельгардом были переданы итоги приблизительных расходов по различным отделам за время его командования ПКБ с 18 мая до 1 июня [10, л. 109]. Введение русской финансовой отчётности смело можно назвать началом нового этапа

в развитии ПКБ. Не зря впоследствии одной из заслуг В.К. Бельгарда за время его службы в Иране было на первом месте названо «заведение русской отчётности по хозяйству бригады» [11, л. 68]. Это был очередной шаг в превращении её из персидской части, возглавляемой российскими инструкторами, в «европеизированную» часть персидских вооружённых сил. Вплоть до середины 1890-х гг. этот процесс шёл спонтанно. Политикой он станет лишь при следующем Заведующем В.А. Косоговском.

Кроме того, одним из первых шагов В.К. Бельгарда стала проверка состояния чинов ПКБ. В первой половине января Н.Я. Шнеур подал военному министру смету в 82 000 туманов, исходя из которой должна была определяться списочная и наличная численность чинов ПКБ. В.А. Косоговский указывал, что «число казаков было показано фиктивно в 500. На самом деле в Тегеране было всего около 300, из коих 170 конных» [26, с. 394]. Цифры эти нуждаются в уточнении. Как отмечалось, по соглашению начала 1893 г. в ПКБ полагалось иметь налицо, не считая пенсионеров, 471 офицера и нижних чинов. Остальных людей «недостающих до определённой условием численности, положено содержать в постоянном отпуску на половинном жаловании» [12, с. 799]. «По контракту этого года, – *доносил В.К. Бельгард в Военно-учёный комитет Главного штаба,* – численный состав бригады уменьшен до 200 строевых казаков», всего же насчитывалось 294 строевых чина [10, л. 110]. «Кроме того, – отмечал ротмистр, – на постоянном жаловании тут находятся 173 офицера из которых около 40 конных» [10, л. 110]. Реальный состав ПКБ продемонстрировал шахский смотр 28 мая 1893 г. «Все выходили очень охотно[6], – *сообщал В.К. Бельгард,* – поэтому на эти цифры следует смотреть как на максимум того, что может дать бригада». На смотру было 122 «казака», 36 артиллеристов, 23 «трубача» (музыканта) и 70 офицеров, то есть общей сложностью 251 «конных чинов» [10, л. 110].

Шах остался доволен смотром и, видимо, это сориентировало дальнейшую деятельность В.К. Бельгарда. В условиях недочёта личного состава, слабой дисциплины, недостатка финансовых средств ротмистр пошёл по наиболее верному для Персии пути, за который его критиковал впоследствии его сменщик В.А. Косоговский. Он «занялся обучением наличных конных казаков, обращая главное внимание на показную сторону дела: прохождение церемониальным маршем, джигитовку, прыгание через барьер и рубку чучел» [26, с. 394]. Как отмечалось в переписке штаба Кавказского военного округа с Главным штабом, В.К. Бельгард «в короткое время привёл бригаду в блестящее, с персидской точки зрения, состояние … Он развил молодцеватость в людях порученной ему части, улучшил их строй и поднял их дух, что тот час же отразилось на внешнем виде бригады» [11, л. 2–3]. В специальной литературе указывалось, что с 1893 г. «казаки» стали нести полицейские функции в районе резиденции шаха и военного министра, сменив на этом «посту» «команду иррегулярной конницы» [13, с. 705–706]. Поскольку для сохранения и упрочения ПКБ нужно было произвести впечатление на персидского правителя, ротмистр занялся в обучении бригады тем, что больше всего любил Насреддин-шах – улучшением её внешнего вида во всех отношениях. Результат не замедлил сказаться. «Улучшения эти вызвали изменения настроения шаха по отношению к бригаде» [11, л. 3] После летнего смотра он «пришёл в восторг» и решил увеличить количество человек в бригаде до 1 000 [8, л. 6]. В.К. Бельгардом, по приказу шаха, была составлена и предоставлена правителю Каджарской империи смета расходов сверх бюджета из расчёта роста численности части. Однако, до 1894 г. вопрос так и не сдвинулся с места.

Тем не менее, деятельность В.К. Бельгарда в конце весны – лета 1893 г., не смотря на во многом показной характер её результатов, действительно имела успех. Французский поверенный в делах сообщал своему правительству, что это единственный эксперимент с иностранными военными инструкторами, которые добились видимого успеха [24, с. 139]. Доверие шаха к русским инструкторам было восстановлено, ПКБ сохранена. Кроме того, работа ротмистра проходила в курсе политики, проводившейся в Персии российским посланником Евгением Карловичем Бюцовым. Укрепление русского влияния за счёт ослабления британского любыми средствами – так можно её охарактеризовать[7]. Именно от него исходили и поддержка В.К. Бельгарда на его новом посту и новые инициативы относительно ПКБ.

В конце июля – августе 1893 г. барон Е.К. Бюцов высоко отзывался о деятельности ротмистра на посту Заведующего. Он ходатайствовал перед Военным министерством и кавказским начальством об оставлении В.К. Бельгарда исполнять должность «с тем, чтобы окончательное его назначение было отсрочено на 9 месяцев или на год, а содержание, причитающееся за это время Заведующему, обращено на пополнение недочёта по содержанию бригады» [6, л. 13–15]. Е.К. Бюцов апеллировал к тому, что «расстройство денежных дел бригады вызывает необходимость изыскивать способы соблюдать возможную экономию в расходовании средств». Поэтому предлагал отложить возвращение полковника ГШ Н.Я. Шнеура (или его преемника) из отпуска в Тегеран, а ротмистра оставить руководить ПКБ «впредь до полного восстановления порядка в денежных делах бригады» [6, л. 15]. Дальнейшие события показали, что причин такой просьбы было несколько. Во-первых, финансовое положение русской военной миссии было действительно неважным. Поэтому экономия средств предложенным способом могла быть полезна. К тому же это могло закрепить благорасположение скупого до жадности Насреддин-шаха к «русскому делу». Очевидно также, что Е.К. Бюцов нашёл в В.К. Бельгарде хорошего помощника в исполнении своих планов относительно укрепления влияния России при шахском дворе – старательного, исполнительного, без лишней инициативы.

Рекомендации посланника были уважены. Вопрос о возвращении Н.Я. Шнеура был снят окончательно – в ноябре 1893 г. он был назначен командиром 100-го пехотного Островского полка [16, с. 273]. Ротмистр остался исполнять должность Заведующего. Судя по его донесениям и другим документам, хранящимся в РГВИА, делал он это старательно, хотя энтузиазм его был направлен, скорее, на достижение внешнего эффекта.

К началу декабря 1893 г., согласно по рапорту ротмистра управляющему делами Военно-ученого комитета Главного штаба от 9 декабря, состав ПКБ был следующим (Таблица 1) [8, л. 5]:

В.К. Бельгард отмечал, что 22 офицера и 41 «казак» находились в командировках, а остальные из числившихся по списку – в постоянных отпусках на половинном жаловании. «Из

Таблица 1

Название частей	По списку				Налицо				
	офицеров	*нижних чинов*		*трубачей*	*офицеров*		*нижних чинов*		*трубачей*
		всего	конных		всего	конных	всего	конных	
Трубаческий хор	7	–	–	34	7	7	–	–	34
Гвардейский эскадрон	11	57	37	–	5	4	42	27	–
1-й полк	51	143	83	–	42	26	89	52	–
2-й полк	33	130	94	–	25	21	79	57	–
3-й полк	47	143	109	–	37	24	82	54	–
ИТОГО	149	473	323	34	116	82	292	190	34
	656				442				
Батарея	9	56	56	–	8	–	55	55	–

офицеров, – *сообщал он,* – 23 в строю и 7 в трубаческом хоре. Из годных к службе офицеров в этом году сформирован офицерский эскадрон в 86 человек. Безлошадным офицерам выдаются на учение казённые лошади, коих в бригаде 68. Трубачи на казённых лошадях по положению. Все остальные чины – на собственных. При третьем полку состоят 110 человек пенсионеров, получающих наследственное мухаджирское жалование. 1/3 их – инвалиды, а 2/3 – женщины и дети (вдовы и сироты) умерших на службе мухаджиров … Казачья бригада вооружена четырьмя русскими пушками и состоит из 8 офицеров, 55 нижних чинов, 67 лошадей» [8, л. 6–7].

Как видно из рапорта, надежды предыдущего Заведующего разрешить проблемы ПКБ новым соглашением с шахом реализованы до конца не были. Несмотря на сокращение численного состава и, отчасти, упорядочения финансовых дел, по-прежнему сохранялись старые недостатки. Среди них можно выделить «мухаджирский вопрос»[8], наличие «мёртвых душ» в бригаде, переизбыток офицеров, недостаток лошадей и финансов. Достаточно сказать, что из 712 чинов бригады налицо имелось только 505. Но даже эту цифру нужно воспринимать осторожно, поскольку реально в строй В.К. Бельгард мог вывести не более 200 человек. Остальные находились в отпусках на половинном жаловании. В этих условиях естественным было стремление ротмистра к улучшению внешнего эффекта от вверенной ему части, особенно учитывая то, что высшее начальство не поощряло её качественного развития. В этом он явно достиг успеха. Свидетельством тому служат не только донесения посланника и восторги Насреддин-шаха, но и то, что «казаков» постоянно использовали для различного рода командировок по стране. Они представлялись (и были) наиболее надёжным воинским контингентом персидской армии. Ещё одним доказательством популярности ПКБ было формирование офицерами бригады по казачьему образцу четырёх отрядов: в Тебризе из 100 человек по штату, в Мешхеде – из 100 человек, в Кирмане – из 200 штатных, в Исфахане – из 400 человек. Как сообщал В.К. Бельгард, «они содержатся в половинном составе и находятся в распоряжении: в Тебризе и Исфахане – сыновей шаха (валиат (Мозаффарэддин – Авт.) а и Зелл ос-Солтане), в Хорасане и Кирмане – губернаторов» [8, л. 6].

В начале 1894 г. положение ПКБ оставалось по-прежнему двойственным. Над бригадой висел дефицит, оставшийся от Н.Я. Шнеура. За время пребывания на посту исполняющего обязанности командира ПКБ, ротмистр сократил его с 13 073 до 10 160 туманов. Однако за тот же год он вынужден был израсходовать 11 890 туманов на содержание «лишних людей и лошадей» [11, л. 111]. Сам В.К. Бельгард позже, отчитываясь перед русским начальством, писал, что за год им было сделано экономии около 15 000 туманов. Однако «лишние люди» «съели» почти 12 000 из него [11, л. 111]. В результате, вместо возможности погасить дефицит и сделать ещё 2 000 туманов экономии, бюджет бригады снова оказался с долгами. Ситуация осложнялась также нерегулярными выплатами из казначейства. Хотя существовал дестихат от 5 декабря 1892 г. и новое соглашение января 1893 г., начисление денег в бригадный бюджет оставалось в зависимости от сопутствующих обстоятельств – наличия средств в государственной казне, желания шаха и военного министра, от которого зависела вся финансовая составляющая ПКБ. В результате задержек ротмистр вынужден был содержать значительное число «казаков» в отпуску на половинном жаловании. Сменивший его В.А. Косоговский, не слишком ещё разобравшись во «внутренней кухне» ПКБ, писал в рапорте посланнику от 19 августа 1894 г.: «из 762 человек, считая 110 пенсионеров, с которыми 872 человека … мне было сдано 18 мая 1894 г. всего 175 конных, из коих вполне годных к кавалерийской службе оказалось только 112 человек». К тому же за время командования ротмистра было загнано и пало 47 лошадей [11, л. 40]. Возмущение полковника было справедливым, но лишь при незнании условий существования ПКБ. В дальнейшем он сам будет выкручиваться из подобных ситуаций теми же методами, что и В.К. Бельгард.

Ситуация для ротмистра действительно была сложной. Не имея реальной власти Заведующего, при постоянном недофинансировании и враждебном отношении персидского военного министра[9], при отсутствии достаточного количества боеприпасов и изношенной материальной части, он должен был делать вид, что ПКБ не только существует, но и представляет собой реальную силу. И, как уже отмечалось, В.К. Бельгард, не без поддержки Е.К. Бюцова, сумел этого добиться. Внешний эффект от бригады не

вызывал сомнения. Ротмистр выкручивался из финансовых неурядиц и наличными людьми производил впечатление на шаха и окружающих. Насреддин был доволен работой русского офицера, хотя врядли представлял, чего ему это стоило, и как реально обстояли дела в элитном подразделении персидской армии.

В.А. Косоговский обвинял В.К. Бельгарда, что тот «самовольно напроизводил офицеров и векилей». «Мне уже неловко их возвращать в первобытное состояние», – замечал он в своём дневнике [5, л. 417]. Однако, исходя из изложенного материала, очевидно, что несоразмерная численность офицерского состава не была виной ротмистра. Да и вызывает сомнение её рост. Летом 1893 г. В.К. Бельгард доносил, что в ПКБ насчитывалось 173 офицера, из которых лишь 40 были конными [10, л. 110]. А в декабре их численность сократилась до 158, причём конных было 86 [8, л. 5-6]. В то же время к февралю 1899 г., то есть уже после пяти лет командования В.А. Косоговским, офицерский состав возрос до 200 человек [9, л. 37]. То есть тенденция продолжала сохраняться. Обвинения полковника были до некоторой степени беспочвенны, поскольку В.К. Бельгард не обладал правами Заведующего. Поэтому он не мог производить «казаков» в офицеры. Что касается векилей, то здесь он действительно имел «карт бланш» и, вполне возможно, пользовался им для того, чтобы заинтересовать своих подчинённых в несении службы.

Из финансовых неурядиц выходить было сложнее, поскольку привыкшие к сравнительно хорошей жизни «казаки» настаивали на своевременных выплатах жалования. Кроме того, необходимо было содержать хозяйство бригады, что также требовало средств. В.К. Бельгард обеспечивал бригаду фуражом, продовольствием и прочим необходимым путём закупок у персидских торговцев. Не имея достаточных средств, он прибегал к распространённому в Иране способу торговых операций – покупал товар в долг, под вексель («тамассок»), с тем, чтобы оплачивать его после выплат из казначейства[10]. Такая практика была характерна и для предыдущих командиров ПКБ да и вообще для Ирана. «Система затянутых и сокращённых платежей» преобладала во всём финансовом устройстве Каджарской монархии [3, с. 132]. При наличии денег, расплачивались сразу, а при их отсутствии – по векселям. В последнем случае бюджет части проигрывал, поскольку тамассок предполагал более высокую цену плюс проценты. Однако в условиях, когда правительство не обеспечивало ПКБ необходимым, такое ведение дел было неизбежным. К тому же оно негласно поддерживалось российской Миссией, поскольку заимодатели не требовали от неё засвидетельствовать долговые обязательства [11, л. 80]. Этот факт, к слову, свидетельствует о высокой степени доверия представителей тегеранского базара к российским командирам и о престиже ПКБ в глазах простого населения. В первой трети 1894 г. ротмистр «разновременно» взял из денежного ящика бригады 720 (позже они трансформировались в 800) туманов [11, л. 90]. Деньги были изъяты им с ведома заведующего хозяйственной частью ПКБ А.Ф. Рафаловича в счёт причитавшегося В.К. Бельгарду содержания и израсходованы на хозяйственнее нужды. Именно эти деньги стали в дальнейшем поводом для очередного скандала и кризиса вокруг бригады, который вновь поставил её на грань существования.

С января 1894 г. в высших военных кругах России развернулось своеобразное соревнование. На кону стояла должность Заведующего обучением персидской кавалерии. 17 января датируется первая известная записка (к сожалению, без подписи) начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву. В ней отмечалось, что В.К. Бельгард на своём посту вполне справился с поставленными задачами, «привёл бригаду в блестящее с персидской точки зрения состояние», добился этим благорасположения к ПКБ со стороны шаха. По мнению автора записки, ротмистра необходимо было оставить командиром бригады. Однако загвоздка заключалась в том, что Насреддин-шах требовал на пост Заведующего штаб-офицера. Поскольку В.К. Бельгард окончил Академию ГШ (хотя и по второму разряду, но имел высшее военное образование), безымянный корреспондент предлагал произвести в следующий чин и сделать официально начальником «казачьей» части [11, л. 2–4].

Видимо, решение возвратить в ПКБ официального Заведующего в начале года было принято окончательно. В феврале 1894 г. генерал-лейтенант С.А. Шереметев ответил Н.Н. Обручеву на его запрос. Он хорошо характеризовал В.К. Бельгарда как человека, но отмечал, что тот не является штаб-офицером,

молод, специально не подготовлен (не знает языка, страны, её вооружённых сил). Интересно, что данные недостатки не брались во внимание при назначении ротмистра в 1893 г. К тому же вопрос о специальной подготовке выглядит сомнительным. В.К. Бельгард вначале действительно не знал персидского языка и страны. Но этот недостаток был характерен для многих предыдущих офицеров-инструкторов. За год, проведённый в Иране, он ознакомился не только с его особенностями, но частично освоил язык и изучил армию. Об этом свидетельствуют его работы, предоставленные в Главный штаб и донесения посланника в Тегеране. Тем не менее, С.А. Шереметев настаивал на назначении другого офицера. Из двух кандидатур – офицеров ГШ полковника Руткевича и подполковника Владимира Андреевича Косоговского – он ходатайствовал за второго. Кавказский начальник особо отмечал, что подполковник владел несколькими иностранными языками (в особенности – персидским и «азербайджанским наречием» татарского), «ознакомился со страной по описаниям и во время неоднократных поездок своих в Персию»[11]. С.А. Шереметев просил сделать Заведующим В.А. Косоговского при сохранении В.К. Бельгарда в бригаде в качестве инструктора [11, л. 6–8].

22 февраля 1894 г. последовало высочайшее соизволение на командирование В.А. Косоговского в Персию. 31 февраля он был откомандирован в распоряжении командующего войсками Кавказского военного округа, а 7 марта официально назначен состоять на должности Заведующего с отчислением от занимаемой должности [11, л. 23, 153] [12]. Одновременно на должность третьего инструктора обер-офицера по согласованию Главного штаба со штабами Кавказского военного округа, войск гвардии и Петербургского военного округа 2 мая был назначен поручик Николай Алоизиевич Орановский [11, л. 15–23; 29].

Но в Тегеране командиром бригады желали видеть другое лицо. В начале марта Е.К. Бюцов через Министерство иностранных дел донёс в Военное министерство желание шаха оставить ротмистра на занимаемом посту. Судя по активности, с которой посланник отстаивал кандидатуру В.К. Бельгарда, он сам был против назначения В.А. Косоговского. В своём письме Е.К. Бюцов подчёркивал, что ротмистр за короткое время изменил ПКБ и просил сохранить за ним командование [11, л. 27–28]. Такое отношение к В.К. Бельгарду, как нам представляется, объяснялось тем впечатлением, которое тот производил на шаха и интересами российской политики. Главной задачей ПКБ по-прежнему оставалось «приобрести влияние на персидское правительство и помешать другим, враждебным … (России – Авт.) правительствам взяться за это дело» [11, л. 28]. Ни создание подконтрольной России персидской армии, ни иные цели на тот момент не ставились. Шах в феврале 1894 г. через военного министра Камран-мирзу обратился к Е.К. Бюцову с просьбой ходатайствовать перед Петербургом о сохранении ротмистра на командном посту. Был также поставлен вопрос о производстве его в подполковники, поскольку Заведующим мог быть только полковник или подполковник. Судя по всему, остаться в Персии хотел и сам В.К. Бельгард. Ради этого он частично освоил персидский язык. Посланник сообщал, что Насреддин-шах был восхищён тем, что на последнем смотре ротмистр говорил с ним на фарси без переводчика. В качестве подтверждения своего благоволения иранский правитель пожаловал В.К. Бельгарду орден Льва и Солнца 2-й степени [11, л. 32–33].

Но в России просьбу шаха не уважили. И император, и военный министр, и командующий войсками Кавказского военного округа остались при мнении о необходимости замены ротмистра В.А. Косоговским. 19 марта 1894 г. Александр III «высочайше повелеть соизволил оставить в силе состоявшееся назначение подполковника Косоговского в Персию для занятия должности Заведующего обучением персидской кавалерии» [11, л. 34]. Отклонено было и предложение о производстве В.К. Бельгарда в следующий чин. Объяснялось это тем, что ротмистр на службе находился всего 10 лет, а в настоящем чине 3 года. Необходимый же срок для очередного присвоения составлял от 4-х до 6-ти лет [11, л. 34] [13].

О неудаче ходатайства, видимо, было сразу сообщено в Тегеран. В.К. Бельгард, оставив надежду стать Заведующим без приставки «и. о.», стал готовить ПКБ к сдаче новому командиру. Как часто бывало в таких случаях, внешние показатели теперь имели большое значение. Внутренние дела бригады следовало хотя бы в общем привести в порядок. Прежде

всего, это касалось бюджета. Как уже отмечалось, здесь дела обстояли неважно. Сохранялся дефицит полковника Н.Я.Шнеура к которому добавились около 800 туманов, изъятых ротмистром на хозяйственные нужды в счёт будущего бюджета. Именно последняя сумма волновала В.К. Бельгарда, поскольку формально могла служить к обвинению в растрате. Поэтому, через два дня после подтверждения утверждения В.А. Косоговского и отклонения просьбы о производстве в следующий чин, 21 марта ротмистр оформил частный заём на 1 000 туманов в Ссудном банке Персии (так стало с 1894 г. именоваться Ссудное общество Персии Я.С. Полякова) [11, л. 87–90], таким образом, покрыв образовавшийся долг.

В начале мая 1894 г. состоялась очередная попытка шаха и русской миссии отстоять В.К. Бельгарда. Вновь она шла через Министерство иностранных дел – в Военное и императору. Поверенный в делах А.Н. Шпейер (Е.К. Бюцов убыл в Россию в отпуск) писал, что на аудиенции у шаха 5 мая тот объявил ему, что «чрезвычайно доволен успехами, сделанными ПКБ под руководством ротмистра Бельгарда и его русских помощников». Чтобы сохранить офицера Насреддин-шах даже пошёл на необычный в тех условиях шаг. Он распорядился включить в бюджет бригады на новый год (с 9 мая) те «16 000 туманов, которые были у неё отняты полтора года назад при полковнике Шнеуре». «При этом шах выразил надежду, – *сообщал А.Н. Шпейер*, – что прибавка эта позволит довести число “казаков” бригады до 500 человек» [6, л. 18]. Тем не менее, в Военном министерстве успехи В.К. Бельгарда воспринимали по-иному. Об этом свидетельствует запись начальника Главного штаба Н.Н. Обручева, сделанная им на сопроводительной записке директора Азиатского департамента МИД от 14 июня 1894 г. к донесению поверенного в делах в Тегеране об успехах В.К. Бельгарда: «Лучше бы ротмистр Бельгард менее (так в тексте – Авт.) усердствовал для шаха и Персии» [6, л. 17]. Того же мнения был и военный министр генерал от инфантерии Пётр Семёнович Ванновский. Он приказал сообщить в Министерство иностранных дел, что «упомянутое донесение вызывает опасения, не приложил ли ротмистр Бельгард слишком много усердия к образованию персидской конницы» [6, л. 20] [14]. Отчасти указанное сомнение было вызвано незнанием в Петербурге реального состояния дел в ПКБ. Как показали дальнейшие события, полностью о ситуации в бригаде были осведомлены лишь её инструкторы и кавказское начальство. Естественно, исходя из сообщений о «качественной» деятельности В.К. Бельгарда, в Военном министерстве опасались получить в перспективе в лице Ирана сильного противника. Однако была и вторая причина – изменения во внешнеполитическом курсе империи Романовых относительно Каджарской монархии, которые были инициированы С.Ю. Витте. Думается, одной из причин являлось также то, что среди высших военных чинов в связи с этим (а возможно и без этой связи) наметилась линия на то, чтобы создать из ПКБ действенное орудие в русских руках. Недовольство В.К. Бельгардом и в Петербурге, и на Кавказе, скорее всего, объяснялось тем, что он пошёл на поводу у представителя Министерства иностранных дел. Мнение же того относительно места ПКБ в политической жизни Персии и внешней политике империи Романовых расходились с мыслями военных. Кавказское начальство и чины Главного штаба рассматривали варианты использования ПКБ с военной точки зрения в случае смерти шаха для обеспечения беспрепятственного перехода власти в руки лояльного России законного наследника престола Мозаффарэддина. Для этого бригада нужна была в укомплектованной в достаточном количестве, руководимая авторитетным офицером, с чётким осознанием своей миссии в интересах России. Но это требовало перетряски всей организации ПКБ и, главное, – более независимой роли Заведующего. В.К. Бельгард не был полковником ГШ и не мог им стать в ближайшее время. Донесения Е.К. Бюцова о его успехах перед шахом не знавших нюансов внутриперсидской жизни высших военных чинов естественно раздражали, так как создание боеспособной части в руках Насреддин-шаха не входило в их планы. Курировавшие ПКБ кавказские начальники не видели в ротмистре того человека, который мог бы преобразовать часть в нужном ключе. Однако назначение нового Заведующего спровоцировало новый кризис в истории ПКБ, который чуть не привёл к её ликвидации.

11 мая 1894 г. произведённый 17 апреля в полковники ГШ В.А. Косоговский прибыл в Тегеран, а 18 мая принял у В.К. Бельгарда бригаду с объявлением ему благодарности

приказом. Однако 12 мая, на встрече с российским поверенным в делах, полковник заявил, что прибыл отчислить ротмистра. В 20-х числах того же месяца состоялось представление В.А. Косоговского шаху, военному министру и садразаму. В присутствии полковника они крайне хорошо отзывались о В.К. Бельгарде, а шах выразил желание, чтобы тот остался в ПКБ. Автор «Краткого очерка отношений полковника Косоговского к ротмистру Бельгарду», составленного уже после удаления В.К. Бельгарда из Персии для российского военного министра сообщал, что во время представления В.А. Косоговский высказывал перед высшими сановниками явное нетерпение, когда те хвалили ротмистра. «Вообще, – отмечалось в «Кратком очерке», – он крайне поразил персидские власти, откровенно и свободно характеризуя с дурной стороны деятельность прежде обучавших персидскую бригаду русских офицеров» [11, л. 66]. Следующим шагом в конце мая Заведующий объявил ротмистру в присутствии А.Н. Шпейера, что не желает служить с ним в одной части. В.К. Бельгард пообещал в марте 1895 г., когда оканчивался срок его контракта, подать рапорт на отчисление с правом воспользоваться отпуском для оплаты долга. Полковник не возражал. Он «дал ему слово, что раз решившись на отъезд, ротмистр может во всём всемерно рассчитывать на него для облегчения своей дальнейшей службы». Кроме того, «обещал ему, что не постесняется выдать ему, в счёт содержания, какую угодно сумму, лишь бы последовало разрешение посланника» [11, л. 66].

Первая половина лета прошла сравнительно спокойно – полковник разбирался с делами вверенного ему подразделения. Основное, что беспокоило В.А. Косоговского, был финансовый вопрос. Чем больше он вникал в ситуацию внутри ПКБ, тем более обострялась его неприязнь к В.К. Бельгарду в официальных документах. С 25 июля по 20 августа тот болел. Была ли эта болезнь реальной или же ротмистр пытался таким образом избавиться на время от общения с командиром, сказать сложно. Тем не менее, показательно, что ни один из товарищей по указанию полковника его не посетил [11, л. 66–67]. О мотивах нерасположения В.А. Косоговский не сообщил ни поверенному, ни посланнику, ни ротмистру. Последний вообще узнал о том, в чём его обвинял командир, только по прибытии в Россию [11, л. 67, 69].

19 августа В.А. Косоговский сформулировал свою позицию. Он составил два рапорта. Первый – на имя посланника, второй – начальнику отдела ГШ штаба Кавказского военного округа. В.А. Косоговский обвинял В.К. Бельгарда по трём пунктам. Во-первых, в недостойном поведении относительно порученного дела и старшего по чину, своего начальника. Во-вторых, полковник считал, что ротмистр разрушил дисциплину в ПКБ и фактически превратил её в небоеспособную часть. Но самым важным было третье обвинение – в неумелом ведении денежных дел бригады, финансовых злоупотреблениях и махинациях [11, л. 40–41]. В штаб округа полковник сообщал также, что ротмистр ввёл в заблуждение посланника относительно своей деятельности [11, л. 43–44]. В.А. Косоговский ходатайствовал о возвращении В.К. Бельгарда в 33-й драгунский полк и о назначении на его место есаула 1-го Лабинского конного полка Кубанского казачьего войска Сушкова (об этом он позже подал два отдельных рапорта). Относительно ротмистра, то полковник считал, что наказание ему должен установить военный министр. Интереснее всего было его предложение о компенсации долга в 1 800 туманов. Если в рапорте посланнику В.А. Косоговский брался выплатить его из бюджета бригады, то в донесении на Кавказ предложил растрату покрыть из другого источника. В качестве такового он указал на средства, выделяемые ему на военную агентуру и военные надобности [11, л. 45].

В середине сентября состоялось предварительное решение российского командования относительно конфликта в бригаде. После доклада начальника штаба, командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант, генерал-лейтенант С.А. Шереметев решил немедленно удалить из Персии как ротмистра В.К. Бельгарда, так и есаула А.Ф. Рафаловича[15], быстро и без особых разъяснений для персидской стороны, поскольку гласность его могла нанести ущерб русскому влиянию [11, л. 39]. О последнем, впрочем, он беспокоился зря – конфликт, пусть и не «во всей красе» уже отчасти выплыл наружу и стал известен иранской стороне. Решение кавказского начальника было сообщено в Главный штаб и доложено военному министру, который одобрил отозвание. Основываясь на указаниях российского начальства, В.А. Косоговский

приказал бывшему исполнявшему обязанности Заведующего срочно покинуть Иран. Полковником было запрещено ротмистру сделать традиционное в таких случаях представление шаху и военному министру [11, л. 68]. По возвращении в Россию В.К. Бельгард был откомандирован в свой полк, а в Военном министерстве было начато дознание относительно его вины [11, л. 46–47][16]. О А.Ф. Рафаловиче точных сведений нет. Но, судя по переписке начала следующего года, он остался в бригаде до окончания расследования из-за недостатка инструкторов.

В марте 1895 г., на основе собранных сведений Командующий войсками Кавказского военного округа составил личное заключение по делу В.К. Бельгарда, предназначавшееся Н.Н. Обручеву, а через него – военному министру и императору. «По рассмотренным данным по обвинению ротмистра Бельгарда полковником Косоговским, судя по документам, включающим показания российского императорского посланника Бюцова, обвинения полковника Косоговского и объяснения ротмистра Бельгарда, дело представляется в следующем виде», – резюмировал С.А. Шереметев. «Ротмистр Бельгард был назначен в Персию по представлению кавказского начальства. В течение годичного командования ПКБ он впервые ввёл хозяйственную отчётность по русскому образцу и приобрёл полное доверие шаха, выразившееся в увеличение при нём бюджета бригады опять до прежних размеров. Он значительно поднял строевое образование бригады, и вообще вёл всё дело как к полному удовольствию его величества шаха, так и русской императорской миссии». Последнее выражалось, по мнению Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, в хлопотах посланника об утверждении В.К. Бельгарда командиром ПКБ, а также в том, что Е.К. Бюцов сообщил о неосновательности обвинений полковника начальнику Главного штаба. Кроме того, ротмистр предоставил значительное количество работ по военной агентуре, что свидетельствовало о его профпригодности для занимаемой должности [11, л. 121]. «Часть обвинений полковника Косоговского, – *писал далее С.А. Шереметев,* – указывает на крайнюю односторонность и пристрастие в обсуждении поступков ротмистра, другие обвинения – что они были сделаны полковником тогда, когда он ещё не успел ознакомиться с условиями бригадного хозяйства» [11, л. 121]. В результате, по мнению С.А. Шереметева, «хозяйственные распоряжения ротмистра, давшие благие результаты, искажены и им предан характер преступлений» [11, л. 121]. «Наконец, – *докладывал С.А. Шереметев свои замечания,* – рапортом от 15 января сего года № 2 и в письме, которое полковник пишет ротмистру Бельгарду ... полковник Косоговский в значительной мере противоречит обвинениям, изложенным в его первом рапорте № 26 (от 19 августа 1894 г. – Авт.) и ходатайствует об освобождении ротмистра Бельгарда от всякой служебной ответственности». «В результате, – *резюмировал кавказский начальник,* – получается ... что офицер, оказавший значительные услуги как путём своей общей распорядительности и добросовестным отношением к делу, так и суммой представленных им работ и сведений по военной агентуре, не только не был за это надлежащим образом поощрён, но даже поставлен в положение подследственного» [11, л. 121].

В конце марта 1895 г. основные документы, относившиеся к «делу В.К. Бельгарда» с сопроводительным письмом кавказского начальника были отправлены в Главный штаб и 12 апреля дошли до адресата [11, л. 123]. 20 апреля Н.Н. Обручев сообщил С.А. Шереметеву решение высшего военного начальства. «Согласно Вашему ходатайству, – *писал он,* – изволил признать ротмистра Бельгарда виновным лишь в легкомыслии и нерешительности, которые не должны иметь вредного влияния на его дальнейшую службу. Полковнику же Косоговскому военный министр приказал указать, что он действовал неискренне по отношению к посланнику и недоброжелательно по отношению к Бельгарду» [11, л. 141]. Главной виной В.А. Косоговского было признано, что тот, возводя обвинения по поводу долгового обязательства на ротмистра, «должным образом не проверил этого дела» [11, л. 142]. Таким образом, «дело Бельгарда» решено было «замять» к обоюдному удовольствию всех сторон. Одной из главных причин «сего прискорбного дела» признан был «беспорядок в денежной части, господствовавший в бригаде с самого её основания» [11, л. 142–143].

Таким образом, со своими задачами за год руководства ПКБ В.К. Бельгард в целом справился. Он вернул русским инструкторам расположение шаха, регулярно доставлял на Кавказ и в Санкт-Петербург текущую информацию о

состоянии дел в бригаде и успешно собирал военно-статистические и военно-географические сведения о Персии. Обвинения, которые выдвинул против него сменщик ротмистра В.А. Косоговский, привели к его отзыву из Персии раньше срока. Причинами негативной оценки со стороны полковника были его неопытность в ведении бригадных дел и личные амбиции. Ротмистр пользовался большой популярностью у иранского правителя[17], что задевало самолюбие В.А. Косоговского. В результате расследования ротмистр был полностью оправдан, его деятельность признана в целом успешной[18].

В заключение следует остановиться на выводах, сделанных российской учёной О.И. Красняк. Характеризуя деятельность ротмистра, она, опиралась на мнение В.К. Косоговского, изложенное в его опубликованной истории ПКБ [26, с. 394] поэтому оценила её исключительно негативно. По мнению исследовательницы, ПКБ при нём пришла в окончательный упадок. «Чётко осознавая пошатнувшееся положение бригады, кавказское начальство, как нам представляется, оправдывало неумелое управление ротмистра Бельгарда его молодостью и неопытностью», – констатировала она [27, с. 5; 28, с. 82]. Однако упадок бригады начался не при В.К. Бельгарде. Ротмистр, напротив, сумел сохранить вверенную ему часть и завоевать благорасположение шаха. Другое дело, что высшему руководству империи Романовых не нужна была боеспособная персидская армия. Задача ПКБ заключалась в том, чтобы «застолбить место», не допустив английских инструкторов, и поддерживать в шахе расположение к России через внешний эффект, производимый бригадой. Утверждение О.А. Красняк, что при ротмистре «существенно снизился уровень боевой подготовки личного состава» вообще не соответствует действительности. На уровень этот обращал внимание лишь первый Заведующий. Для остальных же более важным моментом было умение бригады держать строй, джигитовать, рубить, выглядеть по-молодецки и т.п. Такая позиция объяснялась политикой российского правительства, для которого ПКБ была лишь «инструментом влияния», призванным крепче привязать Насреддин-шаха к интересам России. К тому же бригада испытывала постоянный недостаток в боеприпасах и вооружении [7, л. 20, 38]. Поэтому командиры ПКБ вынуждены были обращать особое внимание на строевую подготовку подчинённых в ущерб боевой, и В.К. Бельгард не составлял исключение.

Рис. 2. В.К. Бельгард (стоит в центре) с делегацией Персии на коронации Николая II. Москва, май 1896 [36].

Примечания

1. В тексте названия «Персия», «Иран», «Каджарская монархия» (от династии Каджаров, которая правила в Персии в 1796–1925 гг.) будут употребляться как синонимы. Ираном (Высочайшее государство Иран) называли свою страну сами её жители, а Персией её именовали европейцы. Слова «Россия», «Русское государство» и производные от них (русский, российский и т. п.) мы будем употреблять в тексте (если это не оговорено) в политическом, а не в этническом значении. То же касается слов «Персия» и «Иран», а также производных от них.
2. За свою службу он в награду от шаха получил почётную саблю с драгоценными камнями [16, с. 35].
3. Фамилия на российской арене появилась с переходом двух Александров – французских эмигрантов-роялистов, отца и сына – на русскую военную службу в конце XVIII в. Замечательно, что двое из трех сыновей младшего Александра, а затем и четверо внуков из одиннадцати, тоже стали генералами русской армии (в том числе трое – генерал-лейтенантами и один генералом от инфантерии) [30]. Впрочем, существует и другая версия происхождения фамилии, что якобы «жители с этой фамилией были важными персонами из славянского новгородского дворянства в XVI–XVII в., имевших определенную царскую привилегию» [37].
4. Чётко об этом свидетельствует рапорт В.К. Бельгарда генерал-лейтенанту Ф.А. Фельдману от 19 июня 1893 г., где офицер благодарил высокого начальника за содействие в назначении в Персию [10, л. 108]. Важность миссии В.К. Бельгарда подтверждает также то, что до этого все командиры ПКБ свои рапорты посылали в штаб Кавказского округа, в то время как ротмистр первоначально отсылал их непосредственно в Санкт-Петербург.
5. Отчисление Н.Я. Шнеура от должности произошло в июне, а сам процесс этот растянулся до осени 1893 г. Как ни парадоксально это выглядит, но контракт, заключённый на его имя в 1892 г., продолжал действовать и после смерти Н.Я. Шнеура 23 декабря 1894 г.
6. Что не удивительно, поскольку смотр был реальным шансом проявить себя и заслужить какую-либо милость от правителя.
7. Вообще, Е.К. Бюцов – «чопорно натянутый» человек, как охарактеризовал его товарищ министра иностранных дел России В.Н. Ламсдорф [4, с. 65] – одна из многих недооцененных фигур российской дипломатии. Его деятельность в Иране практически не изучена (больше известна его работа на Дальнем Востоке. См.: 25. Здесь же содержится список литературы о Е.К. Бюцове), хотя именно он заложил основы для усиления русского влияния в этой стране с конца XIX в.
8. Мухаджирами называли выходцев с Кавказа, переселившихся в Иран после русско-иранской войны 1828 г. При создании ПКБ они составили костяк бригады. Эта группа населения находилась на привилегированном положении в Персии, что создавало для Заведующих постоянные проблемы с установлением среди них дисциплины.
9. Камран-мирза, занимавший этот пост, видел в ПКБ препятствие своим планам на занятие престола в случае смерти отца.
10. Детальнее о формах торговли и ростовщичества в Иране рассматриваемого времени см.: 31, с. 58–103.
11. Вполне возможно, что навыки языковой подготовки В.А. Косоговский получил у сотрудника Отдела ГШ переводчика коллежского асессора мирзы Шерифа Мирзаева. «Все, отправлявшиеся в Персию или Турцию, учились у него», – вспоминал К.Н. Смирнов [14, с. 191].
12. В некоторых источниках неправильно указан месяц – апрель [38]. В.А. Косоговский формально оставался на должности Заведующего до 30 сентября 1902 г. [15, с. 847], но Иран покинул, видимо, лишь в 1903 г. – именно эта дата фигурирует в его воспоминаниях и в исторических работах [26, с. 401].
13. Согласно Временным правилам 1884 г. производство из капитанов в подполковники могло иметь место по следующим параметрам: за боевые отличия, по выслуге лет (старшинству) и по выбору начальства за отличие (при чём и «за особые отличия» – вне правил). Помимо обладания соответствующими физическими, нравственными и служебными качествами, иметь удостоение начальства, командовать ротой не менее 2 лет подряд, быть не старше 50 лет, состоять на действительной службе в офицерских чинах не менее 12 лет и прослужить в чине капитана: для производства по старшинству – не менее 6 лет, для производства за отличие – не менее 4, но не более 6 лет и для производства за отличие «вне правил» – не менее 3 лет. С некоторыми незначительными изменениями эти правила действовали до начала XX в. В 1885 г. они были распространены на ротмистров армейской кавалерии (которые должны были еще пройти курс в офицерской кавалерийской школе) [17, с. 88–106]. Как видим, при желании начальства В.К. Бельгард мог быть произведён в следующий чин на вполне законных основаниях. Именно на это делал упор Е.К. Бюцов, отмечая его заслуги. Однако решение относительно Заведующего было принято не в пользу ротмистра.
14. Ситуация такой оставалась вплоть до Первой мировой войны. Служивший в ПКБ в 1914–1918 гг. в качестве инструктора поручик Высоцкий вспоминал: «Когда я как-то увлёкся полевой службой и начал часто

выводить полки в поле и на стрельбу, начальник бригады (в 1914–1916 гг. ПКБ временно возглавлял подполковник Николай Васильевич Прозоркевич (был одновременно и инструктором по артиллерийскому делу), затем с 16 октября 1916 г. по ноябрь 1917 г. начальником бригады был генерал-лейтенант ГШ барон Владимир Николаевич фон Майдель – Авт.) сказал мне: “Пусть части будут хорошо дисциплинированы, прекрасно джигитуют и маршируют, пусть отчётливо отдают честь... Но не увлекайтесь полевой службой, еще неизвестно, как могут повернуться события”» [2, с. 14]. В этом не было ничего особенного: большинство военных инструкторов из европейских армий именно по такому принципу и готовили вверенные им для обучения подразделения. Исключение составляли разве что немцы в Османской империи в начале XX в.

15. Есаул поставил свою подпись на векселе, согласно которому долг, сделанный ротмистром, нужно было уплатить из бригадной казны.
16. Естественно, не было удовлетворено и ходатайство о производстве ротмистра в следующий чин. Подполковником он стал только в феврале 1896 г.
17. Об этом свидетельствует то, что шах через посланника неоднократно просил русское правительство оставить В.К. Бельгарда командиром ПКБ. Сохранилась также фотография 1896 г., на которой запечатлена делегация Персии на коронации Николая II. Характерно, что одним из двух русских офицеров, сфотографировавшихся вместе с персами, был произведённый в подполковники В.К. Бельгард – на тот момент числившийся в 33-м Изюмском драгунском полку, дислоцировавшемся в Луцке.
18. В дальнейшем он проходил службу в в 33-м Изюмском драгунском полку, 26-м драгунском Бугском полку, командовал 54-м Новомиргородским драгунским полком, 1-й бригадой 14-й кавалерийской дивизии, был начальником 3-й кавалерийской дивизии. В.К. Бельгард погиб в августе 1914 г. в ходе боёв в Восточной Пруссии.

Список литературы

1. Бельгард Владимир Карлович // Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 года. – СПб.: Военная типография, 1908. – С. 831.
2. Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. – 1968. – № 89. – С. 11–17.
3. Извлечение из отчёта генерал-майора Гордона о путешествии его из Тегерана на р. Карун и в г. Мохаммера через Кум, Султанабад, Буруджир, Хурешабад, Дизфуль и Ахвец // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1891. – Вып. 49. – С. 127–145.
4. Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. – М.: Международные отношения, 1991. – 453 с.
5. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 76. – Д. 217.
6. РГВИА. – Ф. 401. – Оп. 5. – Св. 1335. 1893. – Д. 43.
7. РГВИА. – Ф. 401. – Оп. 5. 1899. – Д. 61/№ 173-259.
8. РГВИА. – Ф. 401. – Оп. 5. 1901. – Д. 481.
9. РГВИА. – Ф. 401. – Оп. 5. 1901. – Д. 515.
10. РГВИА. – Ф. 446. – Д. 46.
11. РГВИА. – Ф. 446. – Д. 47.
12. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. – СПб.: Военная типография, 1894. – 4+12+821 с.
13. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. – СПб.: Военная типография, 1895. – 12+776 с.
14. Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов // Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). – Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. – С. 162–262.
15. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1909 г. – СПб.: Военная типография, 1909. – 1085 с.
16. Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. – М.: Восточная литература, 2005. – 294 с.
17. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: Центрполиграф, 2003. – 414 с.
18. Гоков О.А. К вопросу о кризисе в Персидской казачьей бригаде (1892–1893 гг.) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2003. – № 594. Історія. – Вип. 35. – С. 74-81.
19. Гоков О.А. Кризис в Персидской казачьей бригаде 1889–1895 гг. // Клио. – 2008. – № 2. – С. 91–98.
20. Гоков О.А. Персидская казачья бригада в 1882–1885 гг. // Восток. – 2014. – № 4. – С. 48–60.
21. Гоков О.А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // Canadian American Slavic Studies. – 2003. – Vol. 37. – № 4. – P. 395–414.

22. Гоков О.А. Русская военная инструкторская миссия в Персии под руководством полковника Генерального штаба Н. Я. Шнеура // Русский Сборник: Исследования по истории России. –2017. – Т. XXI. – С. 154–208.
23. Гоков О.А. Создание и начальный этап существования Персидской казачьей бригады (1879–1882 гг.). – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 128 с.
24. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. – М.: Центрполиграф, 2004. – 544 с.
25. Кириченко О.Б. Є.К. Бюцов на службі у дипломатичних установах Російської імперії в Японії // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. – 2012. – № 6 (241). – С. 37–48.
26. Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. – 1923. – Кн. 4. – С. 390–402.
27. Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879−1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf (дата обращения: 21.08.2017).
28. Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. – М.: URSS, 2007. – 160 с.
29. Орановский Николай Алоизович [Электронный ресурс]. – URL: http://regiment.ru/bio/O/46.htm (дата обращения: 21.08.2017).
30. Сахаров И.В. Материалы научной конференции «Выходцы из Франции и их Российские потомки» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nlr.ru/news/rnbinfo/2004/78-2.pdf (дата обращения: 21.08.2017).
31. Сеидов Р.А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века (начальный этап формирования). – М.: Наука, 1974. – 246 с.
32. Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – 352 с.
33. Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. – 2010. – № 3. – С. 69–79.
34. Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). – Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. – 456 с.
35. Rabi U. , Ter-Oganov N. The Russian Military Mission and the Birth of the Persian Cossack Brigade: 1879–1894 // Iranian Studies. – 2009. – Vol. 42. – № 3. – P. 445–463.
36. http://novbelgen.net/index.php/gal_bg.
37. http://www.onomastikon.ru/proishogdenie-familii-belgard.htm.
38. http://regiment.ru/bio/K/343.htm.

ГРИГОРЬЕВА Нина Васильевна,
заведующая библиотекой г.Зеленогорск, историк-краевед (г. Зеленогорск, Ленинградская область, Россия)
E-mail: vzrk@rambler.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ: КУРОПАТКИН И ДРУГИЕ...

Аннотация. *Рассматривается эпизоды жизнь и деятельность военного министра царской России Алексея Николаевича Куропаткина, сочетавшего высокие чины и звания с вполне мирными занятиями дачника на берегу Финского залива. Воспоминания современников о пребывании А.Н. Куропаткина на даче в Русской Финляндии позволяют увидеть личность генерала в большем объеме.*

Ключевые слова: *А.Н. Куропаткин; военный министр; Песочное; Карельский перешеек; Куропаткинская лестница.*

GRIGORIEVA N.V.

CROSSING OF DESTINIES: KUROPATKIN AND OTHERS ...

The summary. *The article consider episodes of the life and work of the Minister of War of the Tsarist Russia Alexei Nikolayevich Kuropatkin, who combined high ranks and ranks with quite peaceful occupations of a summer resident on the shore of the Gulf of Finland. Memories of contemporaries about the stay of A.N. Kuropatkina at the dacha in Russian Finland can see the identity of the general in a larger volume.*

Key words: *A.N. Kuropatkin; the Minister of War; Sand; Karelian Isthmus; Kuropatkinskaya staircase.*

О генерале А.Н. Куропаткине (1848 – 1925), занимавшем пост военного министра в период с 1898 по 1904 годы, не утихают споры как историков и военных, так и историков-краеведов, стремящихся как можно более полно воссоздать масштаб личности одного из видных государственных и военных деятелей Российской империи, близко стоявшим ко многим важным государственным решениям своего времени.

Алексей Николаевич Куропаткин сочетал высокие чины и звания с вполне мирными занятиями меломана, библиотекаря, музееведа, архивариуса, садовода и даже дачника на берегу Финского залива [1; 2; 3; 4; 9; 10; 12; 13; 16].

Для жителей Курортного района, вблизи Санкт-Петербурга, он интересен вдвойне, поскольку часть его жизни проходила на этой земле. Дачи Русской Финляндии сегодня остались лишь в воспоминаниях, фотографиях и фильмах. Заросшие травой фундаменты интересны только краеведам и туристам. На 21 километре Приморского шоссе в поселке Песочное Выборгского района Ленинградской области рядом со старым фундаментом сохранилась лестница, названная Куропаткинской лестницей. Несколько десятков лет назад на тумбах лестницы красовались чугунные светильники, возможно, советских времен. Сегодня они украшают чьи-то новые коттеджи. От пребывания Куропаткина в этих местах осталось очень мало: кроме лестницы и фундамента – кедровая сосна, заросли сирени и туевая аллея. В финских

архивах не удалось обнаружить свидетельства на покупку участка, но в документах строительства форта ИНО обозначен лазарет на даче Куропаткина, что подтверждает его пребывание на Карельском перешейке. Несмотря на обилие государственных и военных дел, Алексей Николаевич находил время для садоводства и рыбалки на берегу Финского залива и для дружеского общения.

На финляндской даче генерал бывал периодически с 1899 по 1904 годы. Этот факт подтверждает запись 1903 года в дневнике Марии Крестовской, которая была знакома с Куропаткиным 20 лет. Казалось бы, что могло связать видного военачальника с молодой актрисой, писательницей и владелицей соседнего имения Мариоки?.. Запись из дневника: «Осенью наступает Куропаткинский сезон», когда хозяин «начинает чувствовать ко мне умиленную почему-то слабость, и то сам летает сюда, то шлет рыбу и яблоки своего сада. Это всегда длится от августа до зимы, пока снега, морозы и министерские дела не приведут его опять в равновесие и вернут в обычный ритм» [6, стр. 178]. Еще одна запись: «Приезжал Куропаткин, опять почти не скрывал своей маленькой слабости ко мне, гостил Ванечка Глинка, ну и разные другие наши habitues» [6]. Иван Николаевич Глинка (1870 – 1919) – сын известной баронессы Варвары Ивановны Икскуль (Гильденбрант). Ее портрет кисти Репина украшает сегодня зал Третьяковской галереи. Светский салон Варвары Ивановны, где собиралось высшее общество Петербурга, описал в одном из своих романов писатель И. Потапенко, близкий друг А.П. Чехова. Варвара Ивановна Икскуль активно занималась общественной деятельностью, стояла у истоков создания Общины Святой Евгении, лично отправляла вагоны с продовольствием и санитарные отряды с медицинскими сестрами на фронт русско-японской войны. За патриотизм она была награждена боевым орденом Георгиевского креста.

Что касается подруги Икскуль Марии Крестовской, то она родилась в семье писателя Всеволода Крестовского и молодой актрисы Вареньки Гриневой в 1862 году. Брак Крестовских распался вскоре после рождения дочери. За разводом последовали скандалы, газетные сплетни, дуэли, интриги сторонников бывшей жены, от которых Всеволод Крестовский добровольно уехал работать в Польшу, чтобы глубже понять причины и следствия Польского восстания 1863 года. Так к его статусу писателя добавился – военный корреспондент в чине унтер-офицера. На военной службе он познакомился с русскими генералами и вошел в круг друзей Дмитрия Ивановича Скобелева, полковника Грекова, генерала И.С. Плаксина, графа П.А. Шувалова, графа Кулешова-Безбородько и других военных и политических деятелей. Всех этих людей можно было встретить в доме Варвары Ивановны Икскуль (1852 – 1928) у Аларчина моста, где бывал и Куропаткин. Большинство из них приняло участие в русско-турецкой войне.

Писатель Всеволод Крестовский летом 1877 года организовал «летучую» типографию и отправился редактором «Военного летучего листка» на боевые действия российских войск против турок на Балканы. Там он вел записи боевых действий в качестве официального корреспондента газеты «Правительственный вестник». Результатом двадцатимесячного пребывания в действующей армии был дневник, или сборник писем с фронта. В томе VI Собрания сочинений Всеволода Владимировича Крестовского мы находим эпизод, напрямую связанный с участием Куропаткина в военных действиях: «Капитан Куропаткин приступил к укреплению артиллерийской позиции <…> Взрыв прошел около него, почти рядом <…> Капитана Куропаткина тоже подхватило вместе с другими, но, к счастью, только подбросило, слегка контузило и опалило ему голову. Нимало не смутясь этим ужасным случаем, он едва лишь успел встать на ноги, как совершенно спокойно скомандовал: «Первое – пли!», и продолжил, как ни в чем не бывало, свое дело». Из дневника мы узнаем, что в этом бою был убит командир 16 дивизии генерал – майор Тебякин, и начальником штаба был назначен Куропаткин. К этой же дивизии был приписан летучий санитарный отряд братьев Рыжовых. Так случилось, что в этом же отряде корреспондентом «Северного вестника» служил студент Медико-хирургической академии Владимир Михайлович Бехтерев (1857 – 1927). Он был знаком с Всеволодом Крестовским. Бехтерев вел собственный дневник госпитальных событий и печатался под псевдонимом «Санитар». А Крестовский был редактором «Военного летучего

листка». Сотрудничество двух корреспондентов длилось недолго. Бехтерев заболел малярией в тяжелой форме и был отправлен в Россию. Ему удалось провести на фронте только 6 месяцев, тогда как Крестовский участвовал в боевых операциях почти два года войны. Будущему светиле российской медицины Бехтереву в Медико-хирургической академии вернули подорванное здоровье. Владимир Михайлович благодарил Бога за исцеление и дал себе зарок – никогда не бриться и не стричься. Лейб-медик при царской ставке Сергей Петрович Боткин (1832 – 1889) в книге «Письма из Болгарии. 1877 год», изданной в СПб в 1893 году, отмечал, что особенность военной медицины состояла в особенности быта солдат [8].

Взаимоотношения двух медиков, Бехтерева и Боткина, с капитаном Куропаткиным на Балканской войне еще неизвестны досконально, но позднее все эти знаменитости окажутся летними обитателями Русской Финляндии. И у всех будут собственные имения на Карельском перешейке, где проводили свободное время морские адмиралы Скрыдлов и Эссен, генералы Плаксин и Редигер. Знал ли их генерал от инфантерии, а позднее военный министр Алексей Николаевич Куропаткин? Однозначно – знал [11; 18]. Подробности дачного быта, более точные сведения о дружеском общении на Карельском перешейке ждут своего исследователя. Но дружеское дачное общение на Карельском перешейке остается белым пятном в личной жизни Алексея Николаевича Куропаткина. Однако дружба генерала с Марией Всеволодовной Крестовской подтверждена документально ее дневниками [6].

В 1904 году появляется еще одна запись: «Это время была два раза и у Куропаткина, а на днях опять поеду. Он едет 23-го, и мне хочется до сих пор побольше видеть его. Я ведь чувствую к нему большую симпатию, а главное, знаю его уже 20 лет. Это всегда невольно связывает. Когда мы с ним видимся, наши симпатии друг к другу тотчас же пробуждаются, и я расстаюсь с ним под самым хорошим впечатлением. А теперь ввиду долгой предстоящей разлуки и его трудной миссией, которая как бы отделяет его от других людей своим помазанием – это чувствуется гораздо нежнее и глубже. Я даже придумывала сделать ему маленький подарок, который он возьмет с собой. Ему все дарят образа, и столько уже наподносили их, что он мог бы устроить уже целый иконостас. А что же будет еще дальше, по мере движения его вперед? Хватит, верно, на две церкви. Я же придумала ему подарить записную книжку. Он имеет во время похода обыкновение делать в таких книжках свои заметки, и от прежних войн у него осталась их целая коллекция. Но, конечно, книжка эта будет в то же время и символом. Я разыскала для него медаль Петровских времен с Георгием Победоносцем, и у меня был рубль 12-го года, которые и будут вделаны в переплет. На карандаше же, круглом и черном, как пушка, лежит золотой меч. В среду все это должно уже быть готово, и я отвезу ему с моим автографом; только, как просит он, и мне так смешно, что моя подпись и пожелание могут казаться ему автографом. Несомненно, что, если есть в данный момент человек, на которого буквально с надеждой и волнением смотрит вся Россия, то это, конечно, он, и надо отдать ему справедливость, что он остается точно таким же, каким и был, и какого я знаю 20 лет и, пожалуй, даже еще проще, еще лучше и сердечнее – потому, что счастлив своим назначением, как юный мальчик. Вообще в их домашнем обиходе царит не только простота, но даже некоторая богемность, особенно милая в доме министра, где она всегда такая необычайная гостья. Эту заслугу и честь надо уже приписать Ал. Мих. (Александре Михайловне – Н.Г.), его жене. Ведь, главным образом, тон в доме всегда наводит женщина, и если за эти 20 лет он изменился мало, то она не изменилась уже совсем, и какой я помню ее со всеми ее свойствами, достоинствами и недостатками в 4-ом этаже их маленькой квартирки на Знаменской, точно такой же она сохранилась и теперь, внеся свою черту богемности, присущую ее натуре во все последующие свои дворцы, в которых заставила ее проживать вот уже 12 лет баловница судьба. Но она мало ценит их и еще меньше пользуется ими, ненавидя всякие приемы и выезды и почти не сходя с верху своей половины, где принимают без церемоний всех своих более интимных знакомых и друзей в то время, как раззолоченные парадные палаты внизу стоят пустыми, пышными и холодными. Наверху же приносится такой же простой, как и в старину, ужин, какое-нибудь холодное мясо, печеный картофель, винегрет, для постников и готовится, как попало, на круглом столе, к которому тут же все прилаживаются, весь ареопаг наших вождей

и генералов, имена которых вчуже звучат так значительно и таинственно, которые тут почти с неутраченными еще до сих пор кадетскими аппетитами и нетребовательностью запросто делят между собой тарелки и вилки, которых всегда почему-то не хватает – усердно уничтожают весь этот незатейливый ужин. … Но что за дурацкие письма я Вам пишу, то исписываю целые листы о Куропаткине… Что Вам до всего этого?» [6].

Да, на самом деле, что нам до того, что происходило сто лет назад? Жизнь и деятельность военного министра А.Н. Куропаткина со всеми их сложными поворотами – предмет изучения военных историков. Однако лирические страницы, которые посвятила ему женщина с непростой судьбой – М.В. Крестовская заставляют увидеть личность генерала в большем объеме, вглядеться в него пристальнее, а также позволить себе невольные предположения о том, как могли на рубеже веков сложиться судьбы русских интеллигентов, вписанных в историю своей страны.

Настроение на финляндских дачах на начало русско-японской войны было особенно патриотичным. В каждом доме висели портреты Куропаткина и Линевича. Даже финские жители переняли моду старых русских и украсили свои жилища плакатами еще незаконченной войны. Генерал Куропаткин был командующим сухопутными войсками, об этом знали все дачники на Карельском перешейке. Даже дети играли «в войнушку». Мастерили из шишек кораблики и в лужах устраивали морские бои с японцами. На настоящий морской бой от берегов Кронштадта отправилась 2-я Тихоокеанская эскадра адмирала Зиновия Рожественского. На одном из кораблей под именем «Светлана» служил молодой мичман Всеволод Евгеньевич Картавцов (1883 – 1961) – сын Марии Крестовской. Цусимское сражение было трагическим; почти весь русский флот был потерян. Северная столица осталась без боевой защиты. Тогда император Николай II распорядился модернизировать старые форты и построить новые береговые укрепления по обеим сторонам Финского залива. В 1908 году было принято решение дополнить Кронштадтскую крепость еще одним береговым фортом на 60-ом километре западнее Санкт-Петербурга по северному побережью на мысе Иониеми. Дачи этой местности были выкуплены Военным ведомством – так дачи художника-гравера В.В. Матэ, политика П.Н. Милюкова, предпринимателя-домовладельца В.А. Савельева, купца Фофанова, а также дача Куропаткина пошли под отчуждение. Для нужд форта ИНО была построена железная дорога, теплый бетонный завод, полковая церковь. Форт имел конструкцию из 4 батарей, расположенных на расстоянии 2 км друг от друга на возвышенной террасе берега залива на протяжении 3 км. Фортификации прошли по участку генерала. Официальной хозяйкой участка была его жена – Александра Михайловна Тимофеева.

Куропаткин на Карельском перешейке больше, по всей видимости, не появлялся. Да и Марии Крестовской в 1910 году не станет. Но каждый оставил свой след на земле Карельского перешейка. В парке имения Мариоки останется красивая мраморная лестница – соперница бетонной Куропаткинской, и будет воздвигнут православный храм. Церковь была создана в память М. Крестовской. По рассказам старожилов несколько старинных икон в храм Богоматери Всех Скорбящих Радость была подарена генералом А.Н. Куропаткиным.

В военной политике для А.Н. Куропаткина не все складывалось удачно. По моему убеждению, хотя я не военный историк, в русско-японскую войну командующий Маньчжурской армией действовал стратегически грамотно, в соответствии с заранее разработанным планом, и в тяжелых условиях пытался сохранить армию, за что я отношусь к Алексею Николаевичу с особым уважением. На тот момент, когда русская армия была готова к контрнаступлению и находилась в стратегически выигрышном положении – царское правительство преждевременно прекратило войну. Война была не окончена. В 1945 году уже советские войска поставили точку в русско-японском противостоянии. Русская армия и генерал Куропаткин расплатились кровью и унижением за неудачную политику своей страны.

Список литературы

1. Белозерова О.А. Генерал Куропаткин о Портсмутском мире // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 143-154.
2. Белозерова О.А. Командующий Маньчжурской армией генерал Алексей Николаевич Куропаткин (по дневниковым записям начала русско–японской войны 1904-1905 гг.) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 47-56.
3. Белоконь И.В. «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 155-164.
4. Гоков О.А. Поездки генерала А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. и политика Российской империи в данном регионе // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 33-44.
5. Григорьева Н.В. Судьбы. Карельский перекресток. – СПб.: Любавич, 2012.
6. Дневники М.В. Крестовской // ЦГАЛИ. Фонд 2474. Оп.1, 2.
7. Елец Ю. Биография В.В. Крестовского. – СПб, 1898.
8. Крестовский В.В. Собрание сочинений, тт. V, VI. – СПб.: Издательство товарищества «Общественная польза», 1899.
9. Моисеев С.В. Военно-дипломатическая миссия А.Н. Куропаткина в Йэттишаре в 1876-1877 гг. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 85-105.
10. Николаев Н.Ю. А.Н. Куропаткин и Гаагская мирная конференция 1899 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 117-130.
11. Петров Б.Д. С.П. Боткин. Жизнь и деятельность. – М.: Медицина, 1982.
12. Попов Ю.Г. Опыт историко-краеведческого изучения некоторых сторон жизни и деятельности генерала А.Н. Куропаткина в его имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 47-82.
13. Почекаев Р.Ю. Политическое устройство и право туркмен в научных трудах и государственной деятельности А.Н. Куропаткина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 51-62.
14. Пушкарь Дм. Генеральское счастье// Московские новости. – 2001. – № 3. – 30 января.
15. Редигер А.Ф. История моей жизни. – М., 1993.
16. Сальников В.П., Белозерова О.А. Шахматы генерала А.Н. Куропаткина // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 43-46.
17. Сергачев А.С. Хроника строительства и гибели форта «ИНО». Реферат. – СПб.: ВВИТКУ, 1997
18. Чудиновских А.Г. В.М. Бехтерев. Жизнеописание. – Киров, 2000.
19. Чуканов Ю. Золото форта «Ино» // Новый Петербург. – 2007. – № 20. – 3 мая.
20. Шерих Дм. Высокая честь любить Родину // Санкт-Петербургские ведомости. – 2006. – 3 ноября.

МУХАММАДИЕВ Изатулло Сайфуллоевич,
доцент кафедры исторических дисциплин IV факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, кандидат исторических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: 201612@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ: НЕКОТОРЫЕ ФРАГМЕНТЫ

Аннотация. *Рассматривается деятельность прокуратуры Таджикской ССР в годы Великой Отечественной войны, направленная на борьбу с уклонением от военной службы. Приводятся наиболее характерные нарушения, вскрываемые органами прокуратуры, важнейшие нормативные документы, регламентирующие порядок призыва и применения мер воздействия на дезертиров и уклонистов.*

Ключевые слова: *органы прокуратуры; Таджикская ССР; Великая Отечественная война; призыв на военную службу; дезертиры; уклонисты.*

MUHAMMADIEV I.S.

CRIMINAL PROSECUTION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR FOR EVADING MILITARY SERVICE: SOME FRAGMENTS

The summary. *The work of the Prosecutor's Office of the Tajik SSR during the Great Patriotic War is being considered, aimed at combating evasion of military service. The most typical violations revealed by the prosecutor's office, the most important normative documents regulating the procedure for reciting and applying measures of influence on deserters and deviators are given.*

Key words: *prosecutor's office; The Tajik SSR; The Great Patriotic War; conscription; deserters; deviationists.*

Великая Отечественная война против фашистской Германии потребовала напряжения всех материальных и духовных сил советского народа. В особых условиях военного времени для укрепления обороноспособности страны производились мероприятия направленные на укреплении тыла и мощи всего государства. С первых же дней войны Советское правительство принимало меры к мобилизации всех материальных и людских ресурсов для того, чтобы дать отпор врагу, а затем и разгромить его.

В первые месяцы войны на территории республики началось формирование национальной кавалерийской дивизии из двух отдельных стрелковых бригад. Эти формирования обеспечивались обмундированием, снаряжением и вооружением за счет республики. Их личный состав почти целиком состоял из бойцов, призванных в Таджикистане [35, стр. 14]. Выехавшие из Таджикистана 61-я Горно-Кавалерийская дивизия и 20-я Краснознаменная ордена Ленина дивизия стали в первых рядах защитников Москвы. За бои под Москвой более 150 бойцов, командиров и политработников

20-й Краснознаменной ордена Ленина этой дивизии были награждены орденами и медалями Советского Союза [34]. На всех фронтах и на всех этапах Великой Отечественной войны молодые воины-таджики, как и весь советский народ, мужественно сражались за Родину, защищая социалистическое отечество и выполняя тем самым священный долг каждого гражданина СССР [27, стр. 31; 33; 35, стр. 12].

В условиях военного времени мобилизация новых резервов на помощь фронту имел огромное значение. Одной из важнейших задач являлось обеспечение проведения мобилизации в Красную Армию и подготовка необходимых для ее пополнения резервов. В особых условиях военного времени для укрепления обороноспособности страны производились мероприятия направленные на мобилизацию материальных ресурсов, на укреплении тыла и мощи всего государства. СНК Таджикской ССР и ЦК КП /б/ Таджикистана от 23 августа 1941 г. за № 98/878 было вынесено постановление «О призыве военнообязанных, поставке лошадей, обоза и автотранспорта на большие учебные сборы Красной Армии по Сталинабадской и Кулябской областям» [6]. Этим постановление обязало областные, районные, городские Исполкомы Советов Депутатов трудящихся, Обкомы и райкомы КП(б) Таджикистана, наркоматы, учреждения и предприятия, расположенные территории Таджикистана, безоговорочно и полностью обеспечить явку военнообязанных на сборные пункты, поставку автотранспорта, лошадей и повозок, материалов и имущества, обеспечить призываемым на учебные сборы получение зарплаты, оказывать полное содействие военкоматом в части обеспечения и размещения призываемых на сборы помещениями, перевозочными средствами, медицинским обслуживанием, развернуть во всех населенных пунктах массово-политическую работу.

Уклонение от служб в рядах РККА, дезертирство из армии во время Великой Отечественной войны считалось «преступлением против обороны СССР» [31, стр. 7], дезертирство с объекта было тождественно воинскому преступлению. В условиях войны Союзной прокуратурой было разъяснено, что военнообязанные, вызванные в военкомат и зачисленные в команду, являются уже военнослужащими и, следовательно, должны привлекаться за совершение воинских преступлений по соответствующим статьям УК о воинских преступлениях, предусматривающую ответственность военнообязанных за уклонение от призыва [38, стр. 193].

Положение дел с дезертирством из Вооруженных Сил СССР вызывало обеспокоенность руководства страны. Так как оно с началом войны приобрело значительные масштабы. Только за период с 22 июня и до конца 1941 года органы НКВД СССР задержали свыше 710 тысяч дезертиров-военнослужащих, более 71 тысячи уклонистов от мобилизации [23]. Уже 16 июля 1941 г. ГКО принял специальное постановление, которое следовало «прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах и авиаэскадрильях». В нем указывалось, что ГКО арестовал, предал суду военного трибунала за «бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» девять высших командиров и комиссаров действующей армии, которые были расстреляны (командующий Западным фронтом генерал армии Павлов, начальник штаба Западного фронта генерал-майор Климовских, начальник связи Западного фронта генерал-майор Коробков, командир 41 стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майор Кособуцкий, заместитель командира 30 стрелковой дивизии Южного фронта полковой комиссар Елисеев и др.) [26, стр. 128]. 16 августа 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования, развивая положения постановления ГКО, в своем приказе потребовала считать командиров и политработников, во время боя срывавших с себя знаки различия и дезертировавших в тыл или сдававшихся в плен врагу, злостными дезертирами, семьи которых подлежали аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину дезертиров. Все вышестоящие командиры и комиссары обязывались расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава. Ставка Верховного Главнокомандования обязывала каждого военнослужащего независимо от его служебного положения требовать от вышестоящего начальника, если его часть находилась в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, а если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочитали сдаться ему в плен – уничтожать их всеми средствами, как

наземными, так и воздушными. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. Командиры и комиссары дивизий обязывались немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прятавшихся в щелях во время боя и боявшихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их в по должности как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

В 1942 г. были изданы основные приказы и директивы ГКО и НКВД об усилении борьбы с дезертирством и уклонением от мобилизации. Так, в соответствии с постановлением ГКО от 16 января 1942 г. № 1159 «О порядке передвижения военнообязанных в военное время и ответственности за уклонение от военного учета» органы НКВД СССР должны были организовывать систематическую проверку документов у граждан с целью выяснения их отношения к военной обязанности. Приказом НКВД СССР № 00167 от 24 января 1942 г. наркомам внутренних дел республик, начальникам краевых и областных управлений НКВД было предложено в целях выявления лиц, уклоняющихся от призыва и мобилизации, производить во всех населенных пунктах, на путях сообщений периодическую проверку документов у граждан. Приказом НКВД СССР № 002264 от 14 октября 1942 г. руководство и контроль за работой органов НКВД по борьбе с дезертирством и уклонением от призыва и мобилизации были возложены на отдел НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, а в НКВД — УНКВД на местах на отделения (группы) по борьбе с бандитизмом [24].

Несмотря на принимавшиеся меры, обстановка с дезертирством в 1942 году не улучшилась, поэтому 11 октября 1942 г. ГКО принял постановление № 2401ее «О мерах наказания дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой» [22], которым обязал правоохранительные органы и военное командование принять решительные меры по борьбе с дезертирством и бандитизмом. Во исполнение этого постановления НКВД СССР и Прокурор СССР издали совместную директиву, в которой предлагалось дезертиров, занимавшихся бандитизмом, вооруженными грабежами, заочно предавать суду военных трибуналов как изменников Родины [32, стр. 312].

Следует отметить, что в тех случаях, когда дезертирство не носило злостного характера (например, в виде самовольной отлучки свыше суток с целью повидаться с близкими по дороге на фронт без намерения скрыться от военной службы), Верховный Суд в надзорном и кассационном порядке в первые месяцы войны принимал решение о смягчении наказания и направлении осужденных на фронт, полагая, что применение высшей меры в данном случае противоречило бы интересам обороны страны. Итогом обобщения судебной практики первого периода войны явилось руководящее постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 апреля 1942 г., указавшее судам на их право карать дезертиров при наличии смягчающих обстоятельств (раскаяние, явка с повинной, самовольная отлучка хотя и свыше суток, но в течение сравнительно небольшого периода времени, и т.п.) длительным сроком тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговоров до окончания военных действий и направлением осужденных в действующую армию [36, стр. 36-37].

29 ноября 1942 г. было дано Разъяснение Главного военного прокурора и начальника Главного управления военных трибуналов [4] . Оно разъясняло, что Постановление ГКО от 11 октября 1942 г., устанавливающее ответственность дезертиров, занимающихся бандитизмом или повстанческой деятельностью, по 58-1 «б» УК РСФСР (ст.522 УК Таджикской ССР «Измена Родине», совершенная военнослужащими – Авт.), обратной силы не имеет. Лиц этой категории, задержанных до 11 октября 1942 г., следовало привлекать к ответственности по ст. 193-7, п. «г» (ст.244-9 п. «а» УК Таджикской ССР «Самовольное оставление части, совершенное в военное время». – Авт.) и соответственно 59-3 («Бандитизм». – Авт.) или 58-2 УК РСФСР (ст.53 УК Таджикской ССР – «Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственного отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры» – Авт.).

Как видно, здесь также наблюдается тенденция, когда воинское преступление предписывается квалифицировать как преступление против государства. Что касается дезертиров, занимающихся бандитизмом или повстанческой деятельностью, то они должны были нести ответственность за соучастие по ст. 17-58-1 «б» (ст. ст.15, 522 УК Таджикской ССР), а недоносители – по ст. 58-1 «г» (ст.524 УК Таджикской ССР) («Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене» – Авт.) или 58-12 УК РСФСР (ст.63 УК Таджикской ССР) («Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении» – Авт.) лишь в тех случаях, когда им известно о бандитской или повстанческой деятельности укрываемых. Если укрыватель знал о дезертирстве укрываемого, он нес ответственность по ст.ст. 17 и 193-7, п. «г» УК РСФСР (ст.ст.15 и ст.244-9 п. «а» УК Таджикской ССР). Недоносители в этих случаях к уголовной ответственности не привлекались. Кроме того, в Разъяснение содержалось предостережение о том, что не следует распространять Постановление ГКО от 11 октября 1942 г. буквально на всякого дезертира, унесшего с собой оружие. Для предъявления обвинения по ст. 58 «6» должно быть доказано фактическое занятие бандитской или повстанческой деятельностью или хотя бы принадлежность обвиняемого к банде, поставившей себе такие цели.

При заочном привлечении к ответственности дезертиров – участников уголовных или повстанческих банд – следовало самым тщательным образом устанавливать личность привлекаемых. Указывалось также, что нельзя ограничиваться для установления личности привлекаемых в заочном порядке одними лишь показаниями задержанных соучастников об их имени отчестве и фамилии – должны были быть собраны и прочие установочные данные (возраст, место постоянного проживания, род занятий и т. п.) [30, стр. 61-62].

Совместное указание НКВД и Прокуратуры СССР № 29/А/48 от 17 февраля 1942 г. предусматривало повышение мер уголовной ответственности для пособников и укрывателей лиц, уклоняющихся от призыва в Красную Армию и Военно-морской флот. Их было предписано привлекать к уголовной ответственности по ст. 17-193-10 «а» УК РСФСР, а пособников и укрывателей дезертиров — по ст. 17-193-7 «г» УК РСФСР и соответствующих статей союзных республик [21].

Уголовная ответственность по статье измене родины была распространена и на родственников, в целях ускорения репрессирования которых Главное управление военных трибуналов директивой от 26 октября 1941 г. предложило председателям военных трибуналов фронтов, отдельных армий и флотов после утверждения военными советами приговоров на осужденных по ст. 58-16 дела немедленно направлять в Москву для проверки и последующей их передачи в НКВД на предмет уголовного наказания членов семей осужденных. Ст. 58-1 «в» определяла в качестве меры наказания для совершеннолетних членов семьи, если они чем-либо способствовали измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей – лишение свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири сроком на 5 лет.

Правомерность установления законодателем суровой кары в отношении родственников дезертиров, осужденных по ст. 58-16, с точки зрения современных подходов к определению степени вины представляется спорной. Тем не менее ГКО счел необходимым применить ее, видимо, надеясь на то, что в чрезвычайной обстановке, создавшейся на фронтах летом и осенью 1942 г., жестокое наказание родственников явится эффективным средством предупреждения фактов дезертирства и других преступлений среди военнослужащих.

Еще более решительными мерами искоренялось дезертирство военнослужащих действующей армии военным командованием. На безжалостную борьбу с дезертирами и паникерами нацеливал командиров и комиссаров ГКО, который в своем постановлении от 16 июля 1941 г. отмечал, что «отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником... ГКО предупреждает...

что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии».

Нарком обороны в приказе № 0250 от 28 июля 1941 г. предупредил, что «все, нарушающие военную присягу... все трусы и паникеры, самовольно оставляющие боевые позиции... будут беспощадно караться по всем строгостям законов военного времени, невзирая на лица» [29, стр. 326-327].

Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г. санкционировал внесудебную расправу над дезертирами и трусами. Приказ требовал: «1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава... 3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев» [20, стр. 28].

Подобные требования содержались в приказе НКО № 227 от 28 июля 1942 г. В нем отмечалось: «Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции... Паникеры и трусы должны истребляться на месте... С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины» [28, стр. 378].

Органами прокуратуры предпринимали меры для борьбы с уклонением от призыва и дезертирством. Прокуратура производила:

- проверку порядка бронирования отдельных категорий работников за предприятиями и учреждениями с целью выявления лиц призывного возраста, получивших броню без должных на то оснований и таким образом избегнувших мобилизации;
- в соответствии с постановлением ГКО от 16.1.1942 г. № 1159а и приказом Прокурора СССР от 17.1.1942 г. № 4с. проводила профилактические меры, осуществляла контроль за передвижением военнообязанных. В соответствии с этими актами, военнообязанным и призывникам был запрещен выезд со своего постоянного места жительства без разрешения военкомата того района или города, на территории которого они проживали и состояли на воинском учете;
- привлекала к ответственности сотрудников военкоматов, а также вместе с милицией, местными советами и советско-колхозным активом организовывала систематические проверки для выявления уклонившихся от службы в рядах армии и дезертиров;
- на приемном пункте военкоматов организовывала юридическую консультацию по вопросам о представлении льгот семьям военнослужащих по налогам, по натурпоставкам, с пособиями военнослужащих и т.д., оказывала всяческую помощь органам власти о своевременной явке призываемых граждан на призывной пункт и в период отправки в часть, ведя при этом решительную борьбу с дезертирами в соответствии ранее данных директив.

Прокуроры, осуществляя надзор за своевременной и правильной выплаты зарплаты лицам, призванным на сборы, открытие ларьков и буфетов в местах сбора и в пути следования, за своевременным представлением райгорвоенкоматам помещений, перевязочных средств, за надлежащим медицинским обслуживанием и за проведением мероприятий по санитарной обработке граждан, отправляемых в Красную Армию. К лицам, тормозящим эти мероприятия принимали необходимые меры воздействия в зависимости от конкретных обстоятельствах, вплоть до привлечения к уголовной ответственности [9]. Например, в приказах прокурора Ленинабадской области от 10.09.1941 г. и от 15 ноября 1942 г. прокурорам поручалось вести надзор с тем, чтобы местные органы власти и военкоматы проводили тщательную санитарную обработку призывников и дезинфекции их одежды и помещения, следили за тем, чтобы не было ни одного случая заболевания тифом призывников, которые перевозились по железной дороге так же и грунтовым дорогам [15]. Предписано «при

обнаружении хотя бы одного случая отправки призывников без тщательной санобработки и не проведении дезинфекции подаваемых вагонов для отправки граждан в Красную Армию, принимать соответствующие меры вплоть до привлечения виновных к ответственности. О каждом установленном случае не дезинфекции вагонов и санитарной обработки граждан, направляемых в Красную Армию сообщите мне спецдонесением» [14].

В начале сентября 1941 года был издан приказ прокурора Ленинабадской области которым прокурорам поручено в пунктах сбора призываемых организовать юридическую консультацию силами работников Прокуратуры, суда и адвокатуры по договоренности с последними [9]. Прокурорам также поручалось в периоды призыва обеспечить быстрое разрешение всех жалоб призывников с тем, чтобы все их законные требования обязательно были удовлетворены до отправки призванных в войсковые части. Оказать всемерную помощь военкоматам в организации юридических консультаций на призывных пунктах.

Такие приказы прокуратурой области дублировались, что говорило о важности проводимых мероприятий. В январе 1942 года Прокурор Ленинабадской области Ахмадеев предложил городским и районным прокурорам на приемном пункте призыва на военную службу военнообязанных организовать юридическую консультацию по вопросам о представлении льгот семьям военнослужащих по налогам, натурпоставкам, пособиям военнослужащих и т.д., оказывать всяческую помощь органам власти о своевременной явке призываемых граждан на призывной пункт и в период отправки в часть, ведя при этом решительную борьбу с дезертирами в соответствии ранее данных директив [13].

В условиях войны одним из наиболее опасных преступлений, с которыми органы прокуратуры вели решительную борьбу, считалось самовольное разбронирование материальных ценностей из государственного резерва; уклонение от призыва в Красную Армию, нарушение правил воинского учета, дезертирство из Красной Армии, уклонение от выполнения трудовой повинности, а также невыполнение налогов и поставок государству сельхозпродуктов и невыполнение постановлений правительства о подготовке населения к противовоздушной обороне [16].

Во исполнение постановления СНК Таджикской ССР и ЦК КП(б) Таджикистана от 23 августа 1941 г. был издан приказ прокурора Таджикской ССР и Ленинабадской области за № 176с от 10.09.1941 г., [9] которым предписано лиц уклоняющихся от явки на сборные пункты по повесткам горрайвоенкоматов привлекать к уголовной ответственности по ст. 224-10 УК Таджикской ССР, а виновных в уклонении от поставок автотранспорта, лошадей, повозок, материалов и имущества – к уголовной ответственности по ст. 74 УК Таджикской ССР.

Прокуроры систематически проводили проверку соблюдения установленных правил учета и представления отсрочки от мобилизации в Армию в предприятиях, промартелей, учреждении и торговых организациях, уклонения от военной службы. К проверке там, где это было необходимо, можно было привлекать партийные и профсоюзные органы по договоренности с соответствующими местными организациями [16]. Виновные в преднамеренном нарушении закона военнообязанные запаса привлекались к уголовной ответственности.

Срок расследования дело военнообязанных, уклоняющихся от воинского учета и их пособниках, был установлен в 24 часа [3]. Каждый факт расследования дел этой категории находился на контроле вышестоящих прокуратур. В связи с этим Прокурор Таджикской ССР А. Романов своим приказом предупредил прокуроров областей и райпрокуроров о необходимости установления самого строжайшего контроля за расследованием и прохождением дел этой категории в сроки, установленные указанным приказом Прокурора Союза ССР [7].

Прокуроры следили за тем, чтобы к уголовной ответственности привлекали только лиц, действительно уклоняющихся от военной службы или от военного учета с целью уклонения от военной службы, т.е. тогда, когда в распоряжении райвоенкома имеются достаточные для этого документы, и в частности расписки в получении повесток, при этом если было установлено, что неявка произошла по неуважительным причинам. Во всех остальных случаях выявления без военных документов немедленно оформляли на учет, применяя в отдельных случаях административные взыскания.

Проведя проверки, прокуроры выявляли

факты когда ряд военкоматов области необоснованно привлекал к уголовной ответственности военнообязанных. Факты неосновательного возбуждения дел этой категории, незаконные аресты невинных граждан и, наконец, недоброкачественное проведение расследования по этим делам и допущение нарушения норм УПК Таджикской ССР выявлялись прокуратурой и принимались меры к виновным.

Так, в Захматабадском РВК мл. политрук Елагин направил материал райпрокурору на гражданина Расулова Ходжа 1924 года, постоянно проживающего в районе, не имеющего до сих пор военного билета. Тем же были привлечены в ответственности Низамов Рахман 1920 года рождения, Егоров Нияз 1919 года – последний 2 года работал пастухом. Аналогичные случаи имели место в Канибадам и Пенджикенте.

Привлечение к уголовной ответственности такого года «уклоняющихся от службы» не вызывалось необходимостью, а только характеризовало плохую работу военно-учетных органов и военкомата [11]. С 1 марта 1942 г., по 20 марта 1942 г., в Канибадамском районе было неосновательно возбуждены уголовные дела против 23 колхозников, последние были заключены под стражу. В то время как они проживали постоянно в кишлаках Канибадамского района и работали в колхозах, не имели абсолютно никаких военных билетов и никто не вызывал их. Их возраст составлял от 42 до 48 лет, в силу чего эти колхозники на военном учете состоять не могли. Таким образом, из возбужденных и законченных 23 дел по ст. 244-10-А УК 19 дел Облпрокуратурой было прекращено [8].

В условиях военного времени мобилизация новых резервов на помощь фронту имела огромное значение. В связи с этим уклонение от мобилизации становится одним из наиболее опасных преступлений, с которыми органы прокуратуры были обязаны вести решительную борьбу [16].

Уклонение от мобилизации происходило в ряде случаев путем представлениями отсрочки от мобилизации в армию лиц призывного возраста, годных к несению военной службы. Нарушения установленного порядка бронирования чаще всего выражалось в представление брони лицам, не подлежащим бронированию по своему служебному положению или специальности. Перечисленные нарушения и злоупотребления в деле бронирования выявлялись органами прокуратуры в порядке общего надзора. К проверке привлекались партийные и профсоюзные органы по договоренности с соответствующими местными организациями. В ходе проверки в необходимых случаях против виновных возбуждалось уголовное преследование, обеспечив при этом расследование дел в срок не свыше 5 дней [16].

В целях усиления борьбы с лицами, уклоняющимися от мобилизации в ряды Красной Армии и дезертирами, органы прокуратуры проводили проверки и принимали меры. В отношении дел уклоняющихся от призыва по мобилизации в ряды РККА, расследовались дела, и вокруг этих дел концентрировалось общественное мнение. Практика показывала, что уклонение от мобилизации происходило в ряде случаев путем различного рода беззаконий и злоупотреблений в деле бронирования, представлениями отсрочки от мобилизации в армию лиц призывного возраста, годных к несению военной службы. Нарушения установленного порядка бронирования чаще всего выражалось в представление брони лицам, не подлежащим бронированию по своему служебному положению или специальности. В этих случаях администрация предприятия или учреждения в целях забронирования того или иного работника, не имеющего права на отсрочку от призыва в армию, присваивала ему вымышленную специальность, разряд и т.д. Имело место также бронирование лиц, не состоящих на работе в данном предприятии или учреждении, за счет свободных вакансий таких должностей, на которые может быть получена бронь и т.п. Перечисленные нарушения и злоупотребления в деле бронирования выявлялись органами прокуратуры в порядке общего надзора [16].

Так, прокуратурой Таджикской ССР было дано специальное указание райпрокурорам. Прокуратура Республики проводила работу с лицами, уклоняющиеся от призыва в армию, которые подлежали привлечению к ответственности по ст. 244 п. 10-а УК, и лиц, не выполняющих требования по заданию военных властей по поставке транспорта, лошадей и т.п. по ст. 74 УК Таджикской ССР 59-6 УК РСФСР [5]. Возбуждались уголовные дела по Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 6 июля 1941 г. и дела по ст.244 п.10.

Уклонение от мобилизации и невыполнение госпоставок, госповинности, в частности,

несвоевременная поставка автотранспорта и гужевого транспорта для Красной Армии считались наиболее опасными видами преступлений в Республике. Всего за период с 12 июня 1941 г. по 17 октября 1941 г. по Таджикской ССР было возбуждено и поступило в военную прокуратуру войск НКВД 77 дел, из них: было направлено на рассмотрение в военный трибунал 54 дела, возвращено на доследование 17 дел, находилось в военной прокуратуре и переводятся с таджикского на русский язык 6 дел [5].

В совместном письме начальника ГУМ НКВД СССР инспектор милиции Галкина и начальника Отдела по надзору за милицией Прокуратуры СССР Руденко от 10 декабря 1941 г. за № 32/У/4266 и от 17 февраля 1942 г. № 19/А/48 16/476сс указывали привлекать к уголовной ответственности уклоняющихся от призыва в Красную Армию и Военно-морской флот по ст. 17-193-10«а» УК РСФСР, а пособников и укрывателей дезертиров – по ст. 17-193-7«г» УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик [12].

Органами прокуратуры были выявлены случаи прямых злоупотреблений со стороны работников военкоматов, потворствующих сокрытию дезертиров и лиц, уклоняющихся от мобилизации, и приняты строгие меры. Так, военкомом Курган-Тюбинского района Алимбетовым не было возбуждено дело в отношении Джанасиева, укрывающегося от мобилизации вследствие того, что последний снабжал военкома продуктами питания. Такое же явление имело место и в Октябрьском районе со стороны помощника начальника 11-й части Райвоенкомата Касенева [5].

Наряду с уклонением граждан от воинской службы дезертирство из Красной Армии также рассматривалось в качестве тяжких государственных преступлений. Борьба с дезертирством была серьезным испытанием для органов прокуратуры в годы войны. По закону дезертирство военнослужащих трактовалось как умышленное самовольное оставление воинской части или места службы либо неявку на военную службу с целью уклонения от нее. С началом войны дезертирство из Красной Армии приобрело значительные масштабы. Только за период с 22 июня и до конца 1941 года органы НКВД СССР задержали 710 000 дезертиров-военнослужащих, более 71 000 уклонистов от мобилизации [25, стр. 9].

В условиях войны все дезертиры рядового и сержантского состава РККА дезертировавшие из воинской части и не совершившие других более тяжких преступлений, таких как убийство, грабеж, кража, передавались в распоряжение военкоматов. В совместном письме Облпрокуратуры и УНКВД Ленинабадской области было отмечено, что по имеющимся сведениям дезертиры, дезертировавшие из воинской части впервые и не совершившие других более тяжких преступлений, как например: убийство, грабеж, кража и т.п., задерживаются органами НКВД и прокуратурой и водворяются в КПЗ, где просиживают для передачи военкоматам по 10-15, а то и более суток, что является грубейшим нарушением приказа НКЮ Союза ССР за № 0413 от 21 августа 1943 года [2; 37].

Особенно напряженно работали прокуроры в период очередного призыва в Красную Армию. Согласно постановлениям Государственного Комитета Обороны с 15 по 30 ноября 1944 года на территории Таджикской ССР проводился призыв на военную службу граждан мужского пола, родившихся в 1926 году местных национальностей и родившихся в 1927 году европейцев, включая и находившихся на территории, освобожденной от противника [18]. В связи с этим в письме прокурора Ленинабадской области М. Холматова от 22.10.1944 г. всем горрайпрокурорам Ленинабадской области поручалось немедленно организовать проверку всех дел на призывников рождения 1926 и 1927 года, находящихся в производстве органов расследования, принять меры к самому срочному окончанию следствия по ним и рассмотрения их в судах и этим самим разрешить вопрос о возможности призыва указанных лиц на военную службу. Максимально усилить работу по борьбе с лицами, уклоняющимися от явки на призыв и возможными случаями членовредительства. При проведении этой работы следует иметь в виду также возможные случаи незаконного освобождения от призыва путем изменения возраста, незаконного бронирования и взяточничества. Лиц, виновных в этом, необходимо неуклонно привлекать к судебной ответственности [18].

В ряде районов прибыло большое количество военнообязанных, ранее отправленных на работу в промышленность. В большинстве эти военнообязанные в настоящее время не состояли на учете. В целях охвата учетом

всех военнообязанных, проживающих на территории, облвоенком, начальник областного управления НКВД и областной прокурор в совместном письме от 10 июня 1944 предложили всем военнообязанных вернувшихся из промышленности, кроме бежавших с Фархадстроя, Такели, Табошара, Чоркух-Даронстроя, Кансая и Шураба, после тщательной проверки, с заключением НКВД и райпрокурора, выдавать воинские документы. При этом обратить особое внимание на то, чтобы не выдать военные билеты дезертирам Красной Армии, а поэтому делать тщательную проверку в военно-учетном столе – во всех картотеках [10].

Военный прокурор Средне-Азиатского Военного Округа бригвоенюрист Басалаев обратил внимание на то, что качество следствия по некоторым делам, поступающим в военные трибуналы от областных прокуроров Таджикской ССР об уклонении от призыва и нарушении правил военного учета, крайне неудовлетворительно. Это приводит к возвращению на доследование дел и затяжке сроков следствия. Основным недостатком следствия является невыполнение следователями процессуальных требований при расследовании дел, а именно необъективность расследования дел. Показания обвиняемых не проверяются, не удовлетворяются их ходатайства о выяснении запросов, имеющих решающее значение для правильного разрешения дел. Не приобщаются к делу документы, имеющее для него важное значение. Обвиняемые не подвергаются врачебно-медицинскому освидетельствованию, поэтому в деле отсутствуют медицинские документы [19]

Например, органами НКВД Канибадамского района согласно розыскных задании было задержано 35 человек дезертиров, которые при оформлении на них материалов в прокуратуре заявляли о том, что они были мобилизованы в марте месяце на Шурабуголь сроком на 1 месяц. В действительности 23 февраля 1944 г. облисполкомом и бюро обкома было вынесено постановление за № 3 § 31 «О мобилизации автомашин и рабочей силы для вывоза и загрузки угля с Шураб» сроком на один месяц (постановление было вынесено в соответствии с постановлением ГОКО от 11 – 44 г. за № 49320). Ввиду изложенного предлагалось в случаях заявления со стороны задержанного о том, что последний мобилизован на месяц согласно вышеуказанного постановления, проверять по мобилизационным спискам райисполкома, от которых требовать официальные справки мобилизационого отдела о том, что действительно ли тот или иной задержанный был мобилизован на основании вышеуказанного постановления облисполкома со сроком на один месяц. В случаях, когда задержанные действительно были мобилизованы на один месяц, необходимо на основании справок мобилизационного отдела немедленно прекращать розыск и уголовное дело, так как таковые были неосновательно переданы в органы прокуратуры [17].

Вместе с тем судебные органы в ряде случаев необоснованно применяли отсрочку исполнения приговора с направлением осужденных в действующую армию (примечание 2 к статье 28 УК РСФСР и соответствующие статьи других союзных республик) к лицам, осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, ворам-рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии [1]. Вследствие этого многие осужденные имеют возможность дезертировать и снова совершать преступления. В целях устранения указанных недостатков и упорядочения практики передачи осужденных в действующую армию совместным приказом заместителя народного комиссара обороны Союза ССР, народного комиссара внутренних дел Союза ССР, народного комиссара юстиции Союза ССР и прокурора Союза ССР «О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направления осужденных в действующую армию» от 26 января 1944 г. [1] было запрещено судам и военным трибуналам применять примечание 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующие статьи других союзных республик) к осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, ворам-рецидивистам, лицам имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии. По остальным категориям дел при решении вопроса об отсрочке исполнения приговора с направлением осужденного в действующую армию, судам и военным трибуналам предписывалось учитывать личность осужденного, характер совершенного преступления

и другие обстоятельства дела. Одновременно Приказы НКО, НКВД, НКЮ и Прокурора Союза ССР № 74/15/115 от 13 марта 1942 года и № 0114/054/016/7с от 10 февраля 1943 года., а также приказ НКО и НКВД Союза ССР № 0571/0285 от 23 июля 1942 года в части касающейся осужденных, к которым применяется примечание 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующие статьи других союзных республик) были признаны утратившими силу.

В условиях войны одним из наиболее опасных преступлений, с которыми органы прокуратуры вели решительную борьбу, считалось самовольное разбронирование материальных ценностей из государственного резерва, уклонение от призыва в Красную Армию, нарушение правил воинского учета, дезертирство из Красной Армии, уклонение от выполнения трудовой повинности, а также невыполнение налогов и поставок государству сельхозпродуктов, невыполнение постановлений правительства о подготовке населения к противовоздушной обороне. Военкоматы организовывали юридическую консультацию по вопросам о представлении льгот семьям военнослужащих по налогам, по натурпоставкам, с пособиями военнослужащих и т.д., оказывали всяческую помощь органам власти о своевременной явке призываемых граждан на призывной пункт и в период отправки в часть, ведя при этом решительную борьбу с дезертирами в соответствии ранее данных директив.

Таким образом, обеспечение проведения мобилизации в Красную Армию и подготовка необходимых для ее пополнения резервов являлось одной из важнейших задач.

Прокуроры осуществляли надзор за своевременной и правильной выплаты зарплаты лицам, призванным на сборы, открытием ларьков и буфетов в местах сбора и в пути следования, за своевременным представлением райгорвоенкоматам помещений, перевязочных средств, за надлежащим медицинским обслуживанием и за проведением мероприятий по санитарной обработке граждан отправляемых в Красную Армию. К лицам, тормозящим эти мероприятия, принимали необходимые меры воздействия в зависимости от конкретных обстоятельств, вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

Прокуроры следили за тем, чтобы к уголовной ответственности привлекали только лиц, действительно уклоняющихся от военной службы или от военного учета с целью уклонения от военной службы, т.е. тогда, когда в распоряжении райвоенкома имелись достаточные для этого документы, в частности расписки в получении повесток, если при этом было установлено, что неявка произошла по неуважительным причинам. Во всех остальных случаях выявленных без военных документов немедленно оформляли на учет, применяя в отдельных случаях административные взыскания.

Список литературы

1. Совместный приказ Заместителя Народного Комиссара Обороны Союза ССР, Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР, Народного Комиссара Юстиции Союза ССР и Прокурора Союза ССР «О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направления осужденных в действующую армию» от 26 января 1944 г. № 004/0073/006/23сс.
2. Приказ НКЮ Союза ССР от 21 августа 1943 г. № 0413 и разъяснение Прокурора Союза ССР от 2 октября 1943 года № 2-15896с.
3. Приказ прокурора Союза ССР от 17 января 1942 года за № 4-с.
4. Разъяснение Главного военного прокурора и начальника Главного управления военных трибуналов от 29.11. 1942 г. по квалификации преступной деятельностью дезертиров, занимающихся бандитизмом или повстанческой деятельностью // Судебная власть в России. История. Документы. В 6 т. Т. 5. Советское государство / Сост. О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2003. – С. 489-490.
5. Выводы и предложения Прокуратуры СССР о результатах проверки работы органов Прокуратуры Таджикской Республики // ЦГА РТ. – Ф. 329. – Оп 20. –Д. 30. –Л. 28-29.
6. Постановление СНК Таджикской ССР и ЦК КП /б/ Таджикистана от 23/УШ – 41 г. № 98/878 «О призыве военнообязанных, поставке лошадей, обоза и автотранспорта на большие учебные сборы Красной Армии по Сталинабадской и Кулябской областям».

7. Приказ прокурора Таджикской ССР за № 5/с от 19.01.1942 г
8. Приказ прокурора Ленинабадской области от 19 марта 1942 г за № 3/с.
9. Приказ прокурора Ленинабадской области от 10.09.1941 г. № 176с
10. Совместное письмо облвоенкома, начальника областного Управления НКВД и облпрокурора от 10. 06.1944 г. № 0-182.
11. Письмо Ленинабадского Облвоенкома ст. батальонного комиссара Жукова районным военным комиссарам Ленинабадской области и областному прокурору от 22 сентября 1942 г № 1/03108
12. Письмо начальника ГУМ НКВД СССР инспектора милиции Галкина и начальника Отдела по надзору за милицией Прокуратуры СССР Руденко от 17.02.1942 г №№ 19/А/48 и 16/476 сс.
13. Письмо прокурора Ленинабадской области А.В. Ахмадеева от 22.01.1942 г. № 4/с.
14. Письмо прокурора Ленинабадской области А.В. Ахмадеева от 30.06.1942 г. № 242/с.
15. Письмо Прокурора Ленинабадской области А.В. Ахмадеева от 15.11.1942 г № 4/с.
16. Письмо прокурора Ленинабадской области А.В. Ахмадеева от 15.05.1943 г № 11/с.
17. Письмо прокурора Ленинабадской области М. Холматова от 17.09.1944 г. № 793/с.
18. Письмо прокурора Ленинабадской области М. Холматова от 22.10.1944 г. № 253/с.
19. Письмо прокурора Ленинабадской области всем райпрокурорам и нарследователям Ленинабадской области от 14.10.1942 г. № 390/с.
20. Военно-исторический журнал. – 1988. – № 9.
21. ГАРФ. – Ф. 9415. – Оп. 3с. – Д.13. – Л. 1а.
22. ГАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 17.
23. ГАРФ – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 14.
24. ГАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 101-103.
25. Гусак В.А. Дезертирство из Красной Армии как социальная основа преступности в период войны (1941 – 1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета.- Серия: Право. – 2008.- № 8 (108).
26. Емелин А.С. История государства и права России (октябрь 1917-декабрь 1991 гг.). – М, 1999.
27. Книга памяти Республики Таджикистан (сводный том). – Душанбе, 1997.
28. Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941 – 1945. Факты и документы. – М.: Олма-Пресс, 2001. - 480 с.
29. Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны: Историко-правовое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
30. Лысов В. А.Карательная политика Советского государства и особенности судопроизводства по государственным преступлениям в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008.
31. Меньшагин В.Д. Преступления против обороны СССР. – М.: ВИЮН, 1946.
32. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк. – М.: Изд-во Объед. ред. МВД России, 1996. - 464 с.
33. Рахманов М. Организаторская и политическая деятельность компартии Таджикистана в период Великой Отечественной Войны: Дис. … канд. ист. наук. – Душанбе: Таджикский гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1966.
34. Рустамов А. Таджикский народ в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дис. … канд. ист. наук. – Душанбе, 1954.
35. Сечкина Л.П. Трудовой подвиг Таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. – Сталинабад. 1960.
36. Советское право в период Великой Отечественной войны. – Ч. 2. – М.: Юридическое изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. - 214 с.
37. Совместное письмо зам. облпрокурора и зам.начальника УНКВД от 02 августа 1944 года № 9 -279.
38. Филоненко В.С. Деятельность прокуратуры Воронежской области по расследованию дел о воинских преступлениях в 1941-1942 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011. – № 1 (72). – Вып.13.

ПОЛИТИКА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

АУБАКИРОВА Индира Ураловна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Казахского гуманитарно-юридического университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Астана, Казахстан)
E-mail: indastana@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ИДЕЯ СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Аннотация. *Рассматривается современная концепция сильного государства, традиционно занимающая особое место в российском юридическом дискурсе. Анализируются взгляды на силу государства, интерпретируемую как административная мощь либо как эффективное функционирование институциональной системы. Отмечается, что построение сильного в институциональном отношении государства невозможно без формирования сильного гражданского общества.*

Ключевые слова: *сильное государство; гражданское общество; эффективность государственных учреждений; институциональная система; политическая элита.*

AUBAKIROVA I.U.

THE IDEA OF A STRONG STATE AND ITS SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS

The summary. *The modern concept of a strong state, traditionally occupying a special place in Russian legal discourse, is considered. Views on the strength of the state interpreted as administrative power or as an effective functioning of the institutional system are analyzed. It is noted that it is impossible to build a strong state institutionally without the formation of a strong civil society.*

Key words: *strong state; civil society; the effectiveness of public institutions; institutional system; political elite.*

Обоснование сильной государственности как важнейшей потребности функционирования и развития социума прослеживается в трудах множества авторов, которых по праву относят к классикам мировой политической и правовой мысли. Она отстаивается, к примеру, в работах Платона [53; 20, стр. 16-17], абсолютистских учениях Н. Макиавелли, Ж. Бодена [34; 35; 48]. Рассматривая более поздний период, можно сослаться на такие имена, как Т. Гоббс,

Г.В.Ф. Гегель, Г. Еллинек, Б.Н. Чичерин [22; 24; 25; 33; 23, стр. 62-69] и иных авторов.

Идея сильного государства есть важный и неотъемлемый компонент концепции государственности евразийцев классического периода. По мысли Н.Н. Алексеева, государство обязано отвечать двум основным требованиям: быть лишенным «недостатков безвольного и инертного либерального парламентаризма» и при этом не быть тоталитарным. Специфика модели взаимодействия личности и власти на евразийском пространстве определяется тем, что «в больших человеческих массах и на огромных пространствах индивидуальная человеческая воля превращается в величину микроскопическую и утрачивает способность влиять на государственные дела». Из данного посыла формулируется базовый тезис: «Какова бы ни была форма государственного устройства в России, власть в русском государстве не может не быть сильной» [7, стр. 102-104]. У Л.П. Карсавина подобный тезис приобретает характер дилеммы, согласно которой «государство в таком большом и многонациональном культурном целом, как Евразия-Россия, может быть или только сильным, или совсем не быть» [27, стр. 214].

В наши дни концепция сильного государства привлекает к себе все больше внимания ученых [10; 18; 28; 30; 49; 66] [9; 11; 29; 31]. Как утверждается в юридической литературе, особый интерес названная идея вызывает в переломные моменты истории, когда старые политико-правовые формы не могут в полной мере обеспечить требования реально складывающихся правовых отношений [51, стр. 251].

Идея сильного государства имеет правокультурное измерение. Российское понимание «сильного государства», отмечается авторами, определяется не административно-управленческими операциональными чертами функций и целей, а эпитетами влиятельного и могущественного национального образования. В восприятии общества государство не сводится исключительно к государственному аппарату, оно «синкретично обществу», является субъектом «коллективного бессознательного», концентрирует в себе образ национальной идентичности [60].

В ориентациях на построение сильных государственных институтов, полагает Ф. Фукуяма, «неизбежны тяжелые испытания социальной структурой, культурой и другими переменными». Хотя государство может создавать новые социальные нормы через социализацию и обучение, однако и само общество порождает нормы. *Управление государством всегда уникально, и любой опыт в этой сфере не подлежит широкому обобщению,* в котором следует учитывать множественность управленческих практик, обусловливаемых местной спецификой, и сочетать практики других государств «с глубоким пониманием местных сложностей, возможностей, привычек, норм и условий»*.

Сила государства характеризуется двойственностью. По М. Манну, «инфраструктурная» сила государства подразумевает реализацию своих функций посредством опоры на потенциал своей институциональной системы, в то время как «деспотическая» сила государства рассматривается ученым как односторонне властное воздействие политической элиты на гражданское общество в условиях отсутствия возможностей последнего влиять на власть. Сила государства эпохи модерна является «инфраструктурной», о чем свидетельствует его способность *посредством своей инфраструктуры* влиять на различные аспекты жизнедеятельности общества и возможностями гражданского общества оказывать все большее влияние на управленческую деятельность государства. Государство усиливает свое институциональное влияние («современное государство гораздо лучше контролирует мою собственность, выплату налогов, чем аграрное контролировало моих предков»). При этом увеличивается способность гражданского общества контролировать государство [72].

Аналогичное по сути деление предлагает и Ф. Фукуяма, согласно которому сила государства может рассматриваться двояко: с одной стороны, как мощь и определенный набор функций (у сильного государства этот набор довольно широкий), с другой, – как институциональная влиятельность государства в вопросах воздействия на общественные отношения, эффективность различных государственных учреждений и нормативных правил в регулировании управленческих процессов. Государство, сильное в институциональном ракурсе, характеризует эффективность государственных институтов, способность формулировать и осуществлять политические стратегии и разрабатывать качественные законы; управлять с минимумом волокиты; контролировать коррупцию и взяточничество; поддерживать

высокий уровень прозрачности и ответственности (подотчетности) правительственных учреждений и, что самое важное, реализовывать принятые законы [64, стр. 25].

Иными словами, в современной литературе сила государства интерпретируется как административная (внеправовая, внеэкономическая) мощь либо как сила, опирающаяся, главным образом, на эффективное функционирование институциональной системы, действенные инструменты политико-правового регулирования. Хотя, строго говоря, указанная градация имеет известную условность. Укрепление государственности не выступает в качестве самоцели, его мощь призвана быть действенной во имя общего блага. В этом ракурсе сильное государство должно обладать известной свободой в принятии и осуществлении своих управленческих решений и нередко на практике проявлять свою административную мощь. Указывая на эмпирические условия, С.А. Котляревский отмечает, что в связке «сила государства/право» нет доминирующего компонента, однако управлению делами государства «необходимо присуща некоторая самостоятельность, оценка момента, выбор средств, хотя бы цели были точно и категорически установлены законом» [42, стр. 535], и «в самом законченном правовом государстве известная часть проявлений государственной власти должна оставаться совершенно свободной» [41, стр. 39-40]. Аналогично рассуждает и Ф. Фукуяма, по мнению которого, хотя исполнение закона есть важный признак сильного государства, но «власть закона сама по себе недостаточна для успешного правления; успешное, действенное правление требует свободы действий... Правда в том, что свобода действий – обязательное условие осуществления любого типа властных полномочий и существует в той или иной степени практически на всех уровнях управления обществом» [64, стр. 126-127].

Здесь можно заметить, что научное творчество С.А. Котляревского и Ф. Фукуямы в крайние годы все чаще привлекает внимание современных исследователей [15; 54; 55; 56].

Полагаем, государственное строительство в реформирующемся социуме диктует использование административной власти и правового инструментария в таком объеме каждого из них, который наиболее необходим в конкретных условиях исторического этапа государства. Чем общество менее консолидировано, тем выше в нем конфликтный потенциал и тем оно более нуждается в административном потенциале государства. И обратная ситуация наблюдается, когда общество ближе к тому состоянию, которое Р. Моль указывал как «гармоническое развитие всего бытия», выступающее по его мысли как высшая жизненная цель и идеал человека, при этом подобная цель становится достижимой для каждого конкретного государства лишь при вступлении на определенный уровень цивилизационного развития [50, стр. 51-52]. Чем выше правокультурный уровень общества, степень гражданской солидарности, тем сильнее в управлении делами государства правовые начала. Иными словами, сила и право диалектически взаимосвязаны и в управленческих практиках должны поддерживать друг друга. Ведь, по сути, только государство с сильным административным потенциалом может гарантировать и обеспечивать защиту конституционных прав и свобод граждан, и в этом его отличие от слабого государства, бессильного в том, чтобы обеспечить торжество закона, конституционный режим, правопорядок, облечь права и свободы граждан реальными гарантиями.

Сила государства есть индикатор его устойчивости. В современном научном дискурсе устойчивость государства рассматривается сквозь призму наличия/отсутствия признаков слабого (weak state) и неудавшегося (failed state) государства.

Слабое государство (кризисное государство) осуществляет свои функции на низком качественном уровне. При этом, как правило, сфер, на которые такое государство способно воздействовать на приемлемом для общества уровне, становится все меньше, а признаков дисфункций – все больше. Как правило, наблюдается снижение потенциала государства регулировать общественные отношения в межэтнической, языковой, межрелигиозной сферах, хотя обострение интересов и противоречий в них еще не приобрело крайний и бескомпромиссный характер. В слабом, неустойчивом государстве не обеспечивается должный уровень законности и правопорядка, сохраняется высокий уровень коррупции, рост которой государство не в силах остановить. Неспособно подобное государство обеспечить эффективную реализацию своих

функций по обеспечению функционирования социальной, экономической и транспортной инфраструктуры. Социальные и экономические показатели снижаются [73, p. 4, 29].

Неудавшееся государство (государство в состоянии анархии) – это государство, неспособное осуществлять свои функции по созданию и организации деятельности государственно-правовых институтов и нести ответственность за выполнение того, что когда-то Гоббс указал как общественный договор. Впервые термин «failed state» появился в статье ученых-специалистов по международному праву Ж. Хелмана и С. Ратнера «Спасение неудавшихся государств», опубликованной в 1992 году [71]. Его использование связано с проблемой эффективного управления как в рамках отдельного государственно-организованного общества, так и на уровне глобального управления. Подобное государство не может выступать от имени всего народа, у него отсутствует управленческий потенциал по контролю над своей территорией и предоставлять гражданам политические и социальные блага. Блага – это те преимущества, которые граждане вправе ожидать от государства, они включают в себя различные потребности, права и обязательства, словом, охватывают все, что составляет суть взаимодействия власти и общества. Среди основных политических (управленческих) благ – это обеспечение безопасности, установление правопорядка, устранение внутренних и внешних угроз, насилия, что может быть обеспечено только институтами дееспособного государства [73, p. 2-4].

Неудавшееся государство не способно обеспечить монополию на легитимное использование силы [70, p. 19]. В нем ресурсы и часть территории не контролируются государством, широко распространены коррупция и приватизация государственных функций различными негосударственными субъектами. Социальные и политико-правовые институты деградируют, права человека не соблюдаются. Происходит рост насилия, утверждается режим беззакония, силы правопорядка парализованы [73, p. 4-6]. В правовом сознании начинают доминировать антиценности, нигилистические установки, как правило, происходит ретрадиционализация общественных отношений. Реальные возможности и блага имеют только правящая элита и близкие к ней группы, не способные либо не ориентированные на достижение цели общего блага. Следует согласиться с мнением К. Шмитта, что «успешное и состоявшееся государство столь же великолепно, как отвратительно и ничтожно – морально и эстетически – неудавшееся государство» [69, стр. 245-250].

Слабому и неудавшемуся государствам противостоит сильное государство. В российском юридическом дискурсе идея сильного государства традиционно занимает особое место. При этом представленный в нем критериальный набор позволяет усмотреть понимание сильного государства и в административном, и институциональном аспектах. М.М. Сперанский полагал, что «силы государства суть 1) силы физические или личные каждого члена, государство составляющего; 2) силы промышленности или силы народного труда; 3) силы народного уважения или чести…» [58, стр. 9; 59, стр. 412]. Иными словами, сила государства зависит от личностного потенциала граждан, его социально-экономической мощи и легитимного характера власти [21]. Понимание сильной власти в терминах *легитимности* и авторитета в обществе свойственно и для Г.Ф. Шершеневича, констатировавшего, что «только то государство может считать себя сильным, могучим, у которого государственная власть имеет на своей стороне «сочувствие широких масс» [68, стр. 20, 40]. При этом, сила государства отнюдь не тождественна его произволу. По мысли Б.Н. Чичерина: «Нет более опасного заблуждения, чем смешение силы власти с господством произвола, как превращение начала власти в самоцель. В основе функционирования государства должен лежать закон» [67, стр. 572]. По логике М.О. Меньшикова, в самом слове «правительство», в глаголе «править» заключено понятие нравственного права, неразрывного в народном разуме со справедливостью. Посему власть по существу своему никак не может пониматься как «право силы», а всегда есть «сила права», однако право неосуществленное перестает быть правом, чтобы действовать, *право должно быть силой, следовательно, власти необходимо быть сильной* [47, стр. 546-549].

В современном юридическом дискурсе сильное государство интерпретируются как властно-политическая организация, которая всегда и во всем «в силах». Оно распространяет регулирующее и контролирующее воздействие

на существенную часть общественных отношений. Такое государство «безупречно юридически оформленное, устойчивое, стабильно прочное; его доводы сильны, его механизм эффективен, вооруженные силы абсолютно надежны, воля тверда и стойка своей справедливостью» [17, стр. 86; 32]. При этом, говоря словами М.Н. Марченко, слабому или ослабленному (failed) государству свойственно аналогичное по характеру позитивное право, и, наоборот, сильному в материальном, социальном и иных смыслах государству свойственно соответствующее позитивное право [45, стр. 160]. Сильное государство создает справедливые правовые нормы и механизмы судебного разрешения споров, что подразумевает эффективную правовую систему, независимость судей, правила и процедуры, обеспечивающие верховенство законов. Оно формирует среду, способствующую росту экономического потенциала и создает условия для развития гражданского общества. В нем защищены политические права и гражданские свободы. Оно обеспечивает полный спектр и высокое качество политических, правовых, экономических и социальных благ своим гражданам, общественную безопасность, поддерживает в обществе баланс интересов [73, p. 2-3].

Сильное государство есть функциональное государство. *Функциональность* – способность государства реализовывать все свои основные функции на всей своей территории во благо общества. Функциональность государственной власти напрямую зависит от степени исполняемости ее решений на всех уровнях властной иерархии. При этом государство функционально тогда, когда обладает необходимыми ресурсами (техническими, материальными, организационными, информационными, юридическими, в т.ч. хорошо подготовленными профессиональными управленцами). Функциональное государство поддерживает в качественном состоянии государственно-правовые институты, своевременно устраняя проявление дисфункций. Стоит в этом ракурсе отметить, что силу государства можно определить по реализации государством своей фискальной функции, определяемой по доле реальных поступлений в государственный бюджет. Существует огромная разница между тем, что собирают сильные государства (порядка 80%) и слабые (ближе к 30 %). Неспособность собирать налоги лишает государство ресурсов для развития, и чем оно слабее, тем меньше средств способно накопить [14, стр. 136-138]. В слабом государстве государственный аппарат – это всегда место для обогащения. Реализация государством фискальной функции показывает степень его функциональности в экономической, социальной, культурной и иных сферах. Функциональное государство одинаково эффективно осуществляет все свои функции и с одинаковым вниманием относится к каждой из них по отдельности.

Потребность в сильном государстве связана также с необходимостью сохранения культурной идентичности в условиях жесткой конкуренции с иностранными культурными образцами, осуществляющими экспансию в форме «мягкой силы». Следует согласиться с рассуждениями А. Турена, что «универсалистский и прогрессистские ценности Европы все более выступают инструментами ее идеологического господства над остальным миром и вследствие этого орудием ее особых интересов», и перед лицом таких претензий другие государства стремятся сохранить свои идентичности [63, стр. 66]. В эпоху глобализации государство обязано выступать основным инструментом сохранения социокультурной идентичности. Это та задача, которая остро стоит в настоящее время перед Казахстаном и Россией [52].

Устойчивость и функциональность государства – залог его конкурентоспособности. *Конкурентоспособность* – потенциал государства выдерживать экономическую, правовую, политическую, идеологическую и иную конкуренцию в условиях глобальных и внутренних вызовов. Конкурентоспособное государство способно защитить свои интересы в сфере международно-правовых отношений, имеет вес в решении межгосударственных вопросов, обладает достаточной силой для реализации функции обороны и защиты своих граждан в случае потенциальной военной угрозы, принимает активное участие в разработке правовых принципов, норм и процедур, связанных с функционированием международных и региональных организаций и мировых рынков, реализует функцию по инновационному развитию. Слабое государство несет высокие риски неконкурентоспособного института управления общественными процессами. В этом ракурсе стоит заметить, что региональная интеграция в рамках Евразийского

экономического союза – совместный проект евразийских государств, призванный усилить их конкурентоспособность в контексте современных глобальных вызовов.

Итак, *сильное государство – это устойчивое, функциональное и конкурентоспособное государство, имеющее достаточный потенциал, чтобы обеспечивать правопорядок и развитие общества, эффективно реализовывать все свои функции на всей своей территории, обеспечивать права и свободы граждан, адекватно отвечать на внутренние и глобальные вызовы и осуществлять идею общего блага как главную цель бытия государства.*

С учетом современных политических и экономических вызовов и рисков, незавершенности процессов экономической и политико-правовой модернизации и укорененности в обществе патерналистских установок идея сильного государства является не только неотъемлемым элементом современной евразийской концепции государственного управления, но и единственным возможным вектором развития в обозримой исторической перспективе. В современной юридической литературе в этом ракурсе верно отмечается, что зачастую звучит наивная мысль: «Раз новая инновационная модель немыслима в условиях избытка управления, то надо создать дефицит управления – и тогда получим искомое». Катастрофу мы породим в этом случае – и только» [19, стр. 71]. При этом на евразийском пространстве сильное государство исторически понимается, главным образом, в контексте сильной властной вертикали. Сильное государство подразумевает, прежде всего, сильную центральную, общегосударственную, власть, которая эффективно взаимодействует с любой иной публичной властью в государстве. В современных евразийских политико-правовых реалиях востребован сильный институт президентства, который, по сути, не вписывается строго в систему разделения властей в ее западном, либерально-демократическом, восприятии. На данную закономерность указывает, В.Е. Чиркин, отмечая, что Президент РФ не относится к исполнительной ветви власти, поскольку «в ст.80 Конституции РФ Президент РФ определен как глава государства с некоторыми специфическими функциями, которых не может быть у исполнительной власти (например, право вето по отношению к законам или право роспуска парламента (нижней палаты) при определенных условиях), а Правительство РФ в ст.110 охарактеризовано как высший орган исполнительной власти в РФ» [65, стр. 83].

Ст.40 Конституции РК прямо устанавливает, что Президент Республики Казахстан обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом. Правительство РК возглавляет систему исполнительных органов и осуществляет руководство их деятельностью (ст.64). Казахстанскими правоведами указывается, что президентская форма правления введена в Казахстане с учетом объективных обстоятельств, к каковым относятся «традиции государственного развития Казахстана в досоветское время, опыт государственного строительства Казахской ССР, а также ведущие тенденции совершенствования системы государственного управления в экономически и политически развитых государствах мира» [40, стр. 20].

«Чем бы ни руководствовались составители Конституции, в институте президентства с очень широкими полномочиями, не всегда вяжущимися с классическими представлениями о демократии, – *рассуждает О.В. Мартышин,* – они отразили реальную национальную потребность в сильной власти. Другое дело, что полномочия президента, его отношения с тремя ветвями власти, механизм и аппарат осуществления президентских полномочий далеко не всегда определены... Но и в такой далекой от совершенства и чреватой реальными опасностями форме президентская власть создает возможности для сохранения государства и зачатков демократии, ибо в ней воплотились реальные противоречия российской действительности, типичные для многих стран, не переживших своевременных и успешных буржуазных революций» [44].

«Модель сильной президентуры» характерна для большинства государств СНГ. Она базируется на тезисах: о нахождении президента вне или над системой разделения власти; необходимости особой «президентской власти»; особое положение президента в системе сдержек и противовесов; наделении главы государства арбитражной функцией; особых взаимоотношениях главы государства с правительством; введении дополнительных цензов пассивного избирательного права для кандидатов в президенты; создании особых гарантий для президента; теоретическая

модель всенародно избранного президента – выразителя общенационального интереса и т.д. [46, стр. 407-409].

В сравнении с западными государствами, в которых главную функцию легитимации власти выполняет конституция и избранный на ее основе парламент, констатируется в юридической литературе, главное легитимирующее значение в России принадлежит институту президента, восприятие которого не лишено монархических, патриархальных черт, когда, в соответствии с правовым архетипом Отца, глава государства (монарх, генеральный секретарь, президент) ответственен перед высшими силами за благосостояние и процветание подвластных ему подданных (детей) [57, стр. 32]. Сильный институт президентства в евразийских государствах способствует координации различных ветвей власти и их согласованному функционированию для достижения стратегических целей государственного управления в сложных современных реалиях. На современном этапе продолжающейся институционализации государственно-правовой системы и решения задач модернизации укрепление властной вертикали – позитивная мера, способствующая укреплению потенциала государства.

Между тем, осуществление идеи сильного государства заключает в себе потенциальный риск консервации этатистско-патерналистских политико-правовых архетипических структур в общественном сознании. Согласно социологическим опросам сегодня «мы имеем здесь дело не просто с патернализмом, а с так называемыми патрон-клиентскими отношениями, при которых государство получает от населения мандат легитимности на практически необъятные властные и имущественные права в обмен на делегирование ему ответственности за положение его граждан» [62, стр. 18]. С этим связан и повышенный риск нарушения оптимальных границ управленческого воздействия на общественные процессы.

Полагаем, что в современных реалиях евразийские государства находятся в точке бифуркации (переломном моменте) и нуждаются в государственном устройстве, которое сильно и в административном и институциональном понимании. Сегодня, ввиду особенностей правовой инфраструктуры и правовой культуры, «недостаточно одного упования на юридическую жесткость исполнительной власти», посему «пока не утвердится истинная полноценная законность, единственная возможность скрепить огромную по протяженности евразийскую территорию составляет крепкая государственная организация, включающая как централизацию, так и легитимную жесткость применения властной силы» [60, стр. 196]. Вместе с тем, релевантным для современного развития евразийских государств является модель, предполагающая не примат административной власти над правом, а обоснованное *сочетание силы и права (действенная сила государства, опирающаяся на право и действенное право, опирающееся на мощь государства)*. Иными словами, силу государства следует устремлять к той позитивной динамике, когда сила основывается преимущественно на силе закона и права, *переходить от устремленности к построению сильного в административном отношении государства к государству, сильному своей эффективной институциональной структурой.*

И в этом ракурсе построение сильного в институциональном отношении государства невозможно без формирования сильного *гражданского общества*. Для евразийских государств введение в юридический тезаурус концепта гражданского общества имеет особую значимость. Оно означает корректировку исторически складывавшейся матрицы взаимодействия государства и общества в рамках «властители – подданные», «правители – управляемые». В советское время концепция гражданского общества не вписывалась в господствующую идеологию, поскольку подобное общество есть сфера частных интересов, взаимоотношений и взаимодействия его членов как независимых частных собственников. Марксизм, как известно, отрицает право человека на частную собственность – право по своему усмотрению, безотносительно к другим людям, независимо от общества, пользоваться своим имуществом и располагать им, рассматривая его как право своекорыстия, право эгоистического человека, обособленного от других людей и от своей общности. По мысли К. Маркса, ни одно из «так называемых прав человека» не выходит за пределы эгоистического человека как члена гражданского общества, т.е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого. Единственной связью, объединяющей

индивидов, является естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохранение своей собственности и своей эгоистической личности. В результате сфера, в которой человек выступает как общественное существо, ставится ниже той сферы, в которой он выступает как частное существо, и, в конечном счете, не человек как носитель гражданских прав, а человек как bourgeois считается собственно человеком и настоящим человеком. Стало быть, лишь тогда, когда человек осознает себя как часть общественной силы и не станет отделять от себя общественную силу в виде политической силы, и свершится человеческая эмансипация [43, стр. 400-406]. Утверждение общественного интереса над частными интересами как сдвиг на следующий уровень человеческого прогресса возможно (и с неизбежностью произойдет) в условиях обобществления средств производства и уничтожения основной подпорки частных интересов – частной собственности на средства производства, справедливого распределения всей совокупной собственности между членами общества.

В классическом евразийстве представления о социальном порядке, основанном на подобной трактовке института частной собственности, подвергаются подробному анализу с философско-правовой точки зрения. В нем постулируется, что в основе коммунизма лежит проповедь наслаждения и материального благополучия уже в этом, эмпирическом, мире. Между тем, мир, в котором «царствует полное изобилие, мир молочных рек и кисельных берегов есть наивная сказка. И к миру сказок нужно отнести социальный порядок, в котором всего так много, что не нужно уже никакой собственности, ни индивидуальной, ни общей». Последовательный отказ от материального мира умаляет мотивацию к труду, поощряет леность и требует неимоверных усилий по контролю за дисциплиной [8, стр. 204-207]. Хотя теоретически порядок, при котором упразднена частная собственность и которым управляет один (единоличный или коллективный) хозяин, выглядит как совершенный, он игнорирует движущую силу, главенствующую в социальных реалиях: начала личного расчета и эгоизма. Капиталистическое общество основано на жестоком принципе, и его можно отвергать из человеколюбия, но нельзя не придавать ему значения. Существование частной собственности создает «многоярусность» социального устройства: деление на свободную область распоряжения вещами, принадлежащими множеству самостоятельных субъектов (гражданскому обществу), и на возвышающийся над ней, управляемый из одного центра или из многих иерархически подчиненных друг другу центров аппарат публичной власти. Уничтожение института частной собственности означает, что уничтожается подобная масса самостоятельных субъектов, стало быть остается общественное целое, которое становится единственным субъектом права собственности. Тем самым устраняется деление на частную и публичную сферы. Введение такого порядка по мысли Маркса позволит получить человеку полную свободу [8, стр. 217-219], но в реалиях государство при социализме превращается в некую единую принудительную организацию. При социализме органам государства вручается управление не только политическими делами, но и всей экономикой и распределением, при этом предполагается, что произвол государства будет сдерживаться его демократическим устройством, что позволит ему выступать в роли свободного и правового государства. Между тем, если в частных обществах люди проводят часть своей жизни, то в подобном государстве они проводят всю свою жизнь. Посему власть последнего с неизбежностью становится властью с универсальными функциями, и с уверенностью можно констатировать, пишет Н.Н. Алексеев, что властный характер подобной демократии будет жестче власти любого буржуазного государства просто потому, что задачи власти в первом шире, чем задачи власти в последнем. Государство-собственник всегда будет стоять перед соблазном эксплуатации. Оправдание порядка частной собственности заключается в том, что при его наличии дается принципиальная возможность воздействовать на собственников со стороны государства, как стоящей над собственностью высшей, нейтральной силы. А проекты социалистического устройства как раз эту возможность уничтожают [8, стр. 242-253].

Экономическая мощь тесно сопряжена со свободным развитием созидательного духа общества, базирующегося на строгом обеспечении принципов законности и правопорядка. Идеал сильного государства, рассуждает П.Б. Струве, можно создать только на основе

мощи хозяйственной, что тесно связано с закреплением в общественном сознании идеи дисциплины народного труда вместе с идеей права и прав [61, стр. 189]. В России и Казахстане реализуется множество стратегически значимых государственных программ по экономическому, социальному и культурному развитию страны, что в совокупности создает предпосылки для развития частной инициативы и формирования сильного гражданского общества, но многое предстоит сделать.

Не может государство быть сильным при слабом обществе. Институциональная слабость гражданского общества с неизбежностью ослабляет институты государства с силу следующих факторов: государство само есть часть общества, следовательно, уровень развития последнего обусловливает степень развитости первого; эффективность инновационной функции и тесно связанного с ее осуществлением уровень экономической мощи современного государства во многом определяется активностью частнопредпринимательских структур как институтов гражданского общества; незрелость гражданской культуры общества, консервация в ней патерналистских и правонигилистических установок влияют, в конечном счете, на результативность государственно-правового регулирования общественных отношений; и, последнее (но не по значимости), без сильного гражданского общества, институтов, с помощью которых оно свободно выражает свое мнение и через свободную конкуренцию подобных мнений развивается, государство рискует стагнировать либо двигаться не в том направлении. В диалектическом единстве публичных и частных начал состоит залог действительной, а не номинальной силы государства.

Идеология сильного государства отнюдь не исключает идею сильного гражданского общества. Полагаем, они вполне органично могут сочетаться между собой, более того, именно сильное государство способно отстаивать права и свободы личности, стремиться облечь их реальными гарантиями. Прав Н. Бердяев в убеждении: «Государство должно быть сильным, но должно знать свои границы» [13, стр. 334]. Государство следует быть сильным *не за счет,* а *для* гражданского общества, стало быть, необходимо строить сильное государство не *вместо* гражданского общества, а *вместе* с гражданским обществом. В свете этого важна всяческая поддержка развития рефлексивного *саморазвития* социума. В сильном государстве сила власти основывается на постоянном диалоге с гражданским обществом.

«Гражданское общество, – *по мнению профессоров В.А. Бачинина и В.П. Сальникова,* – представляет собой сложную, многомерную социальную целостность, которая, будучи открытой, самоорганизующейся системой естественно складывающихся социальных отношений между индивидами как частными лицами, активно обменивается веществом, энергией и информацией со своим главным контрагентом – государством. В гражданском обществе каждый человек предстает не как подданный государства, но как самоценный индивидуум, имеющий свои личные, частные жизненные цели, которые могут либо совпадать с интересами государства, либо противоречить им» [12, стр. 133].

Если обратиться к формально-структурному аспекту гражданско общества, то можно увидеть, что оно выступает как «совокупность существующих, нарождающихся и активно функционирующих общностей – добровольных объединений, союзов, организаций». Именно эта совокупность и позволяет всем индивидам, составляющим общество, добровольно общаться на базе «сходных практически духовных интересов», а обществу в целом, как социальному макроинституту, поощрять многообразные «проявления человеческой солидарности».

Важно здесь и то, что стихийно «возникающие корпорации граждан, – по мнению цитируемых авторов, – способны не только удовлетворять их разнообразные потребности, но и защищать их интересы и естественные права от чрезмерного диктата государства. По большому счету гражданское общество для того и существует, чтобы защищать естественное право каждого гражданина на частную жизнь, куда входит сфера семейных отношений, досуга, домашнего хозяйства, дружеских и интимных связей, а также область внутренней духовной жизни личности» [12, стр. 133].

Совершенно правы В.А. Бачинин и В.П. Сальников, когда пишут: «Если сопоставить две такие социальные величины, как государство и личность, то их разномасштабность позволяет государству уверенно присваивать себе главенствующую роль. В его глазах интересы

отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны. Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, то индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравновешивания» [12, стр. 133-134].

Релевантная модель взаимоотношений власти и гражданского общества – фундамент позитивной политической, правовой, экономической и социокультурной динамики страны. В государственно-правовом регулировании общественных отношений, связанных с институтами гражданского общества, наблюдается ориентация российских и казахстанских органов власти на создание необходимых политических, правовых и иных условий для появления коммуникативных площадок по взаимодействию с обществом, что свидетельствует, с одной стороны, о готовности власти «слышать и слушать» граждан, с другой, – стремлении направить гражданскую активность в контролируемое и управляемое русло и предупредить риск эскалации социальной напряженности, есть доля и того, что касается стремления продемонстрировать мировому сообществу готовность власти вести диалог и считаться с гражданским обществом. Стоит отметить, что в Казахстане были приняты Программа государственной поддержки неправительственных организаций Республики Казахстан на 2003-2005 годы, утвержденная постановлением Правительства РК от 17 марта 2003 г., и Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы», утвержденная Указом Президента РК от 25 июля 2006 года [5; 6].

Показателен в этом ракурсе анализ особенностей правового регулирования в России и Казахстане институтов, призванных выполнять подобные функции – Общественной палаты РФ и Ассамблеи народа Казахстана, а также общественных советов.

Правовой статус Общественной палаты РФ закреплен Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. «Об Общественной палате Российской Федерации» [2]. Статьей 6 указанного закона устанавливается, что Общественная палата формируется из сорока граждан РФ, утверждаемых Президентом, восьмидесяти пяти представителей общественных палат субъектов РФ и сорока трех представителей общероссийских общественных объединений, иных некоммерческих организаций. Общественная палата образуется на основе добровольного участия в ее деятельности граждан и некоммерческих организаций и призвана обеспечивать взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления в целях учета и защиты интересов, прав и свобод граждан РФ и прав некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики (ст.1). Статьей 15 устанавливается, что член Общественной палаты не может занимать государственные и муниципальные должности, должности государственной и муниципальной службы и государственной гражданской службы, быть депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти либо занимать выборную должность в органе местного самоуправления.

В статье 18 ФЗ РФ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [1] от 21 июля 2014 года Общественная палата указана среди субъектов общественного контроля, который осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, в иных формах, не противоречащих закону, а также в таких формах взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления, как общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие формы взаимодействия. Согласно законодательным нормам в состав общественного совета в России не могут входить лица, замещающие государственные должности и должности государственной службы РФ и субъектов РФ, и лица, замещающие муниципальные должности и должности муниципальной службы, и иные лица, которые в соответствии с ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» не могут быть членами Общественной палаты. В юридической литературе констатируется, что «создание Общественной палаты – это попытка

власти некоторым образом компенсировать проблемы развития представительной демократии в России и связана она с необходимостью поддержки государственной политики со стороны гражданского общества» [16, стр. 44].

Важной особенностью политико-правовой модели, реализуемой в Казахстане, является конституционное закрепление норм, устанавливающих своего рода квоту в нижней палате Парламента РК – Мажилисе – для Ассамблеи народа Казахстана. Согласно Конституции РК Ассамблею образует Президент РК (п.20 ст.44). Пункт 1 статьи 51 Конституции устанавливает: «Избрание девяноста восьми депутатов Мажилиса осуществляется на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Девять депутатов Мажилиса избираются Ассамблеей народа Казахстана». Закон РК от 20 октября 2008 года «Об Ассамблее народа Казахстана» [4] устанавливает статус Ассамблеи – это «учреждение без образования юридического лица, образуемое Президентом Республики Казахстан, способствующее разработке и реализации государственной политики в сфере общественного согласия и общенационального единства» (п.1 ст.1). Стоит заметить, что Закон закрепляет наряду с другими основными задачами Ассамблеи – участие в формировании политико-правовой культуры граждан (подп. 4) ст. 4).

1 января 2016 года вступил в действие Закон РК от 2 ноября 2015 года «Об общественных советах» [3]. В преамбуле указанного закона фиксируется цель обеспечить реализацию государственной политики по формированию подотчетного перед населением государства и обеспечить широкое участие некоммерческих организаций и граждан в принятии решений государственными органами всех уровней. При этом в отличие от российского, казахстанский законодатель не стал отказываться от наличия представителей государственных органов в составе общественных советов. Согласно нормам указанного закона РК общественные советы представляют собой консультативно-совещательные и наблюдательные органы, образуемые на республиканском и местном уровнях *государственными исполнительными органами.* Общественные советы формируются из числа представителей государственных органов и на конкурсной основе – представителей некоммерческих организаций, граждан (п.1. ст.9). При этом устанавливается, что количество представителей гражданского общества в Общественном совете должно составлять *не менее двух третей* от общего числа его членов (п.7 ст.1). Согласно указанному закону общественный контроль осуществляется в формах общественного мониторинга, общественного слушания, общественной экспертизы и заслушивания отчета о результатах работы государственного органа, направленной на защиту общественных интересов (п.1 ст.17). К сожалению, законом не предусмотрена такая форма контроля общества, как общественные проверки, подобно норме, предусмотренной ФЗ РФ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», а также форма общественных расследований, что могло бы стать действенным инструментом общественного контроля за властью в аспекте борьбы с коррупцией. Согласно нормам указанных законов РФ и РК, регулирующим деятельность общественных советов, органы государственной власти и местного самоуправления, должностные лица, которым направлены соответствующие обращения и рекомендации, обязаны проинформировать о результатах их рассмотрения в течение установленных законами сроков.

Хотя, строго говоря, законодательные нормы, регулирующие статус Общественной палаты РФ и общественных советов в РФ и РК, а также Ассамблеи народа Казахстана не позволяют трактовать их в терминах полноценных институтов гражданского общества, поскольку отсутствует главный признак таковых – автономность, тем не менее они создают условия стать действенным каналом обратной связи во властно-управленческих процессах и внести значительный вклад в развитие гражданского общества. Институционализация каналов обратной связи с гражданами, расширение их участия в управлении делами государства носит для обеих стран актуальный характер. И в связи с этим, Общественная палата РФ и Ассамблея народа Казахстана являются весомой общественной силой в вопросах взаимодействия общества с властью. По сути, указанные организации – *государственно-общественный механизм,* опосредующее звено, позволяющее гражданскому обществу донести свою позицию по вопросам управления делами государства. Институционализация общественных советов

может иметь важное значение для развития гражданской культуры общества. В частности, значима нацеленность общественных советов на вовлечение некоммерческих организаций и граждан в процесс разработки проектов нормативных правовых актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан [3].

С 2003 года в Казахстане проводится Гражданский форум, в рамках которого обсуждаются проблемы, связанные с неправительственным сектором и социальной сферой, взаимодействием государства и институтов гражданского общества и разрабатываются предложения для государственных органов. В России с 2013 года организуется проведение Общероссийского гражданского форума – диалоговой площадки, объединяющей общественные организации, гражданских активистов и представителей экспертного сообщества. В процессе его деятельности в органы власти направляются рекомендации. Следует заметить, что при схожести формальных характеристик институтов гражданского общества, казахстанские правокультурные реалии сравнительно с российскими демонстрируют меньшую зрелость: в силу историко-культурных причин в них все еще сильна роль кланово-родовых интересов, более выражен подданнический, а не гражданский тип правосознания.

В развитии институтов гражданского общества в евразийских государствах многое зависит от готовности власти взять на себя ответственность за процесс эмансипации общества. Гражданское общество нуждается в такой поддержке государства, которое не только создает совместные коммуникативные площадки для взаимосвязей с властью в рамках примата государства и под его контролем, но, прежде всего, всячески содействует установлению сотрудничества на паритетной основе, развитию самоуправленческих начал в обществе посредством поддержки общественных формирований, деятельность которых отражает, в конечном счете, подлинные взаимоотношения народа и власти.

Обобщим. В современных условиях слабость государственных институтов несет риски для граждан любого государства, но на евразийском пространстве они усиливаются ввиду правосознательного фактора, закрепленности патерналистских установок. Особенностью евразийского типа общественного сознания является соотнесение личностной идентичности с государством, которое представляется силой, способной раскрыть смысл и указать цель бытия, мобилизовать потенции общества для осуществления актуальных задач. Неспособность государства осуществлять интегративную и иные функции существенно увеличивает риски социальной дезинтеграции, девальвации духовно-нравственных и политико-правовых ценностей. Посему идея сильного государства является неотъемлемым элементом концепции государственного строительства на евразийском пространстве.

Наряду с этим, идея сильного государства таит в себе и риски, связанные с трактовкой ее в контексте государства, опирающегося на внеправовые инструменты в воздействии на общественные отношения и подавляющего ростки гражданской самоорганизации. В современных условиях важна философия не конфронтации, а прочной коммуникации власти и общества. Сильное государство не препятствует, а укрепляет гражданское общество. Сила современного государства – в сильных институтах гражданского общества.

По мысли евразийца Л.П. Карсавина: «Совершенного государства, совершенной организации на земле не существует и быть не может», поэтому следует «выбирать лучшее из несовершенного», при этом в совершенствовании государственного устройства, важно, прежде всего, помочь народу самому упорядочиться, для чего необходимо опираться на естественные процессы его самоорганизации [26, стр. 839-840].

Вместе с тем нельзя игнорировать значимость в обеспечении гармонии власти гражданского общества такой его важной и специфической части, как политическая элита [36; 37; 38; 39]. Она также играет существенную, можно даже сказать определяющую роль в жизни государства и общества.

Примечания

* Ф. Фукуяма полагает, что моральные нормы и культурологические факторы могут быть управляемы, но только в очень малой степени, к примеру, культурные факторы, связанные с образованностью общества. В последние тридцать лет, – пишет он, – число высококвалифицированных экономистов-технократов в Латинской Америке растет довольно быстро. Но время, необходимое «для глубоких общественных изменений, велико, и за короткий, почти ничтожный период распространения культурные величины способны измениться только на микроуровне – в отдельных организациях, в школах или в деревнях». Реформаторы в современных восточноазиатских странах быстро разобрались в зарубежных практиках сильного управления, и переняли некоторые приемы, но, вместе с тем, изменили их так, чтобы заставить работать на свои общества. Подобное понимание и стало залогом успешного развития, поскольку «не позволило иностранным донорам насадить в их странах институты, которые вытеснили бы институты местные» [64, стр. 62, 141-150].

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (часть I). – Ст. 4213.
2. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 15. – Ст. 1277.
3. Закон Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года № 384-V ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам общественных советов» // Казахстанская правда. – 2015. – 10 ноября.
4. Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года «Об Ассамблее народа Казахстана» // Казахстанская правда. – 2008. – 21 октября.
5. Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы» (утверждена Указом Президента РК от 25 июля 2006 года) // Казахстанская правда. – 2006. – 29 июля.
6. Программа государственной поддержки неправительственных организаций Республики Казахстан на 2003-2005 годы (утверждена постановлением Правительства РК от 17 марта 2003 г.) // Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан. – 2003. – № 11. – Ст. 126.
7. Алексеев Н.Н. О будущем государственном строе России // Новый град. – 1938. – № 13. – С.91-114.
8. Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. – М.: Аграф, 2003. – 635 с.
9. Анохин П.В. История становления и развития концепции «сильного государства» / Под ред. Р.А. Ромашова. – СПб., 2001.
10. Анохин П.В. Концепция «сильного государства» (исторический опыт и проблемы воплощения в условиях современной России): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб, 2002.
11. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Реуф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политико-правовой концепции // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 27-35.
12. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
13. Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев // Мир России – Евразия: Антология. – М., 1995.
14. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. – М., 2006.
15. Гер О.Е., Ивановская А.Е., Сальников С.П. Теоретические разработки С.А. Котляревского о взаимодействии представительной и исполнительной власти // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 95-107.
16. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2011. – 46 с.
17. Затонский В.А. Эффективная государственность / Под ред. А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2006. - 286 с.
18. Затонский В.А., Петров М.П. Сильное государство: ключевые вопросы теории и модернизационной политики // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 3. – С.192-206.
19. Зорькин В.Д. Правовая трансформация России: вызовы и перспективы // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: Сборник статей / Отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. – М.: Юстицинформ, ЛУМ, 2013. – С.19-75. - в кн. 560 с.
20. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ.

ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
21. Иконникова И.С. М.М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 18-24.
22. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
23. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
24. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
25. Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Гегель о суверенитете как конституционной ценности // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 138-144. – в сб. 344 с.
26. Карсавин Л.П. Государство и кризис демократии // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX веков: Хрестоматия. – М., 2008.
27. Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993.
28. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории: Монография. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2014. - 191 с.
29. Керимов А.Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи. – М.: NOTA BENE, 2009. – 50 с.
30. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М.: Норма, 2008. - 144 с.
31. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 96 с.
32. Керимов А.Д., Хвоевский А.С. Признаки сильного государства // Вестник Башкирского ин-та социальных технологий. – 2011. – № 4. – С. 103-118.
33. Клименко О.А. Идея суверенитета в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 191-196.
34. Клименко О.А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху Модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 53-57.
35. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 22-28.
36. Колядин А.М. Политическая элита и национально-государственная идеология // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 178-184.
37. Колядин А.М. Политическая элита современной России: является ли она субъектом развития? // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 70-76.
38. Колядин А.М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 45-53.
39. Колядин А.М. Формирование политической элиты и процесс политического развития // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 42-50.
40. Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий. – Алматы, 2015.
41. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. – М., 1909.
42. Котляревский С.А. Власть и право // Котляревский С.А. Избранные труды. – М., 2010.
43. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. В 50 т. Т.1. – М., 1955.
44. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. – 2003. – № 10. – С. 28-30.
45. Марченко М.Н. Тенденции развития права в современном мире: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2015. – 376 с.
46. Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. – Алматы: ВШП «Адилет», 2000. – 596 с.
47. Меньшиков М.О. Власть как право // Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология / Сост. Д.Н. Бакун. – М.: Грифон, 2012. – 608 с.
48. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке

(исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
49. Мирошкина О.И. Современные концептуально-правовые интерпретации феномена «сильное государство» // Философия права. – 2010. – № 4. – С.124-127.
50. Моль Р. Энциклопедия государственных наук. – М., 1868.
51. Проблемы и противоречия развития государственного управления в современной России: Монография. – М.: Юрдитинформ, 2013. - 336 с.
52. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
53. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
54. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
55. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
56. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
57. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Российский правовой архетип: сущность и содержание // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4. - С. 28-33.
58. Сперанский М.М. О коренных законах государства // Русская правовая и политическая мысль: Антология. – М., 2013.
59. Сперанский М.М. О силе правительства // М.М. Сперанский. Руководство к познанию законов. – СПб.: Наука, 2002. - 680 с.
60. Спиридонова В.И. «Сильное государство»: западная и российская интерпретация // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т.10. – Вып.2. – С.192-193.
61. Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // П.Б. Струве Избранные сочинения. – М.,1999.
62. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С.5-23.
63. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. - 204 с.
64. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 220, [4] с.
65. Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. - 230 с.
66. Чиркин В.Е. О «сильном государстве» и его конституции // Государство и право на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции. – М., 2000. – С.17-18.
67. Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // Б.Н. Чичерин. Философия права. – СПб.: Наука, 1998. - 656 с.
68. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. – М., 1908.
69. Шмитт К. Государственная этика и плюрастическое государство // К. Шмитт. Государство и политическая форма. – М.: Высшая школа экономики, 2010. - 272 с.
70. Ezrow N., Frantz E. Failed States and Institutional Decay: Understanding Instability and Poverty in the Developing World. New York, 2013.
71. Gerald B. Helman & Steven R. Ratner. Saving Failed States, 89 FOREIGN PoL'Y 3 (1992-93).
72. Mann M. The Sources of Social Power: The Rise of Classes and Nation-States, 1760 – 1914. UK, Cambridge University Press,1993. Vol.II. Pp.59-61.
73. Rotberg R.I. When States Fail: Causes and Consequences // Princeton University Press, 2004.

ДЕМОКРАТИЯ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

КЛЕЩИНА Елена Николаевна,
профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент, (г. Москва, Россия)

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: inkodrat@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПОТЕРПЕВШИЙ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ, КАССАЦИОННОЙ И НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ЕГО ПРАВ

Аннотация. *Рассматривается порядок рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, которые являются одним из важнейших способов охраны прав потерпевшего. Приводятся права потерпевшего, правила предоставления жалобы и порядок рассмотрения дел. Формулируются авторские предложения по дальнейшему совершенствованию действующего законодательства в сфере уголовного судопроизводства.*

Ключевые слова: *уголовный процесс; суд апелляционной инстанции; суд кассационной инстанции; суд надзорной инстанции; потерпевший; жалоба;*

KLESHCHYNA E.N.
KONDRAT I.N.

THE VICTIM IN THE COURT OF THE APPEAL, CASSATION AND SUPERVISORY INSTANCES: THE PROBLEM OF PROTECTING HIS RIGHTS

The summary. *The procedure for considering a criminal case in a court of appeal, cassation and supervisory instance is considered, which is one of the most important ways of protecting the rights of the victim. The rights of the victim, the rules for granting the complaint and the order of cases are given. Author's proposals on further improvement of the current legislation in the sphere of criminal proceedings are formulated.*

Key words: *criminal trial; court of appellate instance; the court of cassation; court of supervisory instance; victim; a complaint;*

Главой 45.1 УПК РФ регламентирован порядок производства в суде апелляционной инстанции.

Рассмотрение уголовного дела в суде апелляционной инстанции – важнейший способ охраны прав потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства, устранения судебных ошибок и ошибок, допущенных в досудебном производстве.

Предметом судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции является проверка по апелляционным жалобам, представлениям законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иного решения суда первой инстанции.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 7 от 6 февраля 2007 г. (в ред. от 18.10.2012 г. № 21; 09.07.2013 г. № 24; 19.12.2013 г. № 42) «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» подчеркнул, что в условиях правового государства повышается ответственность судов за строжайшее соблюдение законов, прав и интересов граждан при рассмотрении уголовных дел. При этом существенно возрастает роль судов апелляционной инстанции в укреплении законности при производстве по уголовным делам [1].

Потерпевший, его законный представитель, представитель имеют право апелляционного обжалования судебного решения, не вступившего в законную силу.

Государственный обвинитель и (или) вышестоящий прокурор наделены правом подачи апелляционного представления (ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ). При этом следует отметить, что деятельность государственного обвинителя должна быть направлена на охрану прав потерпевших. Особую принципиальность государственный обвинитель должен проявлять при вынесении судом незаконных оправдательных приговоров, т.к. при этом права потерпевших остаются незащищенными, а виновные в совершении преступлений избегают уголовной ответственности.

Согласно ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и другие судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу. В ч. 3 статьи предусмотрены исключения из этого правила. Представляется, что с позиций охраны прав потерпевшего эти исключения имеют существенное значение, поскольку до вынесения итогового судебного решения апелляционному обжалованию подлежат: постановления мирового судьи о возвращении заявления лицу, его подавшему, либо об отказе в принятии заявления к производству; о приостановлении уголовного дела; о передаче уголовного дела по подсудности или об изменении подсудности; о возвращении уголовного дела прокурору; другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию, на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела.

Потерпевший имеет право принести жалобу через суд постановивший приговор или вынесший иное обжалуемое судебное решение.

Апелляционные жалоба, представление на приговор или иное решение суда первой инстанции могут быть принесены в течение 10 суток со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда (ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ). Апелляционные жалоба, представление, поданные с пропуском срока, оставляются без рассмотрения. Порядок восстановления срока апелляционного обжалования предусмотрен ст. 389.5 УПК РФ.

Суд, постановивший приговор или вынесший иное обжалуемое решение, извещает о принесенных апелляционных жалобе или представлении потерпевшего с разъяснением права подачи на эти жалобу или представление возражений в письменном виде, с указанием срока их подачи и направляет ему копии жалобы, представления, а также возражений на них, если в них затрагиваются его интересы.

Потерпевший, подавший апелляционную жалобу, вправе отозвать ее до начала судебного заседания суда апелляционной инстанции. В этом случае производство по такой жалобе прекращается.

Как уже отмечалось, предметом судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции является проверка по апелляционным жалобам, представлениям законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иного решения суда первой инстанции. Поэтому суд апелляционной инстанции призван проверить не только вопросы права (законность

судебного решения), но и вопросы факта (обоснованность судебного решения). Причем уголовное дело может быть рассмотрено как в сторону улучшения положения осужденного или обвиняемого, так и в сторону ухудшения их положения при условии принесения жалобы потерпевшим или представления государственным обвинителем. По нашему мнению, это важное решение законодателя, поскольку позволяет не только пересмотреть решение суда первой инстанции, но и вынести другое справедливое решение по уголовному делу. Это положение, безусловно, направлено на охрану прав потерпевшего.

Потерпевший составляет апелляционную жалобу на приговор или иное решение суда с учетом требований ст. 389.6 УПК РФ. В случае не соответствия требованиям, указанным в данной части, что препятствует рассмотрению уголовного дела, жалоба возвращается судьей, который назначает срок для ее пересоставления. Если требования судьи не выполнены и жалоба в установленный судьей срок не поступила, то выносится соответствующее постановление и она считается не поданной. В этом случае приговор, иное обжалуемое судебное решение считаются вступившими в законную силу.

Потерпевший вправе в подтверждение оснований жалобы либо возражений против жалобы другой стороны представить в суд новые материалы или ходатайствовать о вызове указанных им свидетелей и экспертов.

В науке справедливо отмечается, что указанные в законе требования обязательные для содержания жалобы могут существенно затруднить реализацию права на обжалование приговора или иного судебного решения для непрофессиональных участников процесса [9, стр. 187; 10, стр. 500; 22, стр. 120], а также их доступ к правосудию.

По нашему мнению, следует согласиться с Д.П. Чекулаевым, который считает, что «требования к форме и содержанию жалобы должны быть сохранены только для государственных обвинителей и адвокатов. Для других участников процесса данные требования могут носить рекомендательный характер, но ни в коем случае не служить основанием для отказа в рассмотрении жалобы судом соответствующей инстанции» [22, стр. 120].

Представляется, что часть 4 ст. 389.6 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «Если поданная апелляционная жалоба защитника осужденного, оправданного, представителя потерпевшего или апелляционное представление государственного обвинителя или вышестоящего прокурора не соответствуют требованиям части первой настоящей статьи и это препятствует рассмотрению уголовного дела в апелляционном порядке, то судья возвращает жалобу или представление и назначает срок для их пересоставления. В случае, если требования судьи не выполнены и жалоба или представление в установленный судьей срок не поступили, о чем выносится соответствующее постановление, они считаются не поданными. В этом случае кассационное производство по делу прекращается».

Кроме того, ст. 389.6 УПК РФ необходимо дополнить частью 4.1 в следующей редакции: «жалоба осужденного, оправданного, их законных представителей, потерпевшего, его законного представителя, гражданского истца, гражданского ответчика, их законных представителей принимаются судьей к производству».

Производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35-39 УПК РФ с изъятиями, предусмотренными главой 45.1 УПК РФ.

Судебное следствие начинается с краткого изложения председательствующим или одним из судей, участвующих в рассмотрении уголовного дела апелляционной инстанции, содержания приговора или иного обжалуемого судебного решения, существа апелляционных жалобы и (или) представления, возражений на них, а также существа представленных дополнительных материалов. После доклада председательствующего или судьи суд заслушивает выступления стороны, подавшей жалобу или представление, и возражения другой стороны. После выступления сторон суд переходит к проверке доказательств.

Потерпевший вправе заявить ходатайство об исследовании доказательств, в том числе об исследовании доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции (новых доказательств), и о вызове в этих целях в судебное заседание свидетелей, экспертов, других лиц. При этом суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства только на том основании, что оно не было удовлетворено судом первой инстанции.

Прения сторон проводятся в пределах, в которых уголовное дело рассматривалось в суде

апелляционной инстанции. При этом первым выступает потерпевший, если он подавал жалобу.

Решения, принимаемые судом апелляционной инстанции, установлены ст. 389.20 УПК РФ.

Важно отметить, что суд апелляционной инстанции в случае, если допущенное судом нарушение может быть устранено при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, вправе устранить данное нарушение, отменить приговор, определение, постановление суда первой инстанции и вынести новое судебное решение (ст. 389.23 УПК РФ).

Согласно ст. 389.24 УПК РФ обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей. Оправдательный приговор суда первой инстанции может быть отменен судом апелляционной инстанции с передачей дела на новое судебное разбирательство не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей на незаконность и необоснованность оправдания подсудимого. Эта норма имеет важное значение для охраны прав потерпевшего, т.к. обеспечивает его доступ к правосудию.

В рамках статьи рассмотрим вопросы охраны прав потерпевшего при производстве суде кассационной и надзорной инстанции.

Производство в кассационной инстанции регулируется главой 47.1 УПК РФ.

Известно, что суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобе, представлению законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу.

Согласно ст. 401.2 УПК РФ потерпевший, его представитель имеет право обжаловать вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда. Это же право принадлежит осужденному, оправданному, их защитникам, а также прокурору. Гражданский истец, гражданский ответчик или их законные представители и представители вправе обжаловать судебное решение в части, касающейся гражданского иска.

К содержанию кассационной жалобы и представлению предъявляются требования, предусмотренные ст. 401.4 УПК РФ. К ним могут прилагаться заверенные соответствующим судом копии судебных решений, принятых по данному уголовному делу, копии иных документов, подтверждающих, по мнению заявителя, доводы, изложенные в кассационных жалобе, представлении.

Подаются они в суд кассационной инстанции (ч. 1 ст. 401.3 УПК РФ). По нашему мнению, порядок принесения жалобы на вступившее в законную силу судебное решение через суд, постановивший приговор или вынесший иное обжалуемое решение в большей степени отвечал бы требованиям охраны прав и законных интересов потерпевших и других участников уголовного процесса.

В суде кассационной инстанции, за исключением Верховного Суда РФ, кассационные жалоба, представление рассматриваются в срок, не превышающий одного месяца со дня их поступления, если уголовное дело не было истребовано, или в срок не превышающий двух месяцев со дня их поступления, если дело было истребовано, за исключением периода со дня истребования дела до дня его поступления в суд кассационной инстанции.

В Верховном Суде РФ кассационные жалоба, представление рассматриваются в срок, не превышающий двух месяцев со дня их поступления, если уголовное дело не было истребовано, или в срок, не превышающий трех месяцев со дня их поступления, если дело было истребовано, за исключением периода со дня истребования дела до дня его поступления в Верховный Суд РФ.

Изучив их, судья выносит одно из следующих постановлений:

1) об отказе передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если отсутствуют основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке;
2) о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Председатель Верховного Суда РФ, его заместитель вправе не согласиться с постановлением судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалобы или представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. В этом случае он

отменяет такое решение и выносит постановление об отмене такого постановления и о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда кассационной инстанции (ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ). Думается, что такая норма имеет значение для охраны прав потерпевшего, а равно как и других заинтересованных лиц.

В соответствии со ст. 401.12 УПК РФ суд кассационной инстанции направляет лицам, интересы которых затрагиваются жалобой или представлением, копии постановления о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и копии кассационных жалобы, представления. Потерпевший, как и другие заинтересованные лица должен быть извещен о дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела по кассационным жалобе, представлению не позднее 14 суток со дня судебного заседания. Здесь на наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения, высказанной в науке, о том, что «такое правоустановление, с одной стороны, можно оценить положительно. Например, потерпевший от преступления, не будучи осведомленным о подаче кассационной жалобы, вправе рассчитывать на то, что ему станет известно не только об этом, но и о предстоящем судебном заседании. Это позволит, в частности, принять участие в суде кассационной инстанции, тем более, что круг участников здесь достаточно широк. Но с другой стороны, настораживает фраза «лицам, интересы которых затрагиваются жалобой». Она позволяет правоприменителю определить круг таких лиц на основе собственного усмотрения, а оно не всегда может быть в пользу потерпевшего. Мы не исключаем ситуации, когда потерпевший может казаться в списке лиц, чьи интересы не затрагиваются жалобой» [21, стр. 284].

Пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (ст. 401.6 УПК РФ).

Порядок рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции регулируется ст. 401.13 УПК РФ. Согласно ч. 2 рассматриваемой статьи в судебном заседании участие прокурора является обязательным. В судебном заседании принимают участие и иные лица, указанные в ч. 1 ст. 401.2 УПК РФ, при условии заявления ими ходатайства об этом. Исходя из содержания указанной нормы, потерпевший вправе участвовать в судебном заседании, если им заявлено ходатайство об этом. В таком случае потерпевшему предоставляется возможность ознакомиться с кассационными жалобой, представлением и с постановлением о передаче жалобы, представления на рассмотрение суда кассационной инстанции.

Председательствующий открывает судебное заседание и выясняет, имеются ли у участников судебного разбирательства ходатайства и отводы. После разрешения отводов уголовное дело докладывается одним из судей, ранее не участвующих в рассмотрении данного дела.

Докладчик излагает обстоятельства уголовного дела, содержание судебных решений принятых по делу, доводы кассационных жалобы или представления. Докладчику могут быть заданы вопросы. Если в судебном заседании участвует потерпевший, то он вправе выступить по делу. При этом первым выступает лицо, подавшее кассационные жалобу или представление (ч. 7). Думается, что часть 7 необходимо конкретизировать. Из приведенных норм в целом следует, что потерпевший, получив извещение о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и копии кассационных жалобы, представления, может подготовить свои возражения, подготовиться к выступлению в судебном заседании. Однако было бы правильней если бы ч. 7 рассматриваемой статьи содержала право потерпевшего, как и других заинтересованных лиц, представлять в суд кассационной инстанции дополнительные материалы в подтверждение или опровержение доводов, приведенных в кассационной жалобе или представлении. Такое положение закона направлено на охрану прав потерпевших, других заинтересованных лиц, на установление истины по делу.

Следует отметить, что в результате

рассмотрения уголовного дела суд надзорной инстанции вправе:

1) оставить кассационные жалобу или представление без удовлетворения;
2) отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и прекратить производство по данному уголовному делу;
3) отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и передать уголовное дело на новое судебное рассмотрение либо возвратить дело прокурору;
4) отменить приговор суда апелляционной инстанции и передать уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение;
5) отменить решение суда кассационной инстанции и передать уголовное дело на новое кассационное рассмотрение;
6) внести изменения в приговор, определение или постановление суда (ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ).

Главой 48.1 УПК РФ «Производство в суде надзорной инстанции» предусмотрена процедура проверки вступивших в законную силу судебных решений Президиумом Верховного Суда РФ по жалобам и представлениям лиц, указанных в ч.1 и 2ст. 401.2 УПК РФ. Таким правом наделен потерпевший, его представитель.

В Президиум Верховного Суда РФ обжалуются вступившие в законную силу:

1) судебные решения верховных судов республик, краевых или областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, вынесенные этими судами при рассмотрении уголовного дела в первой инстанции, если указанные решения были предметом апелляционного рассмотрения в Верховном Суде РФ;
2) судебные решения окружных (флотских) военных судов, вынесенные этими судами при рассмотрении уголовного дела в первой инстанции, если указанные решения были предметом апелляционного рассмотрения в Верховном Суде РФ;
3) судебные решения Апелляционной коллегии Верховного суда РФ, Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ и Военной коллегии Верховного суда РФ, вынесенные ими в апелляционном порядке;
4) определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ и определения Военной коллегии Верховного Суда РФ, вынесенные ими в кассационном порядке;
5) постановления Президиума Верховного Суда РФ (ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ).

Указанные судебные решения могут быть обжалованы в порядке надзора в течение одного года со дня их вступления в законную силу (ст. 412.2 УПК РФ).

Требования к содержанию надзорных жалобы, представления предусмотрены ст. 412.3 УПК РФ.

Согласно ст. 412.10 УПК РФ надзорные жалоба, представление рассматриваются Президиумом Верховного суда РФ в судебном заседании не позднее двух месяцев со дня вынесения постановления о передаче уголовного дела в суд надзорной инстанции. О дате, времени и месте заседания суд извещает лиц, указанных в ч. 1 ст. 412.1 УПК РФ. В круг этих лиц входит потерпевший, его представитель. Рассматриваемая статья предусматривает право потерпевшего, его представителя принимать участие в рассмотрении уголовного дела по надзорным жалобам и представлению. Согласно ч. 6 рассматриваемой статьи, если потерпевший, его представитель явился в судебное заседание, он вправе выступить по существу дела.

Полагаем, что в главе 48.1 УПК РФ необходимо предусмотреть норму о направлении потерпевшему, другим лицам, чьи интересы затрагиваются жалобой или представлением, копии постановления о передаче надзорных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании в Президиуме Верховного Суда РФ и копии надзорных жалобы, представления. Кроме того, как представляется, было бы правильней, если в статье предусматривалось право потерпевшего, как и других заинтересованных лиц, представлять в суд надзорной инстанции дополнительные материалы в подтверждение или опровержение доводов, приведенных в надзорной жалобе или представлении. Такое положение закона, как уже отмечалось, способствовало бы охране прав и законных интересов потерпевших, других заинтересованных лиц.

В главе представлен общий анализ охраны прав потерпевшего в суде апелляционной,

кассационной и надзорной инстанций, поскольку, как уже отмечалось, соответствующие изменения и дополнения в УПК РФ действуют с 1 января 2013 г.

Представляется, что пересмотренный приговор и другие судебные решения по уголовному делу, вступившие в законную силу должны быть надежной гарантией соблюдения прав потерпевших от преступлений.

Отличительной чертой созданных в разное время теорий и концепций прав человека является все большее признание ценности каждой человеческой личности, что, как таковое, находит свое отражение в современном, в том числе и российском праве [2; 7; 8; 11; 13; 17].

Охрана прав и свобод человека и гражданина во всех их многообразных аспектах является важнейшим фактором устойчивого развития общества, уровень демократизации которого определяется не только формальным признанием прав человека, но и созданием эффективно действующего механизма их охраны [12; 16; 20].

Охрана прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве являет собой организационно-правовые средства обеспечения и защиты этих прав в процессе осуществления деятельности уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц. Именно в таком контексте понятие «охрана» используется во Всеобщей декларации прав человека, в преамбуле которой указано на необходимость охраны прав человека властью закона, т.е. посредством законотворческой деятельности государств. Равным образом это понятие используется в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В том же контексте эти категории используются в ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве».

Выступая гарантом реальности охраны прав потерпевшего, государство должно стремиться к созданию условий нормативно-правового и организационного характера, которые, наряду с формированием системы законодательства, обеспечивающего охрану этих прав от любого беззакония и произвола, будут предопределять высокий уровень их реализации [23; 24].

В современный период продолжается совершенствование уголовно-процессуального законодательства, прежде всего УПК РФ и всей уголовно-процессуальной политики [3; 4; 5; 15; 18; 19]. Однако многочисленные поправки, вносимые в уголовно-процессуальный закон, свидетельствуют о незавершенности его становления, следствием чего являются проблемы охраны прав потерпевших и других участников уголовного судопроизводства.

Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» законодателем внесены изменения в УПК РФ касающиеся момента принятия решения о признания лица потерпевшим, расширен круг прав потерпевшего, закон дополнен нормами о мерах по обеспечению гражданского иска, об особенностях проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего.

Однако, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что остается целый ряд проблем, связанных с охраной прав потерпевших от преступлений в каждой стадии уголовного судопроизводства [6; 14]. Авторами предложены пути их решения на основе анализа УПК РФ, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, правоприменительной практики, которые могут быть полезны в ходе дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере уголовного судопроизводства.

Однако подчеркнем, что необходимы обоснованные подходы законодателя к внесению изменений и дополнений в УПК РФ, опирающиеся на изучении проблем и потребностей правоприменительной практики.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ в № 7 от 6 февраля 2007 г. (в ред. от 18.10.2012 г. № 21; 09.07.2013 г. № 24; 19.12.2013 г. № 42) «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 5.
2. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
3. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
4. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998.
5. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе: понятие и основные направления // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 3(40). – С. 310-319.
6. Артамонова Е.А. О проблеме обеспечения квалифицированной юридической помощью потерпевших, лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 95-98.
7. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
8. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2. – С. 118-122.
9. Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. – СПб.: Эридический центр Пресс, 2003. - 267 с.
10. Куцова Э.Ф. Комментарий к гл. 43 и 45 УПК РФ // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. И.Л. Петрухин. – М., 2004.
11. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
12. Луковская Д.И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 35-37.
13. Луковская Д.И. Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 97-100.
14. Мусаев М.А. Уголовно-правовая политика России и признание жертвы преступления потерпевшим // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 118-126.
15. Пономаренков В.А. Уголовно-процессуальная правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 157-175. – в кн. 456 с.
16. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
17. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
18. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
19. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
20. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
21. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Монография. – Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2013. - 320 с.
22. Чекулаев Д.П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. – М.: Юрлитинформ, 2006. - 264 с.
23. Щерба С.П., Зайцев О.А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам. – М.: Спарк, 1996. - 123 с.
24. Щерба С.П., Зайцев О.А., Сарсендаев Т.Е. Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам / Под ред. С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2001. - 200 с.

ГАСАН Максим Олегович,
магистрант юридического факультета Югорского государственного университета (г.Ханты-Мансийск, Россия)
E-mail: gasan_maxim@mail.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

СИСТЕМЫ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ, ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

***Аннотация**. Анализируется порядок оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации. Рассматриваются условия создания и правила функционирования государственных юридических бюро, порядок привлечения адвокатов к их работе.*

***Ключевые слова**: бесплатная юридическая помощь; государственые юридические бюро; адвокаты; негосударственные центры бесплатной юридической помощи.*

GASAN M.O.

LEGAL AID SYSTEMS, THE LEGAL BASIS FOR THEIR FUNCTIONING

***The summary.** The procedure for rendering free legal aid in the Russian Federation is analyzed. The conditions for the creation and rules for the functioning of state legal bureaus, the procedure for attracting lawyers to their work are considered.*

***Key words:** free legal aid; state legal bureaus; lawyers; non-state centers for free legal assistance.*

Закон № 324-ФЗ от 21.11.2011 года «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» закрепляет два вида систем бесплатной юридической помощи: государственную и негосударственную.

В соответствии со ст. 15 Закона № 324-ФЗ участниками государственной системы бесплатной юридической помощи являются:

- органы исполнительной власти Российской Федерации и органы, им подведомственные;
- органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и учреждения, им подведомственные;
- органы управления государственных внебюджетных фондов;
- государственные юридические бюро [1].

В порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов, адвокаты, нотариусы и другие субъекты, оказывающие юридическую помощь бесплатно, могут участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи.

Федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Федерации, а также подведомственные им учреждения, органы управления государственных внебюджетных фондов оказывают юридическую помощь гражданам бесплатно в форме устного или письменного правового консультирования в рамках своей компетенции в порядке, установленном законодательством, а также оказывают юридическую помощь бесплатно в виде составления ходатайств, жалоб, заявлений и других правовых документов гражданам, нуждающимся в социальной поддержке и защите.

В соответствии с законами субъектов Российской Федерации могут быть созданы государственные юридические бюро для оказания бесплатной юридической помощи гражданам, а также в целях поддержания функционирования государственной системы бесплатной юридической помощи в целом.

Государственные юридические бюро – юридические лица, создаваемые в форме казенных учреждений в соответствии с законодательством Российской Федерации и законами субъектов, которые оказывают все предусмотренные Законом № 324-ФЗ виды бесплатной юридической помощи.

Государственные юридические бюро при осуществлении своей деятельности вправе привлекать адвокатов и иных субъектов, оказывающих юридическую помощь бесплатно на основании соглашений.

Соглашение – гражданско-правовой договор, заключаемый между доверителем и адвокатом (адвокатами) в простой письменной форме на оказание юридической помощи.

Организация участия адвокатов в государственной системе бесплатной юридической помощи в субъекте Федерации осуществляется адвокатской палатой субъекта Российской Федерации. При оказании юридической помощи гражданам бесплатно адвокаты руководствуются Законом № 324-ФЗ, а также федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3] (далее – Закон об адвокатуре).

Приказом Росрегистрации от 19 декабря 2005 года № 178 «Об утверждении актов, необходимых для работы государственных юридических бюро» утверждены формы документов по оказанию бесплатной юридической помощи государственными юридическими бюро: заявление об оказании бесплатной юридической помощи; соглашения об оказании бесплатной юридической помощи; договора об оказании адвокатом бесплатной юридической помощи гражданину, обратившемуся в государственное юридическое бюро; договора о привлечении адвоката к работе государственного юридического бюро на постоянной основе [17].

Порядок и размер оплаты труда адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, определяется нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Нотариусы, в случае участия в государственной системе бесплатной юридической помощи оказывают консультирование гражданам, по вопросам совершения нотариальных действий.

В соответствии с письмом Федеральной нотариальной палаты от 18 января 2012 года № 51/06-12, нотариусы бесплатно консультируют по вопросам совершения нотариальных действий граждан, обратившихся к ним за помощью. Нотариусы обязаны оказывать гражданам содействие в защите их прав и законных интересов, разъяснять гражданам права и обязанности, предупреждать их о последствиях совершенных нотариальных действий, для того, чтобы юридическая неосведомленность граждан не могла использоваться им во вред. Данные обязанности нотариусы выполняют в соответствии с Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, законодательством субъектов Российской Федерации и присягой. Компенсация нотариусам за выполнение указанных обязанностей законодательно не предусмотрена [18].

Государственные юридические бюро и адвокаты в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи осуществляют устное и письменное консультирование граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, и составляют для них ходатайства заявления, жалобы и другие правовые документы, а также представляют интересы граждан в судах, государственных и муниципальных органах и организациях в установленных Законом № 324-ФЗ случаях.

Бесплатная юридическая помощь в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи оказывается гражданину, имеющему право на ее получение в соответствии с Законом № 324-ФЗ в случае обращения по вопросу, имеющему правовой характер, по вопросу, который не получил ранее разрешения вступившим в силу судебным постановлением, принятым по спору между теми же сторонами, по тому же предмету и по тем же основаниям, а также по вопросу, по которому не имеется решение третейского суда по тому же предмету, по тем же основаниям и между теми же сторонами.

В рамках государственной системы бесплатной юридической помощи гражданину,

имеющему право на ее получение юридическая помощь бесплатно не оказывается в случае, если вопрос, с которым обратился гражданин, не имеет правового характера; в случае, если гражданин просит составить документ правового характера или представлять его интересы в суде, государственных или муниципальных органах, организациях при отсутствии правовых оснований для предъявления соответствующих требований; в случае, если гражданин просит составить заявление в суд, или представлять его интересы в суде, государственных или муниципальных органах, организациях при наличии установленных федеральным законодательством препятствий к обращению; в случае, если в соответствии с законодательством прокурор обратился с заявлением в суд в защиту прав и законных интересов этого гражданина [1].

Участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи, которая формируется на добровольных началах, являются негосударственные центры бесплатной юридической помощи и юридические клиники – студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и другие.

Юридические клиники создаются образовательными организациями высшего образования в качестве юридического лица (если это право предусмотрено учредителем организации высшего образования или ее структурного подразделения) и в соответствии с приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 28.11.2012 № 994 «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы бесплатной юридической помощи» в целях реализации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи бесплатно, правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридическим специальностям навыков оказания бесплатной юридической помощи.

В юридических клиниках в оказании бесплатной юридической помощи участвуют лица, обучающиеся по юридической специальности в образовательных организациях высшего образования, непосредственный контроль за которыми осуществляют люди, ответственные за обучение указанных лиц, имеющие высшее юридическое образование.

Юридические клиники оказывают юридическую помощь бесплатно в виде правового консультирования как в устной, так и в письменной форме, а также в виде составления документов правового характера – заявления, жалобы, ходатайства и др.

Адвокатами, адвокатскими палатами субъектов Федерации, нотариусами, нотариальными палатами могут создаваться негосударственные центры бесплатной юридической помощи, которые могут быть в качестве юридического лица, так и не являться таковым.

В соответствии с Законом № 324-ФЗ, для создания негосударственного центра бесплатной юридической помощи необходимо соблюдение следующих условий:

1) наличие помещения, в котором будет осуществляться прием граждан;
2) наличие у субъектов (привлеченных, в том числе, по трудовому или гражданско-правовому договору), которые будут оказывать юридическую помощь и осуществлять правовое консультирование, высшего юридического образования.

Негосударственные центры бесплатной юридической помощи вправе оказывать юридическую помощь бесплатно в виде правового консультирования как в устной, так и в письменной форме, а также в виде составления документов правового характера – заявлений, жалоб, ходатайств и др.

Негосударственные центры бесплатной юридической помощи самостоятельно определяют (в случае наличия самостоятельно определенных) категории граждан (к которым, прежде всего, должны относиться граждане, находящиеся в тяжелой жизненной ситуации, а также граждане с низкими доходами), виды оказываемой бесплатной юридической помощи и перечень правовых вопросов для оказания бесплатной юридической помощи, о которых негосударственный центр и его учредители должны информировать граждан.

Негосударственный центр бесплатной юридической помощи, его учредители, лица, оказывающие помощь в негосударственном центре бесплатной юридической помощи, несут ответственность за возможные неблагоприятные последствия оказания бесплатной юридической помощи гражданам в соответствии с

действующим законодательством Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовую основу систем бесплатной юридической помощи в Российской Федерации, организационную основу их функционирования составляет Закон № 324-ФЗ и другие нормативные правовые акты Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2015 № 358-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст. 4272; 2016. – № 4. – Ст. 538.
2. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 27.11.2017 № 355-ФЗ) // Собрание законодательства Российской федерации. – 2015. – № 45. – Ст. 6206; 2017. – № 49. – Ст.7327.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017 № 269-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 23. – Ст. 32843; 2017.- № 48. – Ст. 7099.
4. Приказ Минюста России № 174, Минфина России № 122н от 05.09.2012 «Об утверждении порядка расчета вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела» // Российская газета. – 2012. – № 218.
5. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Роль адвокатского сообщества в реализации прав граждан на бесплатную юридическую помощь // Адвокатская практика. – 2013. – № 3. – С. 2-5.
6. Бугаренко А.И. К вопросу об истории права на бесплатную юридическую помощь в России // Адвокатская практика. – 2011. – № 1. – С. 43-47.
7. Кирилловых А.А. Бесплатная юридическая помощь и правовые основы ее оказания // Адвокат. – 2012. – № 8. – С. 5-20.
8. Курова Н.Н., Вяткина Л.А. Оказание бесплатной юридической помощи в России: развитие института // Адвокат. – 2014. – № 8. – С. 39-46.
9. Меркулова А.Ю. Адвокатура в системе бесплатной юридической помощи // Адвокатская практика. – 2015. – № 3. – С. 17-21.
10. Плетень А.С. Опыт субъектов Российской Федерации в области оказания бесплатной юридической помощи гражданам // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 12. – С. 31-34.
11. Плетень А.С. Реализация конституционного права граждан на получение юридической помощи бесплатно посредством обращения в государственные юридические бюро // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 7. – С. 7-14.
12. Пресняков М.В., Васильев А.А. Получатели бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Закон. – 2012. – № 11. – С. 63-71.
13. Радаева Г.О. Как предоставить населению возможность получать качественную юридическую помощь бесплатно? // Адвокатская практика. – 2012. – № 6. – С. 29-32.
14. Радаева Г.О. Проблемы оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Адвокатская практика. – 2012. – № 5. – С. 42-45.
15. Токмаков И.С. К вопросу об общей характеристике соглашения об оказании юридической помощи // Адвокатская практика. – 2012. – № 4. – С. 16-21.
16. Кодекс профессиональной этики адвоката от 22 апреля 2015 г. // http://fparf.ru/documents/normative_acts/1059/
17. Приказ Росрегистрации от 19.12.2005 № 178 «Об утверждении актов, необходимых для работы государственных юридических бюро» // http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=105&issid=1052006004000&docid=18/
18. Письмо Федеральной нотариальной палаты от 18.01.2012 № 51/0612 //http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136936

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры административного и финансового права МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

БОРИСОВ Олег Станиславович,
заместитель начальника кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России (г. Москва, Россия)
E-mail: Akademuprbos@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ГАРАНТИИ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (СОТРУДНИКОВ) ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ И ПОРЯДОК ВЫПОЛНЕНИЯ ИМИ ВОЗЛОЖЕННЫХ НА НИХ ЗАДАЧ

Аннотация. *Комментируется глава 5 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [2], регламентирующая вопросы социальной защищенности военнослужащих данного рода войск. Анализируется система правовых гарантий социальной защищенности военнослужащих, включающая предоставление жилья, медицинское обеспечение, бесплатный проезд, а также иные предоставленные им льготы, гарантии и компенсации.*

Ключевые слова: *войска национальной гвардии; военнослужащие; социальная защищенность; правовые гарантии; льготы; компенсации.*

SAL'NIKOV V.P.
KONDRAT E.N.
BORISOV O.S.

GUARANTEES OF LEGAL AND SOCIAL PROTECTION OF SERVICEMEN (OFFICERS) OF THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD AND THE ORDER OF PERFORMANCE OF TASKS ASSIGNED TO THEM BY THEM

The summary. *Commented on Chapter 5 of the Federal Law of July 3, 2016 № 226-FZ "On the troops of the National Guard of the Russian Federation" [2], regulating the issues of social protection of servicemen of this kind of troops. The system of legal guarantees for the social security of servicemen is analyzed, including the provision of housing, medical care, free travel, as well as other benefits, guarantees and compensations provided to them.*

Key words: *troops of the National Guard; military personnel; social security; legal guarantees; privileges; compensation.*

Глава 5. Гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии

Глава 5 комментируемого закона регламентирует гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии.

Сущность социальной защищенности состоит в законодательном обеспечении экономических, политических, социальных и иных прав, свобод и интересов граждан [13; 14].

Социальная защищенность – это конституционное и законодательное обеспечение всего комплекса прав и свобод человека.

Социальная защита – это более конкретное понятие. Оно сводится к работе по реализации прав и свобод. Например, конституционное право на труд не может быть реализовано, если нет законов, регламентирующих трудовые отношения, а также системы государственных и общественных институтов, которые «заставляют» эти законы работать.

Социальная защищенность военнослужащих – составляющая социальной защиты, направленная на реализацию правовых, экономических и социальных их прав, способствующая удовлетворению интересов, материальных и духовных потребностей.

В понятие «социальная защищенность» структурно входят следующие компоненты: социально-правовой, социально-экономический и социально-психологический. Каждый из них выполняет специфическую функцию и может быть реализован только в комплексе с другими.

Социальная защищенность военнослужащих бывает ограниченной и абсолютной.

Ограниченная социальная защищенность военнослужащих – это обеспечение военнослужащим гарантированного минимума уровня жизни, защиты от тяжелых физических лишений. Другими словами, это определенный минимум в еде, жилье и одежде, достаточный для поддержания здоровья и работоспособности. Данный вид защищенности достижим для всех и не должен рассматриваться в качестве привилегии. Это законное требование каждого и является естественным дополнением рыночной системы.

Абсолютная социальная защищенность представляет собой обеспечение государством гарантированного относительного благополучия военнослужащим. Ее цель – застраховать последних от возможного уменьшения уровня их доходов. Обеспечение государством этого вида защищенности есть приоритетное направление дальнейшего развития Вооруженных Сил.

К *субъектам социальной защиты* следует отнести: государство, профсоюзы, советы солдатских матерей, отдельных личностей, именуемых правозащитниками, и т.д.

К *объектам социальной защиты* относятся все категории военнослужащих. В данном случае социальная защита предполагает обеспечение безопасности жизни, реализацию интересов, укрепление здоровья, создание условий для духовного развития.

Государство является главным субъектом социальной защиты, выражающим интересы военнослужащих. Это – его неотъемлемая функция. Но роль государства изменяется при осуществлении вышеуказанных видов социальной защиты. Государство разрабатывает и принимает нормы социальной защиты. Например, правовые акты, регулирующие различные стороны жизни

военнослужащих, оно также определяет социальный статус военнослужащих и, следовательно, уровень их социальной защиты.

Мировая практика разработала достаточно эффективную систему социальной защищенности. Она включает: экономические, социальные, политические и правовые механизмы.

Экономический механизм включает: разработку социально – экономических программ; выплату пособий, оказание социальной помощи и предоставление льгот; индексацию денежного довольствия военнослужащих, предоставление им льготных кредитов и др.

Социальный механизм предполагает: активизацию деятельности общественных организаций и развитие отношений социального партнерства.

Особое значение имеет правовой механизм. Он предусматривает: законодательное обеспечение правовой защищенности военнослужащих; правовое воспитание военнослужащих; обеспечение соблюдения законов и др.

В своей практике, особенно в развитых странах, проблемы защищенности военнослужащих решаются путем комплексного взаимодействия всех факторов, обеспечивающих этой категории нормальные условия для повседневной жизнедеятельности, и качественного выполнения возложенных на них специфических задач.

В настоящее время в Российской Федерации права и социально-экономические гарантии военнослужащих и работников правоохранительных органов определены пакетом законов, юридически обеспечивающих средний уровень удовлетворения их потребностей. Но их практическая реализация по некоторым направлениям затруднена, несмотря на то, что приняты в законодательном плане соответствующие решения. Сюда следует отнести: обеспеченность жильем, трудоустройство членов семей увольняемых военнослужащих, социально-бытовое обслуживание и т.д.

Статья 26. Порядок выполнения военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии возложенных на них задач

1. Порядок выполнения военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии возложенных на них задач, порядок и условия несения ими боевой службы, выполнения служебно-боевых (оперативно-служебных, служебных, боевых) задач, должностные и специальные обязанности военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии и порядок их исполнения определяются федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, а также иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

2. Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии при несении боевой службы, выполнении служебно-боевых (оперативно-служебных, служебных, боевых) задач являются представителями власти и находятся под защитой государства в соответствии с законодательством Российской Федерации. Никто, за исключением государственных органов и должностных лиц, уполномоченных на то федеральными законами, не вправе вмешиваться в их служебную деятельность.

3. Продолжительность несения боевой службы, выполнения служебно-боевых задач военнослужащими войск национальной гвардии определяется временем фактического нахождения военнослужащего в составе караула, гарнизона, заставы, войскового наряда, а также в составе воинских частей (подразделений), привлекаемых для выполнения возложенных на войска национальной гвардии задач.

4. Воспрепятствование исполнению военнослужащим (сотрудником) войск национальной гвардии служебных обязанностей, его оскорбление, сопротивление ему, насилие или угроза применения насилия по отношению к нему в связи с исполнением указанным военнослужащим (сотрудником) служебных обязанностей влечет за собой ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

5. Защита жизни и здоровья, чести и достоинства, а также имущества военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии и членов его семьи от преступных посягательств в связи с исполнением им служебных обязанностей осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

6. При исполнении военнослужащим (сотрудником) войск национальной гвардии служебно-боевых (оперативно-служебных, служебных, боевых) задач не допускаются его привод, задержание, личный досмотр и досмотр его вещей, а также досмотр личного и используемого им транспорта, плавучих средств (судов) без официального представителя войск национальной гвардии или решения суда.

7. Сведения о военнослужащих (сотрудниках) войск национальной гвардии, выполнявших (выполняющих) специальные задания по противодействию терроризму, обеспечению безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, составляют государственную тайну.

8. Срок привлечения военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии к выполнению задач по обеспечению режима чрезвычайного положения, правового режима контртеррористической операции, задач в условиях контртеррористической операции не должен превышать три месяца.

9. При выполнении задач по обеспечению режима чрезвычайного положения, правового режима контртеррористической операции и задач в условиях контртеррористической операции военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии выплачиваются надбавки, производятся дополнительные денежные выплаты в порядке и размерах, которые установлены федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

Комментарий к статье 26

Статья 26 регламентирует порядок выполнения военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии возложенных на них задач.

Каждый военнослужащий, назначенный на воинскую должность, имеет должностные обязанности, которые определяют его полномочия, а также объем выполняемых им в соответствии с занимаемой воинской должностью задач.

Эти обязанности определяются воинскими уставами, а также соответствующими руководствами, наставлениями, положениями, инструкциями или письменными приказами прямых начальников применительно к требованиям воинского устава

Кроме того в соответствии с частью 1 комментируемой статьи порядок выполнения военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии возложенных на них задач, порядок и условия несения ими боевой службы, выполнения служебно-боевых (оперативно-служебных, служебных, боевых) задач, должностные и специальные обязанности военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии и порядок их исполнения определяются федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, а также иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Часть 2 комментируемой статьи содержит норму, согласно которой военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии при несении боевой службы, выполнении служебно-боевых (оперативно-служебных, служебных, боевых) задач являются представителями власти и находятся под защитой государства в соответствии с законодательством Российской Федерации. Никто, за исключением государственных органов и должностных лиц, уполномоченных на то федеральными законами, не вправе вмешиваться в их служебную деятельность.

Правовыми основами защиты военнослужащих, проходящих военную службу по призыву и по контракту, выступают законодательные и иные нормативные правовые акты, закрепляющие их права, свободы и обязанности.

Такими актами являются Конституция Российской Федерации, Законы РФ «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной, службе», «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах», «О ветеранах», «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации и сотрудников федеральных органов налоговой полиции», Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства, правовые акты министра обороны РФ и других органов военного управления [1; 4; 5; 6; 7; 8].

В соответствии с частью 3 комментируемой статьи продолжительность несения боевой службы, выполнения служебно-боевых задач военнослужащими войск национальной гвардии определяется временем фактического нахождения военнослужащего в составе караула, гарнизона,

заставы, войскового наряда, а также в составе воинских частей (подразделений), привлекаемых для выполнения возложенных на войска национальной гвардии задач.

Часть 4 и 5 комментируемой статьи устанавливают, что воспрепятствование исполнению военнослужащим (сотрудником) войск национальной гвардии служебных обязанностей, его оскорбление, сопротивление ему, насилие или угроза применения насилия по отношению к нему в связи с исполнением указанным военнослужащим (сотрудником) служебных обязанностей влечет за собой ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. А защита жизни и здоровья, чести и достоинства, а также имущества военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии и членов его семьи от преступных посягательств в связи с исполнением им служебных обязанностей осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

К системе правовых гарантий социальной защищенности военнослужащих необходимо отнести предоставление им льгот, гарантий и компенсаций в силу того, что они относятся к особой категории государственных служащих, готовых в любой момент беспрекословно выполнить поставленные перед ними задачи по вооруженной защите Российской Федерации, порой рискуя своей жизнью, испытывая различные трудности и лишения

Согласно частям 6 и 7 комментируемой стати при исполнении военнослужащим (сотрудником) войск национальной гвардии служебно-боевых (оперативно-служебных, служебных, боевых) задач не допускаются его привод, задержание, личный досмотр и досмотр его вещей, а также досмотр личного и используемого им транспорта, плавучих средств (судов) без официального представителя войск национальной гвардии или решения суда, а сведения о военнослужащих (сотрудниках) войск национальной гвардии, выполнявших (выполняющих) специальные задания по противодействию терроризму, обеспечению безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, составляют государственную тайну.

Части 8 и 9 комментируемой статьи устанавливают статус военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, привлеченных к выполнению задач по обеспечению режима чрезвычайного положения, правового режима контртеррористической операции. Согласно комментируемой статье, во-первых, срок выполнения задач в условиях контртеррористической операции не должен превышать три месяца, а во-вторых, военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии, которые служат в этих условиях выплачиваются надбавки, производятся дополнительные денежные выплаты в порядке и размерах, которые установлены федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

Статья 27. Предоставление отдельным категориям военнослужащих войск национальной гвардии жилых помещений

1. Организации, важные государственные объекты, и (или) специальные грузы, и (или) сооружения на коммуникациях которых подлежат охране войсками национальной гвардии в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации, обязаны:

1) обеспечивать военнослужащих войск национальной гвардии, проходящих военную службу по контракту в воинских частях, выполняющих задачи по охране важных государственных объектов, и (или) специальных грузов, и (или) сооружений на коммуникациях, и не имеющих жилого помещения в населенном пункте по месту военной службы, а также проживающих совместно с ними членов их семей на период прохождения военной службы в этих воинских частях служебными жилыми помещениями или жилыми помещениями в общежитии, относящимися к жилым помещениям специализированного жилищного фонда и находящимися в хозяйственном ведении или оперативном управлении данных организаций;

2) размещать военнослужащих войск национальной гвардии, проходящих военную службу по призыву в воинских частях, выполняющих задачи по охране важных государственных объектов, и (или) специальных грузов, и (или) сооружений на коммуникациях, в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

2. Организации, важные государственные объекты, и (или) специальные грузы, и (или) сооружения на коммуникациях которых подлежат охране войсками национальной гвардии в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации, при отсутствии жилых помещений специализированного жилищного фонда обязаны предоставлять военнослужащим войск национальной гвардии, проходящим военную службу по контракту в воинских частях, выполняющих задачи по охране важных государственных объектов, и (или) специальных грузов, и (или) сооружений на коммуникациях, не обеспеченным жилыми помещениями в порядке, установленном частью 1 настоящей статьи, а также проживающим совместно с ними членам их семей на период прохождения военной службы в этих воинских частях на условиях безвозмездного пользования жилые помещения, находящиеся в собственности данных организаций либо арендованные ими за счет средств от осуществления основной и (или) предпринимательской деятельности.

3. Военнослужащим войск национальной гвардии, проходящим военную службу по контракту в воинских частях, выполняющих задачи по охране важных государственных объектов, и (или) специальных грузов, и (или) сооружений на коммуникациях, на период прохождения военной службы в этих воинских частях, а также членам их семей при невозможности предоставления им жилых помещений в соответствии с частями 1 и 2 настоящей статьи предоставляется служебное жилое помещение или жилое помещение в общежитии, относящиеся к жилым помещениям специализированного жилищного фонда, формируемого уполномоченным федеральным органом исполнительной власти за счет бюджетных ассигнований, предусматриваемых в федеральном бюджете указанному федеральному органу исполнительной власти на эти цели.

4. В случае отсутствия жилых помещений, указанных в части 3 настоящей статьи, воинские части арендуют жилые помещения для обеспечения военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей или по желанию военнослужащих ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации, с компенсацией понесенных воинской частью расходов организациями, важные государственные объекты, и (или) специальные грузы, и (или) сооружения на коммуникациях которых подлежат охране войсками национальной гвардии в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации.

Комментарий к статье 27

Статья 27 регламентирует предоставление отдельным категориям военнослужащих войск национальной гвардии жилых помещений

Часть 1 комментируемой статьи устанавливает норму согласно которой организации, важные государственные объекты, и (или) специальные грузы, и (или) сооружения на коммуникациях которых подлежат охране войсками национальной гвардии в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации, обязаны:

- во-первых, обеспечивать военнослужащих войск национальной гвардии, проходящих военную службу по контракту в воинских частях, выполняющих задачи по охране важных государственных объектов, и (или) специальных грузов, и (или) сооружений на коммуникациях, и не имеющих жилого помещения в населенном пункте по месту военной службы, а также проживающих совместно с ними членов их семей на период прохождения военной службы в этих воинских частях служебными жилыми помещениями или жилыми помещениями в общежитии, относящимися к жилым помещениям специализированного жилищного фонда и находящимися в хозяйственном ведении или оперативном управлении данных организаций;
- во-вторых, размещать военнослужащих войск национальной гвардии, проходящих военную службу по призыву в воинских частях, выполняющих задачи по охране важных государственных объектов, и (или) специальных грузов, и (или) сооружений на коммуникациях, в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации в соответствии с воинскими уставами.

В соответствии с частью 2 комментируемой статьи вышеперечисленные структуры при отсутствии жилых помещений специализированного жилищного фонда обязаны предоставлять военнослужащим войск национальной гвардии, в порядке, установленном частью 1

комментируемой статьи, а также проживающим совместно с ними членам их семей на период прохождения военной службы в этих воинских частях на условиях безвозмездного пользования жилые помещения, находящиеся в собственности данных организаций либо арендованные ими за счет средств от осуществления основной и (или) предпринимательской деятельности.

Согласно части 3 комментируемой статьи, если военнослужащим войск национальной гвардии, проходящим военную службу по контракту в воинских частях, выполняющих задачи по охране названных выше объектов невозможно предоставить им и членам их семей жилые помещения в соответствии с частями 1 и 2 комментируемой статьи , тогда, им предоставляется служебное жилое помещение или жилое помещение в общежитии, относящиеся к жилым помещениям специализированного жилищного фонда, формируемого уполномоченным федеральным органом исполнительной власти за счет бюджетных ассигнований, предусматриваемых в федеральном бюджете указанному федеральному органу исполнительной власти на эти цели.

В том же случае, если этой возможности нет, тогда воинские части арендуют жилые помещения для обеспечения военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей или по желанию военнослужащих ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации, с компенсацией понесенных воинской частью расходов организациями, важные государственные объекты, и (или) специальные грузы, и (или) сооружения на коммуникациях которых подлежат охране войсками национальной гвардии в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации.

Статья 28. Медицинское обеспечение военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, граждан, уволенных с военной службы (службы), и членов их семей

1. Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии, граждане, уволенные с военной службы (службы), и члены их семей имеют право на медицинское обеспечение и санаторно-курортное лечение, предусмотренные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации для военнослужащих (сотрудников), граждан, уволенных с военной службы (службы), и членов их семей.

2. Медицинское обеспечение, медицинское освидетельствование, военно-врачебная экспертиза и санаторно-курортное лечение военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, граждан, уволенных с военной службы (службы) из войск национальной гвардии и внутренних войск, на которых в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации распространяются права и социальные гарантии по медицинскому обеспечению и санаторно-курортному лечению, установленные для военнослужащих (сотрудников) и членов их семей, осуществляются в медицинских организациях уполномоченного федерального органа исполнительной власти либо федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, за счет средств, предусмотренных в федеральном бюджете соответственно уполномоченному федеральному органу исполнительной власти, федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел на эти цели.

3. Медицинская помощь военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии организуется в соответствии с порядками оказания медицинской помощи и на основе стандартов медицинской помощи, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения.

4. Сотруднику, выполнявшему задачи по обеспечению правопорядка и общественной безопасности в отдельных регионах Российской Федерации, а также сотруднику, проходившему службу в условиях военного положения или чрезвычайного положения, вооруженного конфликта, проведения контртеррористической операции, ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера, других чрезвычайных ситуаций и в иных особых условиях, связанных с повышенной опасностью для жизни и здоровья, при наличии показаний к медико-психологической реабилитации в трехмесячный срок предоставляется дополнительный отпуск продолжительностью до 30 суток. Предусмотренная настоящей частью медико-психологическая реабилитация сотрудника

проводится бесплатно. Перечень показаний к медико-психологической реабилитации и соответствующая им продолжительность медико-психологической реабилитации, перечень категорий сотрудников, подлежащих при наличии указанных показаний медико-психологической реабилитации, порядок и места проведения медико-психологической реабилитации определяются руководителем уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

5. Особенности организации оказания медицинской помощи в медицинских организациях уполномоченного федерального органа исполнительной власти, в том числе при санаторно-курортном лечении, военнослужащим, сотрудникам, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы из внутренних войск, уволенным с военной службы (службы) в войсках национальной гвардии, членам их семей и лицам, находящимся на иждивении сотрудников, устанавливаются руководителем уполномоченного федерального органа исполнительной власти, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации.

6. Медицинские подразделения (медицинские роты, медицинские пункты, лазареты, центры) соединений, воинских частей и организаций войск национальной гвардии осуществляют свою деятельность без лицензирования.

Комментарий к статье 28.

Статья 28 комментируемого закона регламентирует медицинское обеспечение военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, граждан, уволенных с военной службы (службы), и членов их семей

Согласно части 1 комментируемой статьи военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии, граждане, уволенные с военной службы (службы), и члены их семей имеют право на медицинское обеспечение и санаторно-курортное лечение, предусмотренные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации для военнослужащих (сотрудников), граждан, уволенных с военной службы (службы), и членов их семей. Это право закреплено в Федеральном законе от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [3].

Согласно части 5 статьи 11 указанного закона граждане Российской Федерации, уволенные со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию и имеющие стаж службы в органах внутренних дел 20 лет и более (в том числе в льготном исчислении), имеют право на медицинское обслуживание, установленное сотрудникам а совместно проживающие с ними члены их семей имеют право на медицинское обслуживание, установленное членам семей сотрудников. Порядок медицинского обслуживания указанных граждан в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел устанавливается Правительством Российской Федерации.

В соответствии с частью 6 ст. 11 указанного закона за уволенными сотрудниками закреплено и право на приобретение один раз в год путевок на лечение в санаторно-курортное или оздоровительное учреждение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел за плату в размере соответственно 25 процентов и 50 процентов стоимости путевки, определяемой руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Часть 2 комментируемой статьи устанавливает, что медицинское обеспечение, медицинское освидетельствование, военно-врачебная экспертиза и санаторно-курортное лечение военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, граждан, уволенных с военной службы (службы) из войск национальной гвардии и внутренних войск, на которых в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации распространяются права и социальные гарантии по медицинскому обеспечению и санаторно-курортному лечению, установленные для военнослужащих (сотрудников) и членов их семей, осуществляются в медицинских организациях уполномоченного федерального органа исполнительной власти либо федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, за счет средств, предусмотренных в федеральном бюджете соответственно уполномоченному федеральному органу исполнительной власти, федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел

на эти цели. Соответствующие нормы закреплены также в статье 16 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [4].

Согласно части 3 комментируемой статьи медицинская помощь военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии организуется в соответствии с порядками оказания медицинской помощи и на основе стандартов медицинской помощи, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения.

В соответствии с частью 4 комментируемой статьи сотруднику, выполнявшему задачи по обеспечению правопорядка и общественной безопасности в отдельных регионах Российской Федерации, а также сотруднику, проходившему службу в условиях военного положения или чрезвычайного положения, вооруженного конфликта, проведения контртеррористической операции, ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера, других чрезвычайных ситуаций и в иных особых условиях, связанных с повышенной опасностью для жизни и здоровья, при наличии показаний к медико-психологической реабилитации в трехмесячный срок предоставляется дополнительный отпуск продолжительностью до 30 суток. Предусмотренная настоящей частью медико-психологическая реабилитация сотрудника проводится бесплатно. Перечень показаний к медико-психологической реабилитации и соответствующая им продолжительность медико-психологической реабилитации, перечень категорий сотрудников, подлежащих при наличии указанных показаний медико-психологической реабилитации, порядок и места проведения медико-психологической реабилитации определяются руководителем уполномоченного федерального органа исполнительной власти. Аналогичная норма закреплена также в Федеральном законе от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [3].

Часть 5 комментируемой статьи устанавливает норму согласно которой особенности организации оказания медицинской помощи в медицинских организациях уполномоченного федерального органа исполнительной власти, в том числе при санаторно-курортном лечении, военнослужащим, сотрудникам, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы из внутренних войск, уволенным с военной службы (службы) в войсках национальной гвардии, членам их семей и лицам, находящимся на иждивении сотрудников, устанавливаются руководителем уполномоченного федерального органа исполнительной власти, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. В частности, в системе МВД такие особенности установлены Инструкцией «Об особенностях организации оказания медицинской помощи, санаторно-курортного лечения и оздоровительного отдыха в системе МВД России» от 23.03.2013 г.

В соответствии с частью 6 комментируемой статьи медицинские подразделения (медицинские роты, медицинские пункты, лазареты, центры) соединений, воинских частей и организаций войск национальной гвардии осуществляют свою деятельность без лицензирования.

Статья 29. Право военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии на бесплатный проезд

1. Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии, участвующие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности в служебных целях, обеспечиваются проездными документами на все виды транспорта общего пользования (кроме такси) городского, пригородного и местного сообщения в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

2. Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии при осуществлении полномочий по доставлению задержанных лиц пользуются правом проезда и провоза задержанных лиц на всех видах транспорта общего пользования (кроме такси) городского, пригородного и местного сообщения без приобретения проездных документов, а в сельской местности на попутном транспорте по предъявлении служебного удостоверения.

3. Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии, несущие службу на железнодорожных и водных коммуникациях либо в районах, на территориях которых введен режим чрезвычайного или военного положения, в служебных целях при непосредственном обеспечении мероприятий

по охране коммуникаций и обеспечении режима чрезвычайного или военного положения имеют право на бесплатный проезд в поездах, на морских или речных судах в пределах территорий охраняемых коммуникаций и территорий указанных районов без приобретения проездных документов по предъявлении служебного удостоверения.

Комментарий к статье 29

Статья 29 комментируемого закона закрепляет право военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии на бесплатный проезд

Социальные гарантии семьям военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, в сфере транспортного обеспечения установлены следующими нормативными правовыми актами:

а) ст. 20 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [4];
б) Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2000 г. № 354 «О порядке возмещения расходов, связанных с перевозкой военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также их личного имущества» [10];
в) Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2005 г. № 808 «О порядке и размерах выплаты денежных компенсаций вместо ежегодного обеспечения санаторно-курортным лечением и организованным отдыхом и вместо предоставления права на бесплатный проезд к месту использования основного отпуска и обратно, а также выплаты надбавки за особые условия боевой подготовки военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в соединениях и воинских частях постоянной готовности» [9];
г) Приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 июня 2000 г. № 300 «О мерах по выполнению Постановления Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2000 г. N 354 «О порядке возмещения расходов, связанных с перевозкой военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также их личного имущества»» [11];
д) Руководством по оформлению, использованию, хранению и обращению с воинскими перевозочными документами в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденным Приказом Министра обороны Российской Федерации от 6 июня 2001 г. № 200 [12].

В соответствии с частью 1 комментируемой статьи военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии, участвующие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности в служебных целях, обеспечиваются проездными документами на все виды транспорта общего пользования (кроме такси) городского, пригородного и местного сообщения в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

Согласно п. 2 ст. 20 Федерального закона «О статусе военнослужащих» члены семьи военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, имеют право на основаниях, установленных для военнослужащих, на проезд на безвозмездной основе:

- от места жительства к месту военной службы военнослужащего в связи с его переводом на новое место военной службы;
- один раз в год – к месту использования отпуска и обратно (за исключением членов семей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в соединениях и воинских частях постоянной готовности на должностях, подлежащих комплектованию солдатами, матросами, сержантами и старшинами, и поступивших на военную службу по контракту после 1 января 2004 г.);
- на лечение в лечебные учреждения по заключению ВВК и обратно;
- при увольнении военнослужащего с военной службы, а также в случае гибели (смерти) военнослужащего – к избранному месту жительства.

Кроме того, согласно комментируемой статье военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии при осуществлении полномочий по доставлению задержанных лиц пользуются правом проезда и провоза задержанных лиц на всех видах транспорта общего пользования (кроме такси) городского, пригородного и местного сообщения без приобретения проездных документов, а в сельской местности на попутном транспорте по предъявлении служебного удостоверения.

Наконец, комментируемая статьи содержит норму согласно которой. военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии, несущие службу на железнодорожных и водных

коммуникациях либо в районах, на территориях которых введен режим чрезвычайного или военного положения, в служебных целях при непосредственном обеспечении мероприятий по охране коммуникаций и обеспечении режима чрезвычайного или военного положения имеют право на бесплатный проезд в поездах, на морских или речных судах в пределах территорий охраняемых коммуникаций и территорий указанных районов без приобретения проездных документов по предъявлении служебного удостоверения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
3. Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30 (часть I). – Ст. 4595.
4. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.
5. Федеральный закон от 28 марта 1998 г № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации и сотрудников федеральных органов налоговой полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1474.
6. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.
7. Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 3. – Ст. 168.
8. Закон РФ от 21 января 1993 г. № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» // Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 6. – Ст. 181.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2005 г. № 808 «О порядке и размерах выплаты денежных компенсаций вместо ежегодного обеспечения санаторно-курортным лечением и организованным отдыхом и вместо предоставления права на бесплатный проезд к месту использования основного отпуска и обратно, а также выплаты надбавки за особые условия боевой подготовки военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в соединениях и воинских частях постоянной готовности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 1. – С. 151.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2000 г. № 354 «О порядке возмещения расходов, связанных с перевозкой военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также их личного имущества» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 17. – С. 1883..
11. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 8 июня 2000 г. № 300 «О мерах по выполнению Постановления Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2000 г. № 354 «О порядке возмещения расходов, связанных с перевозкой военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также их личного имущества»» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2000. – № 29.
12. Руководство по оформлению, использованию, хранению и обращению с воинскими перевозочными документами в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденное Приказом Министра обороны Российской Федерации от 6 июня 2001 г. № 200 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2001. – № 51,
13. Коровников А.В. Правовая и социальная защита военнослужащих: Теоретико-правовое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2000. – 340 с.
14. Коровников А.В. Социальная защита военнослужащих: становление, развитие и правовое регулирование. – М.: Диамант СВ, 1995. – 254 с.

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГРАММ. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

АМАНАЦКИЙ Юрий Валентинович,
профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: yuriy.v.a@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. *Рассматривается религиозный экстремизм как один из источников угрозы национальной безопасности станы, даётся политико-правовой анализ явления «религиозный экстремизм», рассматриваются вопросы политизации религии в современном мире, в частности ислама.*

Ключевые слова: *исламский фундаментализм; радикализм; экстремизм; терроризм; религиозный экстремизм; религиозно-политический экстремизм.*

AMANATSKIY Yu.V.

POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS OF RELIGIOUS EXTREMISM

The summary. *This article provides a legal analysis of religious extremism which is a source of threat to national security. In today's world there is the politicization of religion and Islam is one of them.*

Key words: *Islamic fundamentalism; radicalism; extremism; religious extremism; political extremism.*

Актуальность данной проблемы обусловливается вызовами экстремизма, которые в начале XXI века представляют не только угрозу национальной безопасности и целостности России, но и общемировую проблему.

31 декабря 2015 года Президент России Владимир Путин подписал Указ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где в п. 6. даётся определение этой категории. «Национальная безопасность» – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

В п.18. настоящей Стратегии определяется – территории вооруженных конфликтов становятся базой для распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма. Появление террористической организации, объявившей себя «Исламским государством», и

укрепление ее влияния стали результатом политики двойных стандартов, которой некоторые государства придерживаются в области борьбы с терроризмом.

Одним из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности выступает экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране.

С экстремисткой деятельностью необходимо бороться. Для этого необходимо изучать сущность и формы этого явления, давать им политическую и правовую оценку.

Этимология термина «экстремизм» обнаруживает свои корни в латинском языке, переводится как «крайний» (взгляды и меры). Экстремизм, как известно, в общем виде характеризуется как приверженность крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила.

В связи с многообразием толкования некоторые исследователи предлагают рассматривать понятие «экстремизм» в самом широком смысле как социально-политическое явление, включающее систему организаций, идеологических положений и установок, а также практических действий общественных групп, политических партий и движений, отдельных граждан, направленных на использование насилия или угрозы его применения по отношению к органам государственной власти, обществу в целом, международным и национальным организациям с целью изменения существующего государственного строя, разжигания национальной и социальной вражды [9, стр. 548-553].

Первый опыт международного закрепления дефиниции «экстремизм» был предпринят в рамках Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. В ней экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно на насильственное посягательство на общественную безопасность [21, стр. 169].

Понятию «экстремизм» дано определение ПАСЕ в 2003 году. Согласно этому определению, экстремизм — это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии.

Общее понятие экстремизма раскрывается в статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Экстремистская деятельность (экстремизм) рассматривается, в частности, как деятельность, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и т. д.

Настоящим Федеральным законом в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации определяются правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливается ответственность за ее осуществление.

Президент России Владимир Путин 23.11.2015 подписал Федеральный закон № 314-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии экстремисткой деятельности», согласно которого тексты священных писаний не могут быть признаны экстремистскими, говорится в тексте документа. «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами», — говорится в тексте документа. Также Президент РФ 28.11.2015 подписал Федеральный закон № 341-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», котором говорится о совершенствовании механизма контроля за деятельностью религиозных организаций с иностранным финансированием и дифференцируется предмет проверок деятельности религиозных организаций в зависимости

от получения ими иностранного финансирования.

Исследователи проблемы экстремизма спорят о существовании такого опасного вида экстремизма в сегодняшнем мире, как религиозный экстремизм или экстремизм на религиозной почве, который проявляется в крайней нетерпимости к представителям различных конфессий либо противоборстве внутри одной конфессии (внутриконфессиональный и межконфессиональный экстремизм) и зачастую используется в политических целях, в борьбе религиозных организаций против светского государства или за утверждение власти представителей одной из конфессий [5, стр. 81].

Адекватное, на наш взгляд, определение этому феномену дает А.П. Забияко. «Экстремизм религиозный тип религиозной идеологии и деятельности, который отличается крайним радикализмом, ориентированным на бескомпромиссную конфронтацию, резким ростом напряженности внутри религиозной группы и в социальном окружении. Целью религиозного экстремизма является реформирование существующей религиозной системы. Следствием экстремизма религиозного в религиозной жизни является конфронтация внутри конфессий, которая приводит либо к подавлению радикального течения, либо к расколу и появлению нового религиозного движения, секты» [11, стр. 122].

Истоки религиозного экстремизма имеют глубокие корни в истории и прослеживаются в различные исторические эпохи и культурно-политические традиции.

Можно попытаться дать общее понимание религиозного экстремизма:

- религиозная идеология и деятельность, которая отличается крайним радикализмом, ориентированная на бескомпромиссную конфронтацию со сложившимися традициями, резкий рост напряженности внутри религиозной группы и в социальном окружении (агрессия, деструктивный характер целей и деятельности);
- идеология и практика некоторых течений, групп, отдельных деятелей в конфессиях и религиозных организациях, характеризующаяся приверженностью крайним толкованиям вероучения и методам действия по реализации поставленных целей, распространением своих взглядов и влияния;
- реализация идей, отношений и деятельности организованных социальных субъектов на основе определенного фундаментального религиозного опыта, формирующего негативное восприятие социального сущего, как воплощения недолжного, и требующего радикального изменения общества к «идеально должному» (с точки зрения содержания указанного религиозного опыта и соответствующей религиозной картине мира и идеологии) при помощи всех форм социального насилия и во всех сферах и на всех уровнях общества [5, стр. 15].

Религиозный экстремизм как сложное комплексное социальное явление, существующее в трех взаимосвязанных формах:

1. как состояние сознания (общественного и индивидуального), которому свойственны признаки: гиперболизации религиозной идее, придание свойств целого части социального явления, нигилизм и фанатизм;
2. как идеология (религиозная доктрина, характеризующаяся однозначным объяснением проблем существующего мира и предложением простых способов их решений, разделением мира на «добро» и «зло»), приданием доминирующего положения одному из аспектов бытия, не соответствующего принятой в обществе иерархии ценностей, игнорированием, нивелированием других норм;
3. как совокупность действий по реализации религиозных доктрин [5, стр. 25].

Современный религиозный экстремизм неотделим от терроризма, который является одним из крайних выражений экстремистской деятельности. В последние десятилетия религиозный экстремизм все чаще обращается к организованному и религиозно-обоснованному использованию террористических актов как к средству достижения своих целей. Многочисленные факты такого рода наблюдаются в различных странах [1; 2; 13; 14; 15; 16; 18; 20].

Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в ст. 3 определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных

насильственных действий.

Преступления, совершаемые на религиозной почве, имеют большой общественно-политический резонанс и являются одной из наиболее опасных и явных составляющих религиозного экстремизма.

Как показывает анализ, в последнее время взаимосвязь политики и религии становится все более заметной. Потенциал мировых религий как мощного политического фактора сохраняется. В настоящее время в западных научных кругах крепнет мнение об эндогенности отдельных религий, в частности ислама, к политике, т.е. об его изначальной внутренней предрасположенности к политизации [22, стр. 4].

Таким образом, религия становится катализатором внутренних общественных процессов, а степень политизации религии является своеобразным индикатором социально-экономического состояния и развития общества [22, стр. 9].

Соединение религиозной нетерпимости с политической деятельностью и порождает религиозно-политический экстремизм.

Условно религиозно-политический экстремизм можно определить, как вид экстремистской деятельности, с использование религиозного фактора для реализации политических интересов методами насилия, игнорирующими государственное и международное право [17, стр. 11].

Наибольшую опасность как национальной безопасности Российской Федерации, ее культурно-цивилизационному и социально-политическому устройству несут организации, принадлежащие к направлениям исламского радикального фундаментализма и новым религиозным движениям деструктивного характера. Основные мировые религии, такие как христианство, буддизм, ислам, основаны на терпимости и человеколюбии, не являются агрессивными по своей сути, не призывают к вражде к инаковерующим [10, стр. 11]. Однако есть религиозные течения, которые прямо оправдывают насилие и жестокость.

В определенных условиях идеология и политическая практика многих фундаменталистских течений и организаций приобретают экстремистскую направленность, порождают религиозный экстремизм как деструктивное социально-политическое явление и терроризм, как крайнюю радикальную форму проявления религиозно-политического экстремизма.

Председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин считает «однако среди мусульман, как и среди представителей других религий и мировоззрений, были и есть свои радикалы – сторонники насилия в вопросах вероисповедания, отношениях с людьми другой веры, вообще в политике. Самое печальное то, что эти люди действуют и выступают от имени ислама и пытаются оправдать и обосновать свои преступления и агрессию ссылками на Священный Коран, т.е. на волю Бога» [6, стр. 73-79].

Аналогичной точки зрения придерживается российский ученый И.П. Добаев: «Что касается крайних и наиболее опасных проявлений радикализма в исламе, то они выступают в форме экстремизма и терроризма». «Исламистский экстремизм» представляет собой ультрарадикализм, который, в отличие от радикализма, не амбивалентен, однозначно имеет негативный смысл и в практическом плане характеризуется использованием таких методов ведения борьбы, которые выходят за рамки законных с точки зрения международного права [19, стр. 61-62].

«Исламистский экстремизм» – категория политическая, а не религиозная, власть – главный предмет интереса суннитского салафизма, шиитского фундаментализма, ваххабизма и других этого рода явлений запрещённых на территории РФ [8, стр. 136].

Таким образом, современный исламский (исламистский) фундаментализм, по своей сущности явление политическое, а не религиозное, на наш взгляд, он является источником порождения радикализма, экстремизма и терроризма, и их цели вовсе не религиозные, а политические, то есть борьба за власть, радикальное изменение существующей системы политической власти, насильственное изменение существующего государственного, конституционного строя, создание исламского халифата и порядков в их собственной интерпретации.

Как отмечает известный российский исследователь политических аспектов религии А. Малашенко «способность религии мобилизовывать людей на политическое действие делает ее потенциально конфликтогенным фактором» [7, стр. 8].

Правящим политическим режимам приходится считаться с религиозными чувствами масс. Религиозный фактор оказывает довольно сильное воздействие на формирование внутренней и

внешней политики во многих государствах (в Израиле, Египте, Саудовской Аравии, Иране, Пакистане и Афганистане). Таким образом, мировые религии сохраняют потенциал мощного политического фактора.

Надо особо отметить, что борьба с экстремизмом — это не борьба с инакомыслием, и принимаемые соответствующие меры не должны вступать в противоречие с положениями, закрепленными в статьях 13, 28-31 Конституции РФ и Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

В статье 28 Конституции РФ определено, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой. Основой гарантии свободы совести и свободы вероисповедания служат принципы международного права, исключающие какую бы то ни было нетерпимость к лицам иного вероисповедания.

Декларация ООН «О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» 1981 г. провозглашает право каждого человека на свободу совести и религии.

Рассматривая распространение терроризма религиозными экстремистами и механизм его влияния на общественную жизнь, необходимо исходить из сложного характера самого ислама, как социокультурного явления, оказывающего разностороннее воздействие на внутрирелигиозную и социально-политическую обстановку в различных странах. Сегодня, одна из главных задач, – это сохранение мира, приумножение духовных ценностей человека, а также поставить заслон экстремизму, показать его истинную антирелигиозную сущность.

Список литературы

1. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
2. Волеводз А.Г. Международный терроризм: национальная и международно-правовая криминализация // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1. – С. 70-93.
3. Гайнутдин Р. Ислам против терроризма // Терроризм и религия / Науч. ред. В.Н. Кудрявцев; сост. Л.В. Брятова. – М.: Наука, 2005. – 378 с.
4. Давыдов И.П. Проблемы категориального описания и квалификации религиозного экстремизма (религиоведческий и правоведческий аспекты) // Религиозный экстремизм и фундаментализм: Справочное издание. – М.: Наука, 2008. – 372 с.
5. Добаев И.П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика: Дис… докт. филос. наук. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2003. – 360 с.
6. Добаев И.П. Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 2 (14). – 152 с.
7. Ёвкочев Ш.А. Политизация ислама и проблема религиозного экстремизма в современном мире: учебное пособие для вузов. – Ташкент: Ташкентский государственный институт востоковедения, 2013. – 259 с.
8. Забияко А.П. Экстремизм религиозный // Религиоведение: Энциклопедический словарь. – М.: Академический Проект, 2006. – 530 с.
9. Зарубина Е.В. О религиозной компоненте идеологии исламского фундаментализма // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – Екатеринбург. – 2016. – № 22. – С. 189-193.
10. Кокарев В.Г. Понятие и признаки религиозного экстремизма // Социально-экономические явления и процессы / Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина: – 2014. – № 5 / том 9 / – С. 89-97.
11. Малашенко А. Религия – дело не частное. Заметки по конфессиональному вопросу // Независимая газета: НГ-Религии. – 2001. – № 46. – С. 8.
12. Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: Автореф… дис. докт. филос. наук. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2009. – 50 с.
13. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
14. Павлик М.Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм, вопрос теории и практики. – СПб.:

Юридический центр Пресс, 2011. – 372 с.
15. Сальников В.П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. – 1998. – № 4. – С. 4-5.
16. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9-11.
17. Сборник международных актов по борьбе с терроризмом. – Душанбе: Офис-Крауз, 2003. – 430 с.
18. Стесиков И.А. К вопросу разработки эффективной системы противодействия терроризму в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 141-146.
19. Суслонов П.Е. Генезис и сущность религиозного экстремизма: философско-религиоведческий анализ / Новое слово в науке: перспективы развития: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Чебоксары. – 2015. – № 3. – С. 239-242.
20. Федоров А.В. Противодействие терроризму: правовое регулирование // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. – 2001. – № 5. – С. 84-96.
21. Ханбабаев К.М. Законодательное регулирование противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму в России // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: Лотос, 2007. – 622 с.
22. Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 318 с.

БРЫЛЕВА Елена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук (г. Пермь, Россия)
E-mail: elenbrylev@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *Исследуется специальный правовой статус несовершеннолетних в уголовной, в том числе уголовно-исполнительной сфере. Критикуется подход к использованию тюрем не для перевоспитания заключенных, а для извлечения прибыли. Формулируется вывод о необходимости о внесении определенных изменений как в отраслевое законодательство, так и в уголовную политику в целом.*

Ключевые слова: *правовой статус; несовершеннолетние; уголовная политика; пенитенциарная система; тюремная индустрия.*

BRYLEVA E.A.
SAL'NIKOV S.P.

THE LEGAL STATUS OF JUVENILE OFFENDERS IN THE CONTEXT OF MODERN CRIMINAL-EXECUTIVE POLICY

The summary. *The special legal status of minors in criminal, including criminal-executive sphere, is investigated. Criticized the approach to the use of prisons not for re-education of prisoners, but for profit. A conclusion is drawn on the need to introduce certain changes in both sectoral legislation and criminal policy in general.*

Key words: *legal status; minors; criminal policy; penitentiary system; prison industry.*

Несмотря на существующие различные точки зрения на понятие правового статуса в современной юридической науке, мы все же считаем понятия правового статуса и правового положения равноценными. Поддерживаем позицию профессора Р.А. Ромашова, в определении правового статуса как «системы предусмотренных юридическими нормами прав, свобод и обязанностей индивида, обусловленная его правосубъектностью и гражданством и реализуемая в соответствующих правоотношениях» [29, стр. 323]. Соответственно, правовой статус ребенка (несовершеннолетнего) вытекает из правового статуса взрослого лица и в России складывается из положений Конвенции о правах ребенка (согласно ст. 15 Конституции РФ [1]), норм Конституции РФ и других нормативно-правовых международных и российских актов. Выделяя специальный правовой статус несовершеннолетних правонарушителей, отмечаются

присущие только данной категории лиц права, свободы и обязанности.

Исследуя специальный правовой статус несовершеннолетних в уголовной, в том числе уголовно-исполнительной сфере напрашивается вывод о необходимости о внесении изменений как в отраслевом законодательстве, так и в уголовной политике в целом [9; 10; 24; 32; 38; 39; 41].

В качестве недостатков УПК РФ можно отметить, например, нормативно-правовое закрепление участия несовершеннолетнего свидетеля в уголовном судопроизводстве. Прежде всего, это касается вопроса процессуального положения законных представителей несовершеннолетних свидетелей, чьё участие, права и обязанности практически не урегулированы [17]. Так, круг прав и обязанностей на всех стадиях уголовного судопроизводства законного представителя подозреваемого, обвиняемого, законодатель четко определил, чего не скажешь об участии законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего; не определено понятие «несовершеннолетнего потерпевшего» и особенностей его правового статуса. В уголовном судопроизводстве несовершеннолетний, являясь гражданским истцом, фактически не имеет права самостоятельно предъявлять иск без своего законного представителя. Решение данной проблемы – задача уголовно-процессуальной политики [6; 7; 33].

Также проблемным является реализация Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [3], Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» [4], так неполная дееспособность несовершеннолетних не дает возможности самостоятельно заключить гражданско-правовой договор, и соответственно, воспользоваться помощью адвоката.

Специальный правовой статус включает в себя комплекс прав, дополнительных обязанностей, а также гарантий, которые в свою очередь выступают и инструментами ресоциализации. Проблематика правового статуса осужденных несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы связана с тем, что хотя в Конституции РФ предусмотрено ограничение общегражданских прав только федеральным законом, а также указаны основания таких ограничений [13; 14], зачастую обязанности и запреты содержатся в ведомственных нормативных актах, особенно в Правилах внутреннего распорядка воспитательных колоний (далее – ПВР ВК). В то же время ст. 82 УИК РФ (ссылаясь на Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, где выделены обязанности и запреты осужденных), как и другие нормы УИК РФ, не предусматривает регулирование исполнения наказания в воспитательных колониях Правилами внутреннего распорядка воспитательных колоний. Получается, что многие правоограничения несовершеннолетних осужденных регулируются нормативно-правовым актом, на который основной уголовно-исполнительный закон – УИК РФ даже не ссылается. Таким образом, требуется внесение соответствующих поправок в уголовно-исполнительный закон.

Необходимо также пересмотреть и правовое регулирование выезда несовершеннолетнего осужденного несовершеннолетнего в трудовой отпуск за пределы учреждения и расходов по оплате проезда.

Целесообразным также представляется и внесение изменение в действующее законодательство, касающиеся получения образования несовершеннолетними:

- изменить форму обучения несовершеннолетних в следственных изоляторах путем привлечения туда педагогического состава из числа работников муниципальных образовательных учреждений, изложив содержание ч.2 статьи 80 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [2]: «Несовершеннолетним лицам, подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, администрацией мест содержания под стражей обеспечиваются условия для получения начального общего, основного общего и среднего общего образования силами педагогического состава муниципальных образовательных учреждений субъектов Российской Федерации, а также оказывается помощь в получении начального общего, основного общего и среднего общего образования в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, и федеральным органом исполнительной

власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования»;

- продлить сроки пребывания в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы достигших совершеннолетия, с 19 до 21 года при необходимости получения ими профессионального образования путем изложения содержания части 1 статьи 139 УИК РФ в следующей редакции:

«В целях закрепления результатов исправления, завершения среднего общего образования или профессионального обучения осужденные, достигшие возраста 18 лет, могут быть оставлены в воспитательной колонии до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 21 года».

Принятие данных предложений и внесение соответствующих поправок в законодательство позволяет заметно повысить качество получаемого несовершеннолетними образования, будут способствовать их дальнейшей социализации и сокращению рецидивов.

В целях повышения эффективности дальнейшей ресоциализации данной категории лиц предлагаем также внести в ст. 7.1. Закона РФ от 19 апреля 1991 № 1032-1 «О занятости населения в РФ» [5] в перечень полномочий РФ в области содействия занятости населения, переданных для осуществления органам государственной власти субъектов РФ, квотирование рабочих мест для несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей; имеющих меру наказания, не связанную с лишением свободы; вернувшихся из воспитательной колонии.

Реализация сформулированных предложений будет способствовать, по нашему мнению, совершенствованию уголовно-исполнительной политики в целом и повышению ее эффективности [30; 31].

Исследуя историческую составляющую темы предлагаемой статьи, следует сказать, что в России при создании исправительных учреждений для несовершеннолетних использовался западный опыт, наложившийся на иные, сугубо российские традиции [11; 12; 28; 35; 40]. В то же время прослеживаются тенденции с имперского периода до современного, что доказывает преемственность воспитательного подхода А.С. Макаренко с учетом опыта Н.С. Рукавишникова. Это опора на приобретение трудовых навыков, получение образования в целях дальнейшей ресоциализации. В настоящее время наблюдается возвращение религиозных конфессий к процессу воспитания несовершеннолетних правонарушителей. Но безусловной заслугой советского периода стали сформированные принципы самоуправления и коллективизма, которые до сих пор являются предметом изучения и восхищения как западных, так и восточных исследователей. Примером этого может служить проведенная 23-28 мая 2011 г. в Институте криминологии Университета Осло в Норвегии «необычная по своему составу и заявленной теме, – *указывает в Предисловии к изданным материалам Е.Н. Тонков,* – научно-практическая конференция «Структура тюремной индустрии», в которой участвовали представители пенитенциарных, адвокатских, судебных, прокурорских, религиозных, академических сообществ из трех государств: России, Украины, Норвегии…

… На этой конференции «структура тюремной индустрии, впервые была введена в научный оборот как феномен правовой действительности. Тюремная индустрия имеет важное значение для хозяйственного механизма каждого государства, расходы на ее содержание вполне сопоставимы с затратами на общественный транспорт, медицину и оборону. В глобализованном мире тюремная индустрия может стать технологией законодательного и правоприменительного процессов, – единообразной, беспристрастной, сбалансированной, учитывающей интересы всех сторон» [37, стр. 5].

Тема и материалы конференции были признаны как отличающиеся феноменологической новизной и практической значимостью. Они содержали опыт функционирования на протяжении крайнего столетия пенитенциарных учреждений различных государств. Нашли отражение в предложенной издательством «Алетейя» книге, отвечающей теме конференции, с уточнением – «Нильс Кристи рекомендует».

Здесь хотелось бы отметить особую заслугу профессора кафедры криминологии и социологии права юридического факультета Университета Осло Нильса Кристи, члена Академии наук Норвегии и члена Шведской Королевской Академии наук, крупнейшего современного криминолога, широко известного мировому научному сообществу, многие голы возглавлявшего

Институт криминологии и уголовного права Университета Осло и являвшегося президентом Скандинавского Совета по криминологии. Участники конференции полагали, что она не состоялась бы без гостеприимства Нильса Кристи и его коллеги профессора Гуннара Нердрума.

Необходимо отметить важную роль профессора Нильса Кристи не только в судьбе конференции «Структура тюремной индустрии». Он широко известен своими многочисленными трудами в области криминологии [19; 20; 21; 22], затрагивающими в том числе и пенитенциарную политику. Достаточно отметить его монографии: «Контроль над преступностью как индустрия. Вперед, у ГУЛАГу Западного образца» [18] и «Удобный враг. Наркополитика в Скандинавии» [23]. К сожалению, профессор Нильс Кристи безвременно ушел из жизни, российская научная общественность скорбит по этому поводу [26; 27], и наша задача – услышать рекомендации маститого скандинавского ученого, который понимал, что преступление – это не неизменное понятие.

Преступные деяния меняются из поколения к поколению. Каждый проступок, по существу, может выступить как преступление, и здесь трудно, даже невозможно определить границы. Теоретически преступление имеет безграничные источники существования. По мнению, например, широко известного российского ученого, специалиста в области уголовной политики и близкого к отечественной политической элите государственного деятеля, профессора А.И. Александрова, здесь многое зависит от лидера государственной власти. А.И. Александров в не так давно вышедшей объемной и фундаментальной монографии «Философия зла и философия преступности» пишет: «Уголовная политика – это система волевых позиций лидера (лидеров) власти по отношению к деяниям, которые могут быть признаны или не признаны преступлениями. Лидер власти решает, во-первых, что есть преступление, какое наказание следует за него назначить, по каким правилам расследовать обстоятельства этого преступления и судить виновное лицо, а впоследствии организовать процесс исполнения наказания. Во-вторых, лидер власти решает, нужно ли на самом деле бороться с преступностью или только делать вид, что борешься с ней. Таким образом, по отношению к преступности власть (лидер) решает не только публичные (гласные), но и тайные (негласные) вопросы. Власть (лидер) может во всеуслышание призывать к борьбе с преступностью, в то же время, по тем или иным мотивам, втайне запрещая с ней бороться. На отношение государства к преступности непосредственно влияет реальная власть, лидеры, которые и отвечают за состояние преступности в стране, за безопасность общества. Отвечают перед народом, историей, парламентом, своим кланом, перед близким кругом единомышленников, своей семьей, наконец, перед своей совестью, т.е. перед самим собой» [8, стр. 268-269].

Мы здесь не будем разбирать особенности предложенного А.И. Александровым определения уголовной политики, у нас другая задача, тем более, это уже сделано в юридической литературе [15; 16; 34]. Мы хотим лишь подчеркнуть мысль Нильса Кристи о безграничности теоретических источников существования понятия преступления, здесь с ним солидарен и профессор А.И. Александров. В своих публикациях Нильс Кристи наблюдал за множеством вариаций отклоняющегося поведения, так называемых «нежелательных поступков» в различных странах, когда их часто преобразуют в преступления, да и жестоко карают за их совершение. Исследователь пытался увидеть в этим между Восточной и Западной Европой, между США и другими государствами. Исследования свидетельствуют о том, что особых различий здесь нет. Нильс Кристи видел в огромных популяциях заключенных большую угрозу человеческим ценностям и гражданскому обществу. Он пытался всем своим творчеством доказать, что тюрьма не единственное место для осужденного, а альтернативы ей существуют.

К сожалению, правоохранители всего мира довольно часто этих альтернатив не видят. Очень часто пенитенциарная система желает отойти от общества, быть самостоятельной, увеличить свою социальную значимость, в том числе и за счет количества заключенных. «Стремление пенитенциарной системы обособиться от общества, – *замечает Е.Н. Тонков,* – стать государством в государстве было успешно реализовано в ГУЛАГе. Опыт последнего столетия показывает, что российские законодатели, милиционеры (полицейские), дознаватели, следователи, прокуроры, судьи, работники пенитенциарной системы заинтересованы в увеличении контингента арестованных и заключенных. Недавние

попытки Министерства юстиции активизировать практику иных мер пресечения натолкнулись на судейскую неопределенность и отсутствие мотивации у следователей к сдерживанию заключений под стражу. Что нужно сделать, чтобы следователи перестали без необходимости обращаться в суды с ходатайствами об арестах; как побудить судей избавиться от обвинительного уклона; почему публичная власть России и Украины настаивает на лишении свободы, в о время как правители Норвегии предпочитают социальные и финансовые методы борьбы с преступностью; чем объяснить на порядок меньшее количество заключенных в скандинавских странах по сравнению со славянскими», на эти и другие вопросы хочется получить ответы [36, стр. 5-6].

Так возникает вопрос: всегда ли необходимо за совершенное преступление направлять виновного в тюрьму? Или даже такой: любое ли на первый взгляд противоправное деяние требует применения к его оценке возможностей уголовного закона и права?

Как на первый, так и на второй вопрос возможен отрицательный ответ. «Возьмем детей. Своих или чужих. С большинством из них бывают случаи, – указывает Нильс Кристи, – когда их поведение с точки зрения закона можно назвать преступным. Скажем, из кошелька пропали деньги. Сын не говорит правду, по крайней мере всю правду, где он провел вечер. Он колотит своего брата. Однако в таких случаях мы не применяем категории уголовного права. Мы не называем детей преступниками, равно как не называем их действия преступлениями. Почему? Просто потому, что это кажется несправедливым. Почему несправедливым? Потому, что мы слишком много знаем. Мы знаем ситуацию в целом: сыну отчаянно нужны были деньги, он влюбился первый раз в жизни, брат дразнил его так, что невозможно было терпеть, – то есть его поступки объяснимы, и тут нечего добавить с точки зрения уголовного права. И своего сына мы прекрасно знаем по тысяче его поступков. При условии исчерпывающего знания юридические категории слишком узки. Сын действительно взял эти деньги, но мы помним множество случаев, когда он щедро делился деньгами и сладостями, помним его сердечность. Он действительно стукнул своего брата, но куда чаще утешал его. Он действительно солгал, но по своей натуре он глубоко правдив. Таков он. Но это не обязательно верно в отношении мальчика, который сейчас переходит улицу.

Действия не являются, – а становятся теми или иными. То же и с преступностью. Преступлений как таковых не существует. Некоторые действия становятся преступлениями в результате долгого процесса предания смысла неким действиям. Особенную роль играет при этом социальная дистанция. Эта дистанция усиливает стремление трактовать определенные действия как преступления, а людей, совершивших такие действия, упрощенно считать преступниками. В другой обстановке (и семейный отношения являются только одним из примеров этого рода) социальные условия могут противодействовать тому, чтобы определенные поступки воспринимались как преступления, а люди, их совершившие, – как преступники» [18, стр. 9-10].

Вместе с тем в крайние годы наблюдается аналогичная тенденция, характерная для России и Украины, и в скандинавских странах. Здесь также сотрудники пенитенциарных учреждений и других служб, занятых борьбой с преступностью, пытаются повлиять на увеличение количества лиц, оказавшихся в тюрьме. Анализируя положение дел в странах Скандинавии, вот что по этому поводу замечает Нильс Кристи: «Общее снижение показателей количества заключенных закончилось на границе века...

Сейчас интернационализация двинулась вниз, на уровень практических работников исправительной системы, надзорной службы и полиции. Все чаще эти работники ссылаются на своих собратьев по профессии за границей, заводят связи с группами содействия в больших странах с высоким уровнем преступности, получают информацию о том, что мир в «действительности» собой представляет, и могут гораздо легче игнорировать критику «теоретиков», которые, как они считают, живут отвлеченной жизнью в своих башнях из слоновой кости.

…В Скандинавии, да и вообще в Западной Европе в последнее время, – уточняет Нильс Кристи, – все чаще раздаются популистские призывы к закону и порядку. Тема преступности все чаще поднимается СМИ и политиками. Такое впечатление, что возрождается класс государственных служащих, стоящих на независимых и объективных позициях. Начальники английских тюрем выступили с протестом против нововведений в их епархии. В Норвегии высшие

чиновники тюремного ведомства объясняют политикам, что увеличением количества тюрем и заключенных проболему не решить. Полиция пытается успокоить общество и требует взвешенного подхода к проблемам, существующим во всех современных государствах» [18, стр. 13-14].

Наблюдается тенденция, когда с помощью СМИ сторонники жесткой уголовной политики, ратующие за увеличение количества заключенных, размывают моральные стандарты в обществе и снижают моральное влияние тех, кто критически относится к данной ситуации. Все это в конечном счете приводит к снижению моральной планки в обществе.

Можно увидеть и обратную тенденцию. В обществе есть в первую очередь ученые, которых принято называть «теоретиками», которые критикуют сегодняшнее положение дел и последовательно выступают за либерализацию уголовной в целом и пенитенциарной в частности политики. В Великобритании, например, это Рутерфорд, выдвинувший в конце прошлого века программу сокращения количества заключенных (редукционистская программа). Эта программа вообще предполагала сокращение до 50% вместимости тюрем. В соответствии с ней, к последнему десятилетию прошлого века планировалось сократить количество заключенных более чем в два раза по сравнению с планами Министерства внутренних дел (до 22 тыс., а не 52 тыс.), добиться ситуации, когда на 100 000 населения приходится не 110 (планы МВД), а только 35 заключенных [48].

Кроме Рутерфорда, недоверие к тюрьмам выдвинут и Матиесен в своей книге «Тюрьма под судом» Автор проанализировал и опроверг доводы в поддержку тюремного заключения и предложил широкий спектр альтернативных тюремному заключению мер [46].

Книги Эндрю Рутерфорда и Томаса Матиесена предлагают культурный подход к проблеме, распространенный в Западной Европе и сегодня. Нильс Кристи видел не только этих представителей Великобритании, доказывающих необходимость отхода от тюремных мер к альтернативным. Он считал наиболее радикальной альтернативу уголовному праву, выдвинутую Люком Халсманом из Роттердама. Работы этого ученого предполагают попытки перенести отдельные деяния из юрисдикции уголовного права в область гражданского. Исследователь самой уголовной политики видит социальную проблему, а пути ее решения выводит за пределы данной политики. Более того, он обосновывает необходимость не просто ограничения применения тюремного заключения, а отход от него, замену иными способами воздействия [45].

Люка Халсмана поддерживает другой голландец – Виллем да Хаан, который придерживается такой философской традиции, как аболиционизм, основывающийся на нравственном убеждении о том, что социальную жизнь нельзя и невозможно регулировать уголовным правом. Роль уголовно-правовой политики в решении жизненно важных вопросов общества должна быть сведена до минимума.

Голландский ученый не отрицает всех ужасов, которые сопровождают преступление, или, как он мягко говорит – того, что происходят всевозможные печальные события, более или менее серьезные беспорядки, конфликты, столкновения, влекущие порой за собой страдания, зло, разрушение. К этим беспорядкам, по мнению скандинавского ученого, следует относиться со всей серьезностью, но нельзя видеть в них преступления, и ни в коем случае не следует разбираться с ними, опираясь на уголовное право [44].

Нам с такой позицией Виллема да Хаана согласиться очень трудно. Мы скорее солидарны с Нильсом Кристи. Он совершенно прав, когда говорит, что есть предел и пределам. Без исправительных учреждений обойтись нельзя. Если мы их уничтожим, то это неизбежно приведет к чему-то иному, например, увеличению психиатрических больниц, или же придумают другие, казалось бы, на первый взгляд, милосердные меры, но на самом деле они окажутся куда более жестокими, чем известные ранее из уголовного права.

Нильс Кристи выдвинул в свое время минималистскую позицию: я ратую за то, чтобы заключенных было как можно меньше, но отрицаю абсолютизм [18, стр. 14-15]. Вероятнее всего, он прав. Прав и тогда, когда выдвинул точку зрения о связях борьбы с преступностью с деньгами и рынком. Исследователь рассматривал наказание как структуру, подвластную условиям рынка. При этом, по его мнению, причинение страданий является действием огромной экономической важности для тех людей, кто этим занимается.

«Тюрьма, – *считает Нильс Кристи,* – это деньги. Большие деньги. Строительство, оборудование. Деньги на содержание тюрьмы. В мае 1994 года American Juice Accociation – (Американская

ассоциация тюрем) проводила в Индианаполисе конференцию. Были разосланы такие приглашения: «Тюрьма-Экспо 1994. Рынок на 65 миллиардов долларов! Участники Тюрьмы-Экспо, занимающие ключевые позиции в принятии решений, касающихся местных тюрем, – шерифы, начальники тюрем, представители местных властей, сотрудники исправительных учреждений, директора больниц и учреждений сферы питания, архитекторы, инженеры – люди со всей страны привлекли самую свежую информацию о принципах управления тюрьмами, о новых тенденциях, услугах, товарах. В 3400 местных тюрьмах работает более 100000 человек. В прошлом году в них было вложено более 65 МИЛЛИАРДОВ долларов. Рынок огромен! Тюрьмы – это большой БИЗНЕС» [18, стр. 16].

При этом важно иметь в виду, что медицинское обслуживание и производство продуктов питания выступают очень быстро увеличивающимся сектором переживающей бум тюремной индустрии. Очень большие прибыли дают строительство и финансирование. Строительство, скажем, тюрем ста приносило специализирующимся на этом фирмам заработок в середине 90-х годов прошлого века от 4 до 6 миллиардов долларов в год. XXI век характеризуется дополнительными затратами на многие проявления социальной жизни, в том числе и на тюремную индустрию.

Бизнес на строительстве тюрем привлекателен не только в США. Он вызывает большой интерес и в России, хотя порой и заканчивается трагически для самих строителей, да и иногда для персонала пенитенциарных учреждений, контролирующих данное строительство. Так, например, произошло уже в 2017 году со строительством СИЗО (тюрьма «Кресты») в Ленинградской области.

Не хотелось бы возврата прежних лет, когда строительство тюрем и количество заключенных в них определялось бы исходя из интересов бизнеса, приносимой для кого-то прибыли. Истории известны времена, когда количество заключенных определялось как раз не уровнем преступности и не совсем потребностями общественного контроля и эффективностью реализации полицейских функций, а стремлением видеть в преступности источник дохода как для правительства, так и для частных фирм, или возможность решения проблем, связанных с великими стройками мира [25]. В западной литературе об этом, в частности, писал Майкл Новак в статье «Наказание прибылью». Справедливость мысли Новака подтвердили Эриксен, Мак-Магон и Эванс в статье «Наказание за прибыль: размышления о возрождении приватизации в исправительных учреждениях». Они подчеркнули, что в тюремной системе штата Миссисипи с удовольствием констатировали ситуацию, что тюрьма приносила ежегодный доход вплоть до второй мировой войны [42; 47]. Само проектирование тюрем, соответствующая центральная концепция предполагала в первую очередь не цели, связанные с исправлением или перевоспитанием заключенных, а именно извлечение прибыли.

Такой подход резко критикуется на Западе, в том числе и Нильсом Кристи. Предлагается высказывание, связанное с необходимостью выработки новой системы формулирования пенитенциарной политики, основанной на рекомендациях, связанных с улучшением работы органов правосудия путем разработки нового подхода, суть которого заключается в словах: Вынесение приговоров согласно концепции «правосудие по заслугам».

Вероятнее всего, такой подход будет и справедливым, и разумным. Имеются, конечно, и другие рекомендации, но они порой не отвечают требованиям ни разумности, ни справедливости. Здесь должна быть определенная взвешенность и паритетность. Перевес невозможнее ни в одну, ни в другую сторону, он чреват нежелательными последствиями и для власти, и для общества, и для самого человека. Нельзя же уподобляться тем властям, которых мы видим у американского писателя, классика фантастического жанра Роберта Шекли в его иронично-сатирической повести «Билет на планету Транай», впервые опубликованной в журнале «Galaxy Science Fiction» (1955/№ 10) [43].

Несколько слов о сюжете повести: Марвин Гудмэн, уставший на Земле от чрезмерно сильного Правительства, социальной несправедливости и пассивности обывателей, услышал от старого «космического волка» рассказ о планете Транай — настоящей либеральной Утопии. С многочисленными проблемами он добирается до другого края галактики и становится гражданином этой планеты. На Транае много веков нет ни войн, ни преступности, ни коррупции, ни

нищеты, но добились они этого весьма странными методами.

Приведем диалог друг героев повести, из которого многое становится понятным:

… – На мой взгляд, всегда можно что-то изменить, – глубокомысленно изрек Мелит. Министр по делам иноземцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих. – Правда, наша нынешняя система существует уже немало лет и дает отличные результаты.

Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

- Потому что вы ее узаконили, – заявил Гудмэн. – Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

- У нас другой подход. Нет нищеты...

- Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошаек. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

- Пожалуй, – сказал Мелит. – Но, на мой взгляд... – он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку. – Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шел человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушенный щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

- Зачем вы это сделали? – выдавил из себя изумленный Гудмэн.

- Потенциальный убийца, – ответил Мелит.

- Что?

- Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.

- Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

- Убил пятерых, – заявил Мелит.

- Но... черт вас побери, это же несправедливо! Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

- А как я мог это сделать? – спросил несколько раздосадованный Мелит, – У нас нет полиции, чтобы арестовывать людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать людей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навел справки.

- Но это несправедливо! – закричал Гудмэн.

- А кто сказал, что справедливо? – заорал, в свою очередь, Мелит. – Какое отношение справедливость имеет к Утопии?

- Прямое! – усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться. – Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

- Громкие слова, – сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой. – Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

- Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

- Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью, – упрямо отстаивал свои доводы Мелит. – И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы ее ликвидируем простым и быстрым способом.

- А если вы убьете невинного?

- Мы не можем убить невинного. Это исключено.

- Почему исключено?

- Потому что согласно определению и неписаным законам каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

- Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

- Да, – бросил Мелит. – Но не так много, как вы себе представляете».

Вряд ли кто из разумных граждан хотел бы иметь в своей стране таких политиков. Здесь явный перевес в сторону полномочий власти. Порядок должен существовать не для порядка, а для людей, каждого человека. Роберт Шекли в своей повести ситуацию борьбы с преступностью довел до абсолютного абсурда, и очень важно, чтобы реальная жизнь не повторяла сюжет талантливого американского фантаста.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.
4. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
5. Закон РФ от 19 апреля 1991 № 1032-1 «О занятости населения в РФ» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 18. – С. 566.
6. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
7. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998.
8. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
9. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.
10. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. 2-е изд., перераб. - М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. - 303 с.
11. Брылева Е.А. Совершенствование пенитенциарной системы России как продолжение реформ 60-70-х годов XIX века // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 62-66.
12. Детков М.Г., Шамсунов С.Х., Алексушин Г.В., Ященко П.В., Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительная система. 130 лет. – М.: Юриспруденция, 2009. – 303 с.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П., Кирюшкина Н.О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 127-138. – в кн. 344 с.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185-196.
16. Керимов А.Д., Халипова Е.Д. Зло и преступность: нравственное и правовое измерение (рецензия на монографию Александрова А.И. «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013) // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 234-241.
17. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
18. Кристи Н. Контроль над преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца? / Под общ. ред. Я.И. Гилинского; ред. и авт. прим. Ю. Чижов; пер. с англ. А. Петрова (гл. 1, 2, 4, 5, 7), В. Пророковой (гл. 3-12). 3-е изд. – СПб.: Алетейя, 2012. – 208 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).
19. Кристи Н. Плотность общества. – М. Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. - 140 с.
20. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / Пер. с англ. Е. Матерновской; под общ. ред., вступ. статья Я.И. Гилинского; под ред. А. Турунтаевой. – Алетейя, 2011 - 176 с.
21. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / Пер. с англ. В. М. Когана; Л. И. Альперн (пер. пред. и гл. 12); под общ. ред. Я. И. Гилинского; под ред. А. М. Яковлева; вступ. ст. А. М. Яковлева и В. М. Когана. пред. Ховарда-Зера. – СПб.: Алетейя, 2011. - 163 с.
22. Кристи Н. Простые слова для сложных вопросов / Пер. с норвеж. Е. Рачинской; лит. ред. Л. Альперн; вступ. статья Я. И. Гилинского. – СПб.: Алетейя, 2011. – 68 с.

23. Кристи Н., Бруун К. Удобный враг. Наркополитика Скандинавии / Под общ. ред. Я.И. Гилинского; пер. с норвеж. А.С. Турунтаевой. – СПб.: Алетейя, 2013. – 272 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).
24. Лопащенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтекс Клувер, 2009. - 608 с.
25. Маруков А.Ф., Реент Ю.А. Уголовно-исполнительная система в структуре МВД России (хронология развития) // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – (Серия: «МВД России 200 лет). – С. 575-585. – в кн. 608 с.
26. Минеева Т.Г., Назарова Н.Л., Сальников В.П., Соловьева С.В. Медиация в России. (Памяти Нильса Кристи) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 195-202.
27. Минеева Т.Г., Сальников В.П., Соловьева С.В., Числов А.И. Восстановительное правосудие и использование медиации в борьбе с преступностью. Некролог памяти Нильса Кристи // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 150-157.
28. Реент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России: Учебник / Под ред. Ю.И. Калинина. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2006. – 374 с.
29. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы: Монография. – СПб.: Алетейя, 2015. – 448 с. – (Толкование источников права).
30. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
31. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
32. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
33. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
34. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
35. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
36. Структура тюремной индустрии / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2012. – 176 с.
37. Тонков Е.Н. Предисловие // Структура тюремной индустрии / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2012. – 176 с.
38. Третьяков И.Л. Уголовная политика и проблемы борьбы с преступностью: Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 397 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
39. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / Под ред. Н.А. Лопащенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 752 с.
40. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII – XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. – 610 с.
41. Шульц В.Л., Бочкарев С.А. Двойственность понимания современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 122-133.
42. Ericson, Richard V., Maeve W. McMahon and Donald G. Evans 1987.
43. Sheckley Robert. A ticket to Tranai // Galaxy Science Fiction (1955/№ 10).
44. Haan Willem de. Abolitionism and Crime Control: A Contradiction in Terms. In: Stenson, Kevin and David Cowell: The Politics of Crime Control. London, 1991.
45. Hulsman, Louk 1974. Criminal Justice in the Netherlands. Delta. A Review of Arts, Life and Thoughts in the Netherlands. 1974, pp.7-19.
46. Mathiesen Thomas Prison on Trial. A Critical Assessment.Sage, London, 1990.
47. Profit: Reflections on the Revival of Privatization in Corrections. Canadian Journal of Criminology, 1987, Vol. 29, No.4, pp.355-387.
48. Rutherford, Andrew Prisons and the Process of Justice. The Reductionist Challenge.Heinemann, London, 1984 .

НАЦИОНАЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ФИНАНСОВАЯ, ИНФОРМАЦИОННАЯ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна,
сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (г. Орел, Россия)
E-mail: oksikgol@mail.ru

МИРЗОЕВ Ашурали Кенджаевич,
научный сотрудник Научно-исследовательского института Таджикского национального университета, соискатель кафедры теории и истории государства и права Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: m.ashurali@mail.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mail@tretyakov.su

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация**. Рассматривается один из важнейших документов системы мер обеспечения безопасности России – Военная доктрина. Анализируются основные внешние и внутренние угрозы суверенитету нашего Отечества, характерные черты современных военных конфликтов, задачи Российской Федерации по их сдерживанию и предотвращению. Формулируется вывод о необходимости серьезных усилий руководства Российского государства по улучшению социально-экономической ситуации внутри страны и обеспечению надежной ее охраны от внешнего вмешательства.*

***Ключевые слова:** военная безопасность; военная доктрина; военная политика; угрозы суверенитету; военные конфликты; Вооруженные Силы; социально-экономическая ситуация.*

ZAKHARTZEV S.I.
KLIMENKO O.A.
MIRZOEV A.K.
SAL'NIKOV M.V.
TRETYAKOV I.L.

SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION: MODERN THREATS AND ENSURING MILITARY SECURITY

***The summary.** One of the most important documents of the system of Russian security measures is considered – the Military Doctrine. The main external and internal threats to the sovereignty of our Fatherland, the characteristic features of modern military conflicts, the tasks of the Russian Federation in deterring and preventing them are analyzed. The conclusion is drawn that the need for serious efforts by the leadership of the Russian state to improve the social and economic situation within the country and ensure its reliable protection from external interference.*

***Key words:** military security; military doctrine; military policy; threats to sovereignty; military conflicts; Armed forces; socio-economic situation.*

Достаточно предметно о системе мер обеспечения безопасности говорилось в подзаконном нормативно-правовом акте – Военной доктрине РФ [4]. Согласно этому акту, положения Военной доктрины опирались на комплексную оценку состояния военно-политической обстановки и стратегический прогноз ее развития, на научно-обоснованное определение текущих и перспективных задач, объективных потребностей и реальных возможностей обеспечения военной безопасности Российской Федерации, а также на системный анализ содержания и характера современных войн и вооруженных конфликтов, отечественного и зарубежного опыта военного строительства и военного искусства. В нем подчеркивался оборонительный характер военной доктрины РФ, декларировалась приверженность «миру с твердой решимостью защищать национальные интересы, гарантировать военную безопасность Российской Федерации и ее союзников» [4, преамбула].

Военная доктрина указывала на следующие угрозы военной безопасности Российской Федерации:

Основные внешние угрозы:

- территориальные претензии к Российской Федерации; вмешательство в ее внутренние дела; попытки игнорировать (ущемлять) интересы нашей Родины в решении проблем международной безопасности, противодействовать ее укреплению как одного из влиятельных центров многополярного мира;
- наличие очагов вооруженных конфликтов, прежде всего вблизи государственной границы России и границ ее союзников;
- создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы Российского Отечества и границ

его союзников, а также на прилегающих к их территориям морях;
- расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации;
- ввод иностранных войск в нарушение Устава ООН на территории сопредельных с Россией и дружественных ей государств;
- создание, оснащение и подготовка на территориях других государств вооруженных формирований и групп в целях их переброски для действий на территориях Российского государства и его союзников;
- нападения (вооруженные провокации) на наши военные объекты, расположенные на территориях иностранных государств, а также на объекты и сооружения на государственной границе Российской Федерации, границах ее союзников и в Мировом океане;
- действия, направленные на подрыв глобальной и региональной стабильности, в том числе путем воспрепятствования работе российских систем государственного и военного управления, на нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, противоракетной обороны, контроля космического пространства и обеспечения их боевой устойчивости, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов;
- враждебные, наносящие ущерб военной безопасности России и ее союзников информационные (информационно-технические, информационно-психологические) действия;
- дискриминация, подавление прав, свобод и законных интересов российских граждан в иностранных государствах;
- международный терроризм.

Основные внутренние угрозы:
- попытка насильственного свержения конституционного строя;
- противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической обстановки в стране;
- планирование, подготовка и осуществление действий, направленных на дезорганизацию функционирования федеральных органов государственной власти, нападения на государственные, хозяйственные, военные объекты, объекты жизнеобеспечения и информационной инфраструктуры;
- создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных вооруженных формирований;
- незаконное распространение (оборот) на территории России оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий;
- организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности нашей Родины.

Не давая системной и исчерпывающей оценки характера и содержания Военной доктрины Российской Федерации 2000 года, поскольку это лучше делать военно-политическим и военным специалистам и ученым, остановимся на её существенных политико-правовых и военно-правовых аспектах и особенностях. Обращала на себя внимание внутренняя противоречивость Военной доктрины. С одной стороны, доктрина говорила о позитивных изменениях международной обстановки, активности миролюбивого внешнеполитического курса России, поддержании «на достаточном уровне российского военного потенциала», о снижении «угроз прямой военной агрессии в традиционных формах против Российской Федерации и ее союзников», снижении «опасности развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной». С другой стороны, она подчеркивала дестабилизирующий характер современной военно-политической обстановки, усиление военной опасности. Указывала на формирование и укрепление региональных центров силы, усиление национального, этнического и религиозного экстремизма, активизацию сепаратизма, распространение локальных войн и вооруженных конфликтов, усиление региональной гонки вооружений, распространение

ядерного и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки, обострение информационного противоборства, попытки ослабить (игнорировать) существующие механизмы обеспечения международной безопасности (прежде всего ООН и ОБСЕ), использование военно-силовых акций в качестве средства «гуманитарного вмешательства» без санкции Совета Безопасности ООН, в обход общепризнанных принципов и норм международного права и т. п.

Военная доктрина делала акцент на ее оборонительном характере. Она смягчала меру и степень военной опасности, не называла конкретные источники и субъекты военных угроз. Не раскрывала сущность глобалистской политики стран НАТО во главе с США, их стремление вооруженным путем устанавливать угодные им режимы в других странах, провоцирование так называемых цветных («оранжевых») революций, стремление всеми мерами ослабить мощь России, разрушить её оборонный потенциал. По смыслу этого нормативного акта, внутренние угрозы превалировали над внешними опасностями. Кроме того, в силу своего характера этот документ ограничивался указаниями лишь военных угроз, оставляя в стороне систему других опасностей суверенитету Российской Федерации.

Военная доктрина 2000 года была заменена на Военную Доктрину Российской Федерации, утвержденную Указом Президента от 5 февраля 2010 года [11]. В ее разделе «Общие положения» было подчеркнуто, что она «является одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту» нашей Родины. Обращалось внимание на то обстоятельство, что доктрина носит научный характер, так как она «основана на положениях военной теории и направлена на ее дальнейшее развитие» (Общие положения, п. 2).

Акцентировалась приверженность нашего государства «к использованию политических, дипломатических, правовых, экономических, экологических, информационных, военных и других инструментов защиты национальных интересов Российской Федерации и интересов ее союзников» (Общие положения, п. 4).

Вызывало большой интерес определение в Доктрине тех основных понятий, которыми она оперировала. Например, в подпункте «а» пункта 6 Общих положений определялось понятие военной безопасности – это «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять». Обращает внимание здесь акцентирование интересов не только государства, но также личности и общества, то есть Военная доктрина учитывала весь спектр интересов, а не только государственные, что, конечно, очень важно.

В следующем подпункте формулировалось определение военной опасности, как состояния межгосударственных или внутригосударственных отношений, которые характеризуются совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы (подпункт «б» пункта 6 Общих положений).

Конкретно понималась и «*военная угроза* (выделено нами – Авт.) – состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)» (подпункт «в» пункта 6 Общих положений).

В пункте 6 Общих положений Военной доктрины определялись и другие понятия: военный конфликт; вооруженный конфликт; локальная война; региональная война; крупномасштабная война; военная политика; военная организация государства.

Достаточно подробно представлялась характеристика военной опасности и военной угрозы нашему Отечеству. Притом приводились как основные внешние военные опасности, так и основные внутренние военные опасности. Основные внешние военные опасности, естественно, значимо преобладали над основными внутренними военными опасностями.

Среди внешних опасностей обращалось внимание на стремление наделить силовой потенциал НАТО глобальными функциями и расширение данного блока (пункт «а» ст. 8), попытки

дестабилизировать обстановку и подорвать стратегическую стабильность (п. «б» ст. 8), наращивание иностранных военных контингентов на территориях, сопредельных с Россией и ее союзниками (п. «в» ст. 8), создание и развертывание различных иностранных стратегических военных систем и милитаризация космоса, «развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия» (п. «г» ст. 8), территориальные претензии к нам и нашим союзникам, вмешательство в их внутренние дела (п. «д» ст. 8), распространение ядерного и неядерного оружия (п. «е» ст. 8), нарушение и несоблюдение международных договоров (п. «ж» ст. 8), применение военной силы на территориях сопредельных с нами государств в нарушение Устава ООН и других международно-правовых норм (п. «з» ст. 8), существование и возникновение очагов и эскалации вооруженных конфликтов на территориях, сопредельных с Россией и государств – ее союзников (п. «и» ст. 8), распространение международного терроризма (п. «к» ст. 8), проблемы, связанные с межнациональной (межконфессиональной) напряженностью, деятельностью международных вооруженных радикальных группировок, наличием территориальных противоречий, рост сепаратизма и насильственного (религиозного) экстремизма (п. «л» ст. 8).

Основные внутренние военные опасности определялись следующим образом (ст. 9):

а) попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации;
б) подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности нашего Отечества;
в) дезорганизация функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российского государства.

Нетрудно заметить, что здесь уже шла речь о подрыве государственного суверенитета и нарушении единства и территориальной целостности нашего Отечества.

В Доктрине определялись и основные военные угрозы (ст. 10). Они в основном сводились к международным проблемам, лишь частично затрагивая внутренние вопросы.

Давалась характеристика современных военных конфликтов (их характерные черты, отличия от иных) и военных действий, значимости ядерного оружия (ст. 11-16).

Значительная часть Доктрины была посвящена военной политике Российской Федерации. Здесь определялись задачи военной политики (ст. 17), деятельность нашего государства по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов (ст. 18, 19). Специально выделялись вопросы применения Вооруженных сил и других войск, их основные задачи в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время (ст. 20-29). Определялись развитие военной организации, строительство и развитие Вооруженных сил и других войск (ст. 30-34).

Определенное внимание Концепция уделяла военному планированию (ст. 35-37).

В отдельный раздел доктрины выделялись вопросы военно-экономического обеспечения обороны (ст. 38-39), оснащения Вооруженных сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой (ст. 40-42), материальными средствами (ст. 43-44), развития военно-промышленного комплекса (ст. 45-46), мобилизационной подготовки экономики, органов государственной власти, органов местного самоуправления и различных организаций (ст. 47-48), военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами (ст. 49-53).

Завершалась Доктрина примечанием о том, что ее положения могли уточняться с «изменением характера военных опасностей и военных угроз, задач в области обеспечения военной безопасности и обороны, а также условий развития» нашего Отечества.

К концу 2014 года в нашей стране и на международной арене накопились обстоятельства, заставившие подготовить и утвердить новую Военную доктрину Российской Федерации [3]. В ней зафиксировано положение о том, что она построена на основе анализа военных опасностей и военных угроз как России, так и интересам наших союзников, а сформулирована здесь «основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны государства» (ст. 2).

Она учитывает «основные положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, а также соответствующие положения

Концепции внешней политики Российской Федерации, Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года и других документов стратегического планирования» (ст. 4) [2; 5; 6; 9; 10; 12]. В ней, как и в предыдущей Доктрине 2010 г., конкретизируются основные понятия, которые используются в данном правовом акте (ст. 8),

Определяя военные опасности и военные угрозы нашему Отечеству, Военная доктрина констатирует ситуацию, когда наметилась тенденция их смещения в информационное пространство и внутреннюю сферу нашего государства. Кроме того, наблюдается усиление в ряде направлений военной опасности для России (ст. 11).

Очень подробно, как и в предыдущей доктрине (2010 г.) представлены основные внешние военные опасности (ст. 12). Среди них специально обращается внимание на растущую угрозу «глобального экстремизма (терроризма) и его новых проявлений в условиях недостаточно эффективного международного антитеррористического сотрудничества, реальная угроза проведения терактов с применением радиоактивных и токсичных химических веществ, расширение масштабов транснациональной организованной преступности, прежде всего незаконного оборота оружия и наркотиков» (п. «к» ст. 12). Данное обстоятельство постоянно подчеркивается и в научной литературе [17; 27; 35; 45].

Подчеркивается «наличие (возникновение) очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок, иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и экстремизма в отдельных регионах мира» (п. «л» ст. 12), о чем свидетельствуют и научные публикации [25].

Особо выделяется «использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности» (п. «м» ст. 12).

Здесь внешние военные опасности увязываются с суверенитетом, независимостью, территориальной целостностью государства, а также угрозами миру, безопасности и стабильности.

К внешним военным опасностям доктрина относит «установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, режимов, в том числе в результате свержения легитимных органов государственной власти, политика которых угрожает интересам» России (п. «н» ст. 12), а кроме этого, и подрывную деятельность специальных служб и организаций иностранных государств и их коалиций против нашего Отечества (п. «о» ст. 12).

Что же касается внутренних военных опасностей, то здесь они по сравнению с предыдущей Доктриной 2010 г. представлены значительно аргументированнее и подробнее, с учетом тех реалий, которые появились в крайние годы. В ст. 13 они зафиксированы в следующей интерпретации:

а) деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, дезорганизацию функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры России;

б) деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российского государства;

в) деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества;

г) провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды.

Внимательное сравнение двух крайних Доктрин свидетельствует о том, что все три

пункта ст. 9 Доктрины 2010 года по существу представлены в пункте а) доктрины 2014 года. Особо обращается внимание на опасность терроризма как способа подрыва суверенитета (п. «б» ст. 13), информационное воздействие в целом на население и особенно на молодежь с целью подрыва отечественных традиций (п. «в» ст. 13). И кроме того – провоцирование межнациональной и межконфессиональной напряженности в нашем многонациональном и многоконфессиональном государстве.

Безусловно, крайняя Доктрина значительно тщательнее отработана с учетом сегодняшних реалий, и конечно, больше соответствует положению дел с учетом внешних и внутренних военных опасностей.

Основные военные угрозы в новой Доктрине представлены аналогичными Доктрине 2010 года. Как и в предыдущей Доктрине, они касаются лишь проблем межгосударственных отношений, оставляя в стороне вопросы внутренней государственно-правовой жизни, которым в данном разделе Доктрины уделяется, с нашей точки зрения, явно недостаточное внимание. Чтобы не быть голословным, приведем перечень основных военных угроз, определенных в статье 14:

а) резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы;

б) воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической, фармацевтической и медицинской промышленности и других потенциально опасных объектов;

в) создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории Российской Федерации или на территориях ее союзников;

г) демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками;

д) активизация деятельности вооруженных сил отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или общей мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени.

В новой редакции военных угроз в пункте «б» акцентировано внимание наряду с другими и на объектах фармацевтической, а также медицинской промышленности, а в пункте «г» снято указание на провокационность целей демонстрации военной силы, что, как мы полагаем, является справедливым. В то же время более детальное и объемное представление военных угроз, вызываемых внутренними причинами, было бы все-таки значимым.

В действующей Военной доктрине, кроме характерных черт современных военных конфликтов, что было в документе 2010 года, даются их особенности. Характерные черты представлены в основном значительнее и подробнее. И черты, и особенности рассматриваемых конфликтов сведены в одну статью. Они выглядят следующим образом (ст. 15):

а) комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций;

б) массированное применение систем вооружения и военной техники, высокоточного, гиперзвукового оружия, средств радиоэлектронной борьбы, оружия на новых физических принципах, сопоставимого по эффективности с ядерным оружием, информационно-управляющих систем, а также беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружения и военной техники;

в) воздействие на противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном пространстве, в воздушно-космическом пространстве, на суше и море;

г) избирательность и высокая степень поражения объектов, быстрота маневра войсками (силами) и огнем, применение различных мобильных группировок войск (сил);

д) сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий;
е) усиление централизации и автоматизации управления войсками и оружием в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием;
ж) создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий;
з) участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний;
и) применение непрямых и асимметричных способов действий;
к) использование финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений.

Нам представляется, что сведение характерных черт и особенностей военных конфликтов в одну статью привело к фрагментальности рассмотрения последних. В статье 13 Военной доктрины 2010 года они представлялись так:

Статья 13. Особенности современных военных конфликтов:

а) непредсказуемость их возникновения;

б) наличие широкого спектра военно-политических, экономических, стратегических и иных целей;

в) возрастание роли современных высокоэффективных систем оружия, а также перераспределение роли различных сфер вооруженной борьбы;

г) заблаговременное проведение мероприятий информационного противоборства для достижения политических целей без применения военной силы, а в последующем – в интересах формирования благоприятной реакции мирового сообщества на применение военной силы.

В Доктрине 2014 года этой характеристики мы не находим.

Кроме того, из действующей Доктрины выпало указание на скоротечность, избирательность и высокую степень поражения объектов, быстроту маневра войсками (силами) и огнем, применение различных мобильных группировок войск (сил). Подчеркивание того обстоятельства, что овладение «стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, обеспечение превосходства на земле, море и в воздушно-космическом пространстве станут решающими факторами достижения поставленных целей» (ст. 14 Военной доктрины 2010 года).

Наконец, в действующей Военной доктрине нет и новеллы, с нашей точки зрения, акцентирования, как это было в Доктрине 2010 года, на высокоточном, электромагнитном, лазерном, инфразвуковом оружии. Сокращение в действующей Доктрине позиции, сформулированной в ст. 15 Доктрины 2010 года, было неразумным. Наверное, было бы правильным и оставление в новой Доктрине подчеркивания дальнейшего возрастания значимости «информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, роботизированных образцов вооружений и военной техники».

С нашей точки зрения, неоправданным является и изъятие из действующей Доктрины указания на такое обстоятельство, которое содержалось в статье 16 предыдущего документа: «В случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего под угрозу само существование государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт» (часть 2 статьи 16 Военной доктрины 2010 г.).

Что же касается военной политики Российской Федерации, то она представлена в действующей Военной доктрине достаточно подробно и конкретно. Скажем, из ее задач выпало указание о недопущении гонки вооружений, как это было в аналогичном документе 2010 г. Вряд ли российское государство будет смущать то обстоятельство, что наши конкуренты тратят много средств на гонку вооружений, если мы имеем такие средства военной защиты, которым не страшны никакие средства военного нападения, а наши средства военного нападения не способно нейтрализовать ни одно государство, включая США.

Характерно и то, что в действующей Доктрине недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого, представлено не просто как важная задача России (часть 2 статьи 18 Военной доктрины 2010 года), а «положено в основу военной политики» нашего государства и выделено в самостоятельную статью (ст. 20).

В основные задачи Российской Федерации по сдерживанию, предотвращению военных конфликтов дополнительно, по сравнению с предыдущей Доктриной, включены такие очень важные положения, как (ст. 21):

д) поддержание мобилизационной готовности экономики Российской Федерации, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций в установленных им сферах деятельности на уровне, необходимом для обеспечения решения задач в военное время;

е) объединение усилий государства, общества и личности по защите Российской Федерации, разработка и реализация мер, направленных на повышение эффективности военно-патриотического воспитания граждан Российской Федерации и их подготовки к военной службе;

Приведенных выше задач в Военной доктрине 2010 года не ставилось.

Сейчас мы все прекрасно понимаем, что обе вновь сформулированные задачи весьма значимы. А вопросы патриотического воспитания российских граждан выдвинуты в качестве нашей национальной идеи. Президент В.В. Путин, выступая на активе клуба лидеров неформального объединения представителей малого и среднего бизнеса, прямо указал: «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма». Президент также добавил: «Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо» [1].

С нашей точки зрения, оправданной является и предлагаемая формулировка следующих задач: расширение «круга государств-партнеров и развитие сотрудничества с ними на основе общих интересов в сфере укрепления международной безопасности в соответствии с положениями Устава ООН, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, расширение взаимодействия с государствами – участниками БРИКС (Федеративная Республика Бразилия, Российская Федерация, Республика Индия, Китайская Народная Республика и Южно-Африканская Республика)» (пункт «ж» статьи 21), а также укрепление системы «коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и наращивание ее потенциала, усиление взаимодействия в области международной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), взаимодействие с Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия в целях обеспечения совместной обороны и безопасности, поддержание равноправного диалога в сфере европейской безопасности с Европейским союзом и НАТО, содействие построению в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой модели безопасности, основанной на коллективных внеблоковых началах» (пункт «з» статьи 21).

Действующая Военная доктрина по-новому подошла к целому ряду задач по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, ранее или вообще не представленных, или сформулированных в Доктрине 2010 года слишком узко. Среди таковых можно привести следующие (статья 21):

л) формирование механизмов взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества в противодействии вероятным ракетным угрозам, включая при необходимости создание совместных систем противоракетной обороны с равноправным российским участием;

м) противодействие попыткам отдельных государств (групп государств) добиться военного превосходства путем развертывания систем стратегической противоракетной обороны, размещения оружия в космическом пространстве, развертывания стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

н) заключение международного договора о предотвращении размещения в космическом пространстве любых видов оружия;

о) согласование в рамках ООН элементов нормативного регулирования безопасного осуществления космической деятельности, включая безопасность операций в космическом пространстве в их общетехническом понимании;

п) укрепление потенциала Российской Федерации в области мониторинга объектов и событий в околоземном пространстве, включая механизм международного взаимодействия в указанной области;

р) участие в международной миротворческой деятельности, в том числе под эгидой ООН и в рамках взаимодействия с международными (региональными) организациями;

с) разработка и принятие международного механизма контроля за соблюдением Конвенции

о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического), токсинного оружия и об их уничтожении;

у) создание условий, обеспечивающих снижение риска использования информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности.

Здесь хотелось бы подчеркнуть акцентирование внимания на проблемы, связанные с космическим пространством (пункты «м», «н», «о», «п»), участием в международной миротворческой деятельности (пункт «р»), бактериологическим (биологическим) и токсическим оружием (пункт «с»).

Своевременным является отражение в Доктрине риска использования информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях с упоминанием значимости государственного суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государства, а также важности предотвращения угроз международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности (пункт «у»).

Новая Военная доктрина значительно подробнее отражает проблемы применения Вооруженных сил, других войск и органов, их основные задачи в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время (ст. 22-34). Отличительным здесь является то, что речь идет не только о войсках, но и органах, что с нашей точки зрения совершенно оправданно и справедливо. Значимость не только войск, но и специальных органов нельзя игнорировать ни в мирное, ни в военное время.

Статья 23 Доктрины, посвященная применению войск и органов, дополнена, по сравнению с актом 2010 года, указанием на решительное, целенаправленное и комплексное решение проблем «на основе заблаговременного и постоянного анализа складывающейся военно-политической и военно-стратегической обстановки».

Статья 28 Доктрины вводит понятие «Плана обороны Российской Федерации».

Достаточно подробно в Доктрине определяются основные задачи Вооруженных сил, других войск и органов в мирное время (ст. 32). При этом перечень задач начинается с указанием на необходимость защиты суверенитета, территориальной целостности России и неприкосновенности ее территории (пункт «а» ст. 32). Особо обращается внимание на борьбу с пиратством и обеспечение безопасности судоходства (пункт «м» статьи 32). Подчеркивается необходимость охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (пункт «р» статьи 32). В целом же в этой части действующая Доктрина вбирает в себя все то, что определялось в предыдущем документе.

Так обстоят дела и по поводу задач в военное время (ст. 34).

Что же касается Развития военной организации (ст. 35-36), а также Строительства и развития Вооруженных сил, других войск и органов (ст. 37-39), то они в отличие от предыдущей Военной доктрины в новой выделены в самостоятельные как бы разделы с каждым соответствующим наименованием.

При определении основных задач развития военной организации (ст. 35) значительно большее внимание уделено повышению «эффективности и безопасности функционирования системы государственного и военного управления», обеспечению «информационного взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами при решении задач в области обороны и безопасности» (пункт «б» ст. 35).

Кроме того, введены два дополнительных пункта, посвященные развитию «мобилизационной базы», обеспечению «мобилизационного развертывания Вооруженных Сил, других войск и органов», и совершенствованию «методов комплектования и подготовки мобилизационных людских резервов» (пункт «н» ст. 35), а также совершенствованию «системы радиационной, химической и биологической защиты войск (сил) и населения» (пункт «о» ст. 35).

Дополнительно введена ст. 36 Доктрины, определяющая Основные приоритеты развития военной организации:

а) совершенствование системы управления военной организацией и повышение

эффективности ее функционирования;

б) обеспечение необходимой степени укомплектованности, оснащенности и обеспеченности соединений, воинских частей и формирований постоянной готовности и требуемого уровня их подготовки;

в) повышение качества подготовки кадров и военного образования, а также наращивание военно-научного потенциала.

В начале раздела «Строительство и развитие Вооруженных сил, других войск и органов» Доктрины дается понимание основной задачи данного явления, которое позволяет более предметно судить и о самой вышеуказанной проблеме: «Основная задача строительства и развития Вооруженных Сил, других войск и органов, – говорится в статье 37 Доктрины 2014 года, – приведение их структуры, состава, численности и оснащенности современными (перспективными) образцами вооружения, военной и специальной техники в соответствие с прогнозируемыми военными угрозами, содержанием и характером военных конфликтов, задачами в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время, а также с политическими, социально-экономическими, демографическими и военно-техническими условиями и возможностями Российской Федерации».

Здесь же, как и в Доктрине 2010 года формулируется необходимость строительства и развития Вооруженных сил, других войск и органов. В основном она определяется теми же факторами, которые указывались ранее. Подробнее идет речь о необходимости «совершенствования взаимодействия между объединениями, соединениями и воинскими частями видов и родов войск Вооруженных Сил, другими войсками и органами», но и «федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями, привлекаемыми к организации обороны» (пункт «г» ст. 38 Доктрины 2014 года). В предыдущей Доктрине приведенные нами крайней новеллы не содержалось. Кроме того, учитывая возрастающую значимость кадрового потенциала в строительстве и развитии военной организации государства, в действующей Доктрине совершенствование «систем военного образования и воспитания, подготовки кадров, военной науки» выделено в качестве самостоятельного пункта (пункт «ж» ст. 38). В Военной доктрине 2010 года данное требование отсутствовало.

В анализируемом документе определяются и пути выполнения основных задач, сформулированных выше (ст. 39). Они перекликаются с путями, указанными в предыдущей Доктрине. Вместе с тем есть уточнения и дополнения. Так, в новой Доктрине идет речь о повышении эффективности функционирования оборонно-промышленного комплекса (пункт «в» ст. 39), в предыдущем же акте шла речь о качестве соответствующего уровня (пункт «б» ст. 34 Военной доктрины 2010 года) или, в Доктрине 2014 года обращается внимание на развитие сил гражданской обороны в постоянной готовности (пункт «ж» ст. 39), а в предыдущем акте говорилось о создании таких сил (пункт «ж» ст. 34 Военной доктрины 2010 г.).

В действующей Доктрине дополнительно идет речь о формировании «территориальных войск для охраны и обороны военных, государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей» (п. «з» стр. 39). Такой нормы в Доктрине 2010 г. не было. Уже после утверждения Военной доктрины 2014 года такие войска были сформированы. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» они были образованы [8]. Именно на войска Национальной гвардии возлагается выполнение следующих задач (ст. 2 Закона):

1) участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности;
2) охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации;
3) участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом;
4) участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции;
5) участие в территориальной обороне Российской Федерации;
6) оказание содействия пограничным органам

федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации;

7) федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной деятельности, а также за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны;
8) охрана особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии, в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации, охрана имущества физических и юридических лиц по договорам.

Кроме того, на войска Национальной гвардии решением Президента Российской Федерации могут быть возложены и иные задачи в рамках действующего правового поля [39; 36, стр. 21-90].

Помимо других моментов, определенных в Доктрине 2010 г., действующая Доктрина обращает внимание на необходимость «эффективного обеспечения информационной безопасности Вооруженных Сил, других войск и органов» (пункт «м» ст. 39). Кроме того, отдельно идет речь о совершенствовании «структуры военных образовательных организаций высшего образования, федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, в которых проводится обучение граждан Российской Федерации по программам военной подготовки», а также оснащении «их современной учебной материально-технической базой» (пункт «н» ст. 39).

По какой-то причине из Военной Доктрины 2014 года выпали вопросы военного планирования. Кратко анализируя Военную доктрину 2010 года, мы обратили внимание на то, что в ней эти проблемы были предусмотрены. В частности, указывалось на то, что военное планирование организуется и осуществляется в целях реализации согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами мероприятий развития военной организации, кроме того, строительства и развития войск, их эффективного применения (ст. 35 Военной доктрины 2010 г.).

Формулировались также основные задачи военного планирования (ст. 36 Военной доктрины 2010 г.):

а) определение согласованных целей, задач и мероприятий строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения, а также развития соответствующей научно-технической и производственно-технологической базы;
б) выбор оптимальных направлений строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, форм и способов их применения исходя из прогнозов развития военно-политической обстановки, военных опасностей и военных угроз, уровня социально-экономического развития Российской Федерации;
в) достижение соответствия ресурсного обеспечения Вооруженных Сил и других войск задачам их строительства, развития и применения;
г) разработка документов краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного планирования, учет результатов выполнения планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил и других войск;
д) организация контроля выполнения планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил и других войск;
е) своевременная корректировка документов военного планирования.

Уточнялась практика военного планирования указанием на то, что оно осуществляется в соответствии с Положением о военном планировании в нашем государстве (ст. 37 Военной доктрины 2010 г.).

Изъятие из действующей Военной доктрины вопросов военного планирования вряд ли способствует ее модернизации. Априори понятно, что без планирования в военном деле, как в общем-то в любом ином, достичь совершенства невозможно. Данный раздел в Военной доктрине необходим, думается, что без него здесь не обойтись.

В то же время в действующей Военной доктрине имеется специальный подраздел «Мобилизационная подготовка и мобилизационная готовность Российской Федерации» (ст. 40-42), который в Доктрине 2010 года приведен в ее заключительной части и в иной интерпретации. Возможно, разработчики новой Доктрины посчитали возможным заменить проблемы

планирования вопросами мобилизационной подготовки. С нашей точки зрения, такой подход вряд ли можно признать удачным. Как говорится, планирования в нашей жизни еще никто не отменял. И наверное, обходить его в действующем документе было нельзя. Что же касается мобилизационных моментов, то в действующей Доктрине указывается, что мобилизационная готовность в российском государстве обеспечивается подготовкой к выполнению в установленные сроки мобилизационных планов. (часть 1 ст. 40). «Заданный уровень мобилизационной готовности Российской Федерации, – подчеркивается здесь, – зависит от прогнозируемой военной угрозы, характера военного конфликта и достигается за счет проведения в необходимом объеме мероприятий по мобилизационной подготовке, а также за счет оснащения Вооруженных Сил, других войск и органов современным вооружением, поддержания военно-технического потенциала на достаточном уровне» (часть 2 ст. 40).

Определяется основная цель мобилизационной подготовки всей российской экономики, органов государственной и публичной власти, гражданского общества, войск и органов – обеспечение зашиты государства от вооруженного нападения и удовлетворение потребностей государства и нужд населения в военное время (ст. 41).

Четко фиксируются основные задачи мобилизационной подготовки (ст. 42):

а) обеспечение устойчивого государственного управления в военное время;
б) создание нормативно-правовой базы, регулирующей применение экономических и иных мер в период мобилизации, в период действия военного положения и в военное время, включая особенности функционирования в эти периоды финансово-кредитной, налоговой систем и системы денежного обращения;
в) обеспечение потребности Вооруженных Сил, других войск и органов, других потребностей государства и нужд населения в военное время;
г) создание специальных формирований, предназначенных при объявлении мобилизации для передачи в Вооруженные Силы или использования в интересах экономики Российской Федерации;
д) поддержание промышленного потенциала Российской Федерации на уровне, достаточном для удовлетворения потребностей государства и нужд населения в военное время;
е) обеспечение дополнительными людскими и материально-техническими ресурсами Вооруженных Сил, других войск и органов, отраслей экономики для решения задач в условиях военного времени;
ж) организация восстановительных работ на объектах, поврежденных или разрушенных вследствие военных действий, включая восстановление производственных мощностей, предназначенных для выпуска вооружения, военной и специальной техники, а также прикрытия на транспортных коммуникациях;
з) организация снабжения населения продовольственными и непродовольственными товарами в условиях ограниченных ресурсов в военное время.

Военно-экономическое обеспечение обороны изложено в IV разделе Военной доктрины 2014 года. В статье 43 определена основная задача такого обеспечения. Она формулируется как «создание условий для устойчивого развития и поддержания возможностей военно-экономического и военно-технического потенциалов государства на уровне, необходимом для реализации военной политики и надежного удовлетворения потребностей военной организации в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время».

Задачи же военно-экономического обеспечения обороны, изложенные в ст. 44 Доктрины, выглядят следующим образом:

а) оснащение Вооруженных Сил, других войск и органов вооружением, военной и специальной техникой на основе развития военно-научного потенциала страны, концентрации ее финансовых и материально-технических ресурсов, повышения эффективности их использования с целью достижения уровня, достаточного для решения возложенных на военную организацию задач;
б) своевременное и полное обеспечение Вооруженных Сил, других войск и органов материальными средствами, необходимыми для реализации мероприятий планов (программ) их строительства и применения,

оперативной, боевой, специальной и мобилизационной подготовки войск (сил);

в) развитие оборонно-промышленного комплекса путем координации военно-экономической деятельности государства в интересах обеспечения обороны, интеграции в определенных сферах производства гражданского и военного секторов экономики, правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения;

г) совершенствование военно-политического и военно-технического сотрудничества с иностранными государствами в интересах укрепления мер доверия и снижения глобальной и региональной военной напряженности в мире.

Если же сравнить анализируемый раздел Доктрины с соответствующим разделом предыдущего документа, то понятно, что действующий акт составляет данную проблему с одной стороны подробнее, а с другой – компактнее.

Что касается вопросов оснащения Вооруженных Сил, других войск и органов вооружением, военной и специальной техникой, то они представлены аналогично Военной доктрине 2010 г., за исключением, пожалуй, лишь одного пункта, связанного с «созданием новых образцов высокоточного оружия и средств борьбы с ним, средств воздушно-космической обороны, систем связи, разведки и управления, радиоэлектронной борьбы, комплексов беспилотных летательных аппаратов, роботизированных ударных комплексов, современной транспортной авиации, систем индивидуальной защиты военнослужащих» (пункт «е» ст. 46.). Он прописан значительно детальнее, чем это было в предыдущем документе (пункт «е» ст. 41 Военной доктрины 2010 г.).

Аналогично действующей Военной доктрине представлено обеспечение войск и органов материальными средствами (ст. 48-51), а также развитие оборонно-промышленного комплекса (ст. 52-53), за исключением добавленного в действующий документ пункта «п» статьи 53, который звучит следующим образом: «обеспечение производственно-технологической готовности организаций оборонно-промышленного комплекса к разработке и производству приоритетных образцов вооружения, военной и специальной техники в заданных объемах и требуемого качества»

Завершает Военную доктрину 2014 года подраздел «Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество Российской Федерации иностранными государствами». Он прописан подробнее и детальнее, чем в предыдущей Военной доктрине. Подчеркиваются характер дружеских и союзнических отношений России с Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия, чего не было в предыдущем документе (пункт «б» ст. 55, пункт «б» ст. 56). Идет речь о необходимости развития диалога с заинтересованными государствами о национальных подходах к противодействию военным опасностям и военным угрозам, возникающим в связи с масштабным использованием информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях (пункт «е» ст. 55). Особо подчеркивается необходимость выполнения наших международных обязательств (пункт «ж» ст. 55).

Обращается внимание на то, что основные направления военно-технического сотрудничества формулируются в ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации (ст. 58).

С нашей точки зрения очень важна заключительная новелла документа, где указано: «Положения Военной доктрины могут уточняться с изменением характера военных опасностей и военных угроз, задач в области обеспечения обороны и безопасности, а также условий развития Российской Федерации». Данная новелла делает анализируемый нормативно-правовой акт не только основополагающим для обеспечения суверенитета, но и достаточно гибким, способным к совершенствованию с учетом объективной необходимости.

Вместе с тем, в сугубо правовом смысле названные акты ограничены в своей легитимности, предметности, юридической силе, обязательности, гарантиях реализации. Они декларативны и недостаточно конкретны. Носят преимущественно прогностический, доктринальный характер.

Главный недостаток указанных доктринальных и нормативно-правовых актов об угрозах суверенитету Российской Федерации – это их противоречия по сравнению как с реальной современной политической обстановкой в мире, действительным соотношением сил на

мировой арене, политикой ведущих западных держав по отношению к России, так и с фактическим состоянием её суверенитета, наличием цельной системы угроз, способных свести его к нулю, то есть к разрушению некогда могучей мировой державы.

В обобщенном виде система угроз Российской Федерации с учетом изложенных выше официальных оценок и концептуальных характеристик с акцентом на действительное состояние факторов и условий, обеспечивающих суверенитет, можно представить следующим образом.

I. В социально-экономической сфере:

- коренное изменение типа способа производства, форм производственных отношений, переход преимущественно на распределительно-потребительские сферы и уровни производства, резкое снижение ВВП РФ, который, по различным оценкам, в первые пять лет XXI века составлял немногим более половины от ВВП РСФСР 1989 года. В стоимостном выражении он был равен около 2,5 трлн. рублей, то есть около 225 000 рублей в год на каждого жителя России [32, стр. 10], включая доходы миллиардеров (30-35 человек) и основной массы населения, в среднем не превышающие 3 000 рублей в месяц при примерно той же сумме прожиточного минимума в 2005 году [34];

  В настоящее время федеральный прожиточный минимум на душу населения по итогам 2015 года составил 9701 руб., в то время как установленный Федеральный законом от 14.12.2015 г. № 376-ФЗ минимальный размер оплаты труда был равен 6204 руб. [7].
- разрушение единого народно-хозяйственного комплекса страны при крайне низком уровне основных фондов производства, износ которых составляет 70 и более процентов; крайний упадок и фактическое разрушение ведущих производительных отраслей экономики – промышленности, сельского хозяйства, энергетики, военно-промышленного комплекса; превращение России в начале XXI века в фактический сырьевой придаток стран Запада [29];
- огромная продовольственная зависимость страны от импорта важнейших составляющих потребительской корзины (по некоторым оценкам, до 50-60%) [19, стр. 27];
- продолжающееся в первое десятилетие XXI века снижение народонаселения, большой дисбаланс между смертностью и рождаемостью, фактически неконтролируемая миграция населения, особенно из стран Азии, Африки и Арабского Востока, наводнение страны огромной массой представителей чужеродных по вероисповеданию и религиозной принадлежности лиц, резкий упадок и утрата жизнеспособности коренных системообразующих наций, особенно русского народа, численность которого катастрофически уменьшается [20; 21; 30, стр. 30-32];
- крайняя бедность основной массы населения, в том числе до 30% людей, имеющих доход ниже прожиточного минимума [47];

По оценке некоторых экспертов, ситуация с рождаемостью и смертностью коренного населения России из года в год, к сожалению, не улучшается. в России в 2016 году демонстрирует прежние тренды:

- русское население страны стремительно вымирает;
- естественная убыль населения характерна для большинства субъектов России;
- Россия компенсирует вымирание собственного населения за счет миграционного прироста.

Росстат опубликовал новые данные по демографии за первое полугодие 2016 года. В ходе внимательного анализа приходим к следующим интересным выводам:

- в результате естественных причин (рождаемость и смертность) население страны за первые полгода сократилось на 30 тыс. человек, но благодаря тому, что за это полугодие в страну прибыло мигрантов 140 тыс., Росстат отчитался о росте населения в 109,7 тыс. человек;
- планомерное ухудшение экономической ситуации с 2013 года отразилось и на демографической компоненте — рождаемость сначала замедлилась, а в 2015 году наблюдалось ее падение в сравнении с предыдущим годом. Готовность заводить детей в условиях ухудшения экономической ситуации в России снижается.

II. В политической сфере:

- коренная смена политической надстройки, общественного и государственного строя, социально-классовой структуры общества [26];
- резкая социально-классовая поляризация населения в начале XXI века, невиданный рост социальных антагонизмов, массовое недоверие к власти, государству и его институтам, глубокое внутреннее отчуждение между основными социальными общностями, имеющееся протестное движение [14];
- коренное изменение на рубеже XX и XXI веков всей геополитической сферы, международного положения России, переход от биполярного к монополярному миру. Утрата Россией статуса великой мировой державы. Фактическая ориентация ее внутренней и внешней политики на политику ведущих стран Запада и НАТО. Ее чрезмерная политическая и экономическая зависимость от этих стран, особенно и, прежде всего, от Соединенных Штатов Америки [16; 18];
- фактическая утрата мощи и военной мощи России, незащищенность, необорудованность и прозрачность ее границ, существенное сокращение территории, крайнее ослабление обороноспособности, Вооруженных Сил [28; 44];
- прямое посягательство на суверенитет РФ, в том числе мощное давление на Россию как со стороны ведущих стран Запада, НАТО, так и со стороны бывших республик СССР, ныне стран СНГ, наводнение разведывательными и подрывными структурами и элементами, неосновательные территориальные и иные притязания, грубые проникновения в ее экономическую зону, территориальные воды, хищническое использование природных ресурсов, ущемление интересов на мировой арене, выталкивание на обочину международных отношений [31];
- непрекращающиеся и даже порой обостряющиеся внутренние социальные, этнические, национальные и религиозные конфликты, массовый терроризм, террористические акты, экологические, промышленные и военные катастрофы;
- общая политическая нестабильность, неустойчивость власти.

III. В духовной сфере:

- кризис духовной сферы, культуры, науки, образования, общественного сознания;
- изменение структуры и форм общественного сознания, утрата возвышенных идеалов, насаждение низменных страстей и потребностей, полярная смена социальных ценностей и приоритетов;
- упадок морали, идеологии, крайняя разобщенность общества по этническим, расовым, национальным и социальным признакам, отчуждение общества и государства, государства и личности, глубокие социальные антагонизмы, рост преступности и таких ее крайних форм, как организованные преступные формирования (мафия), коррупция, массовое насилие над личностью, стяжательство [13; 15; 22; 23; 37; 40; 41; 42].

Данные статистики, факты и примеры, подтверждающие вышеназванные положения, уже приводились. Их можно приводить еще, хотя в этом вряд ли есть необходимость в силу очевидности большинства из указанных тезисов. Сошлемся на некоторые оценки состояния суверенитета и конкретные указания на реальные угрозы суверенитету как российских, так и зарубежных авторов и источников.

Самой жгучей и актуальной проблемой современности многие исследователи, политики и государственные деятели считают, создание нового государственного единства вместо СССР. Сотни миллионов людей бывшего Советского Союза хотят возрождения федеративного единства. И именно поэтому все народы бывшего СССР на референдуме выразили свою суверенную волю сохранить федеративное государство в его обновленном виде. Решение этой проблемы является универсальным средством преодоления политического, экономического и социального кризиса, охватившие все республики бывшего Союза. Иного альтернативного пути нет [24, стр. 3].

Опыт отечественной истории учит, что в течение последнего полу-столетия ни одна союзная республика не могла собственными силами защитить свой государственный суверенитет. Во время Великой Отечественной войны шесть из пятнадцати Союзных Республик – Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латвия

и Эстония – были в течение нескольких лет полностью оккупированы немецко-фашистскими захватчиками, а территория одной республики – России – была захвачена фашистами частично. В этих исторических условиях только благодаря объединенным усилиям всех союзных республик Советского Союза все семь указанных государств и их народы были освобождены от фашистского рабства. Благодаря победе Советского Союза от угрозы фашистского порабощения Вооруженные Силы СССР освободили полностью или частично территории 12 государств Европы и Азии общей площадью 2,5 кв. м. с населением 183 млн. человек [43, стр. 707].

Названные факты и примеры не являются уделом лишь истории. После разрушения Советского Союза все бывшие его союзные республики – Украина, Грузия, Азербайджан, Армения, Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Латвия, Литва, Эстония, другие – формально вроде бы декларировали и получили самостоятельность и независимость. Россия, новые правители которой сыграли роль первой скрипки в разрушении СССР, одной из первых объявила о своем суверенитете. Однако фактически они не только не добились суверенитета и его укрепления, а, наоборот, на несколько порядков ослабили его. Самостийная Украина, раздираемая «оранжевой» революцией, с вожделением смотрит на Запад и видит себя уже членом НАТО. Её «железный» батальон стал составной частью так называемых миротворческих сил дяди Сэма, покоряющих Ирак силой оружия, политического и экономического шантажа и грабежа. «Процветающие» Латвия, Эстония и Литва попали в полную зависимость от стран Запада и стали фактическими членами НАТО. Они ставят монументы фашиствующим «лесным братьям», поносят советских солдат, освободивших их от «коричневой чумы». [33] Россия полным ходом гонит свои ресурсы в страны Запада, оставляя свой народ и самоё себя в полном бесправии и бедности, а свои границы – в тесном кольце внешнего окружения. Американские военные базы прочно укрепились в Латвии, Литве, Эстонии, Грузии, Киргизии и Таджикистане. И, похоже, собираются остаться там надолго. Кроме того, наблюдается определенное военное присутствие США в Украине.

Выводы:

1. Угрозы суверенитету – совокупность условий и факторов, создающих опасность нарушения или устранения территориальной целостности, самостоятельности (автономности) и независимости государства. Сущность угроз суверенитету составляют условия и факторы, создающие опасности любого характера для безопасности государства, его территориальной целостности, самостоятельности (автономности) и независимости Российской Федерации как современного государства капиталистического типа переходного периода своего исторического развития [46].

2. Условия и факторы, составляющие угрозу суверенитету России, выражают конкретно-исторические предпосылки, причины, движущие социально-политические силы, создающие источники возникновения и проявления опасности Российской Федерации как единому и суверенному государственному образованию и как субъекту международных отношений. Они, эти факторы и условия порождены и обусловлены всеми конкретно-историческими слагаемыми современного мирового развития, основными из которых являются: выход на историческую арену и господство крупных империалистических государств и сил во главе с Соединенными Штатами Америки; наличие двух противоположных тенденций в мировом развитии – глобализация социальных процессов, стремление к экономической и политической интеграции многих стран мира в рамках единого экономического, политического и правового пространства, и глобализм, то есть стремление создать так называемый «новый мировой порядок» по модели и в интересах Соединенных Штатов; переходный характер современного этапа развития Российской Федерации, сопровождающийся разрушением устоев и остатков социализма, утратой Россией статуса мировой державы и ее стремлением встроиться в «новый мировой порядок»; острые социальные противоречия и антагонизмы России, порожденные объективными и субъективными факторами ее развития, прежде всего коренной сменой способа производства и производственных отношений, форм собственности, кардинальными изменениями социально-классовой структуры общества, кризисными явлениями во всех сферах общественной жизни, особенно производственной и социальной сфер, резким разделением общества на бедных и богатых, обнищанием огромных

масс населения, системными просчетами власти во внутренней и внешней политике, резким упадком развития производительных сил страны, ее зависимостью от развитых стран Запада, нещадной эксплуатацией труда, углублением противоречий между богатыми и бедными, ростом отчуждения между обществом и государством, народом и государством, упадком культуры, науки, общественного сознания, морали; кардинальная смена курса внутренней и внешней политики России, разрушение СССР, Варшавского Договора, некогда единого экономического, социально-политического, правового и культурного пространства, утрата значительных территорий и ресурсов, резкое ослабление всех элементов мощи и военной мощи, всех элементов военного и боевого потенциалов государства, и, как следствие, усиление нестабильности и политического влияния и авторитета власти, ее зависимости от внутренних и внешних воздействий, кардинальное изменение международно-правового статуса РФ, фактический переход ее в разряд развивающихся и во многом зависимых государств; двойные стандарты внутренней и особенно внешней политики ведущих стран Запада по отношению к России, фактическое стремление лишить её статуса мировой державы, пристегнуть к задворкам империалистической политики, выкачивать ее богатые природные ресурсы, использовать дешевую рабочую силу, разрушить внутреннее единство народов и наций, расчленить мощное государство на мелкие и слабые составные государственные образования вассального типа [38].

3. Действующие концептуальные и нормативно-правовые источники Российской Федерации – Стратегия национальной безопасности и Военная доктрина – дают противоречивую характеристику внутренним и внешним угрозам безопасности России, не отмечают возможность нарушения и даже утраты её территориальной целостности, самостоятельности и независимости, делают акцент на внутренних угрозах безопасности государства, отмечая и выделяя в то же время существенные угрозы военной безопасности страны. Военная доктрина делает акцент на ее оборонительном характере. Она смягчает меру и степень военной опасности. Не называет конкретные источники и субъекты военных угроз. Не раскрывает сущность глобалистской политики стран НАТО.

4. Разрушение Советского Союза, коренное изменение соотношения социально-политических сил на мировой арене, переход к однополярному миру, усиление влияния США на мировые процессы, резкое ослабление Российской Федерации, утрата ею статуса мировой державы и былого влияния на международную политику, внутренняя и внешняя нестабильность и неустойчивость, мощное давление на власть и политику государства изнутри и извне создали реальную возможность и опасность не только ослабления, но и последующего усиления её зависимости от других стран и даже полной потери своей территориальной целостности, самостоятельности и независимости. При этом политические факторы ослабления суверенитета имеют устойчивую тенденцию к возрастанию, и они полностью превалируют над юридическими постулатами о сохранении и укреплении суверенитета Российской Федерации.

Требуются серьезные усилия руководства Российского государства для улучшения социально-экономической ситуации внутри страны и обеспечения надежной ее охраны от внешнего вмешательства.

Список литературы

1. Путин В.В. Выступление на активе клуба лидеров неформального объединения представителей малого и среднего бизнеса. http://rispit.ru/society/natsionalnaya-ideya-rossii-patriotizm-21165.html
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1662-р) // http://docs.cntd.ru/document/902130343
3. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № Пр-2976 от 25.12.2014 г.) // Российская газета. – 2014. – № 298. – 30 декабря.
4. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21апреля

2000 г. № 706) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 2000. № 13.
5. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена Распоряжением Президента РФ от 27 июля 2001 года Пр-1387) // http://docs.cntd.ru/document/902010411.
6. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утверждена 20 февраля 2013 г. Президентом России Владимиром Путиным) // http://legalacts.ru/doc/strategija-razvitija-arkticheskoi-zony-rossiiskoi-federatsii-i/
7. Федеральный закон от 14.12.2015 г. № 376-ФЗ « О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 51 (часть III). – Ст. 7247.
8. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
9. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html.
10. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета – 2009. – Федеральный выпуск № 4912 (88). – 19 мая.
11. Указ Президента РФ от 05.02.2010 № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // http://www.kremlin.ru/acts/bank/30593.
12. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // http://www.kremlin.ru/acts/news/785
13. Анапских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
14. Бойков В.Э. На кого работает власть? // Наша власть. Дела и лица. – 2004. – № 2. – С. 38-39.
15. Большаков В. Убийство homo soveticus // Финансовый контроль. – 2004. № 12; 2005. – № 1 – С. 134-138; 2005. – № 2. – 140-142.
16. Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире // Социологические исследования – 2005. – № 4. – С. 25-32.
17. Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 128-134.
18. Галуа П. Интервью журналу «Финансовый контроль» // Финансовый контроль. – 2005. – № 6. – С. 114-117.
19. Гордеев А.В. Кто спасёт нашу деревню. Проблемы села и АПК в России // Финансовый контроль. – 2005. – № 4. – С. 26-29.
20. Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие / С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова; Под общ. Ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.
21. Дзьоник Д.В. Контроль за миграцией: проблемы и решения: Монография / Под общ. Ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 200 с. – (Серия «Теория и практика миграционных процессов).
22. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
24. Златопольский Д.Л. Возрождение Федеративного государства: проблема государственного суверенитета // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. – 1995. – № 2. - С. 3-15.
25. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с. – Серия: «Юридическая конфликтология: прошлое, настоящее, будущее».
26. Колядин А.М. Политическая, экономическая и культурная глобализация мирового сообщества и некоторые особенности развития современной государственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 71-80.
27. Кондрат Е.Н. Транснациональная организованная преступность и теневая экономика: некоторые общие проблемы взаимосвязи // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 128-135.
28. Литовкин В. Доктрина на вырост // Финансовый контроль. – 2003. – № 11. – С. 22-26, 28-29.
29. Михайленко В. Что ждет Россию? // Финансовый контроль. – 2005. – № 2. – С. 122-131.
30. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы укрепления государственно-правовых основ // Журнал российского права. – 2005. – № 2. – С. 3-34.
31. Патрушев Н.П. Итоги работы органов федеральной службы безопасности и приоритеты их деятельности //

Право и безопасность. – 2002. – № 1(2). – С. 7.
32. Подберезкин А.И., Коровников А.В. Россия и глобализация. - М.: Финансовый контроль, 2003. - 80 с.
33. Политкорректный фашизм // Правда. – 2005. – 03 сентября.
34. Римашевская Н. Если прожиточный минимум не пересматривать, то победить бедность легко // Правда. – 2005. – 03 сентября.
35. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9-11.
36. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016. – 312 с.
37. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
38. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
39. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, охрана важнейших государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 157-163.
40. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
41. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
42. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
43. Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии 1939-1945: Исторический очерк. – М.: Наука, 1980. - 728 с.
44. Сорокина Н. Заложник «чёрного» ящика // Российская газета. – 2005. – 21 сентября. – С. 2.
45. Федоров А.В. Борьба с наркобизнесом невозможна без международного взаимодействия // Право и безопасность. – 2005. – № 1(14). – С. 54-58.
46. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 339 с.
47. Юргенс И. Во что влетит копеечка // Российская газета. – 2005. – 21 сентября. – С. 4.

ЛИТВИНОВ Николай Дмитриевич,
руководитель экспертного центра «Национальной безопасности», доктор юридических наук, доцент (г. Воронеж, Россия)
E-mail: ndlitvinov49@mail.ru

НУРАДИНОВ Шамиль Магомедович.
профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: trianonnn2017@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

МЕХАНИЗМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАНИСЛАМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. *Анализируются исторические корни происходящих в современной России процессов исламизации исконно русских регионов. Рассматриваются вопросы распространения идей панисламизма, обосновывающего необходимость объединения в одно государство территорий с полинациональным населением, исповедующим ислам. Приводятся основные направления распространения этнического экстремизма в Российской империи, механизмы внедрения панисламистов в работу исламских учебных заведений.*

Ключевые слова: *панисламизм; Российская империя; исламизация; экстремизм; мечети, медресе и мектебе.*

LITVINOV N.D.
NURADINOV Sh.M.

THE MECHANISM OF THE SPREAD OF PAN-ISLAMISM IN THE RUSSIAN EMPIRE

The summary. *The historical roots of the processes of Islamization of primordially Russian regions occurring in modern Russia are analyzed. In this aspect, issues of the dissemination of the ideas of pan-Islamism, which justifies the need to unite territories with a poly-ethnic population practicing Islam, are considered. The main directions of the spread of ethnic extremism in the Russian Empire, the mechanisms for introducing pan-Islamists into the work of Islamic educational institutions are presented.*

Key words: *pan-Islamism; Russian empire; Islamization; extremism; mosques, madrassas and meqtebe.*

После демократических преобразований Россия осталась без государственной идеи. Статья 13 «Конституции Российской Федерации», принятой всенародным голосованием 12 декабря

1993 г., отказала населению России в праве на государственную идею. «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие», – гласит пункт первый. «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», – подтверждает пункт два.

А это значит, что у демократической России и ее населения нет цели существования государства. Политики и законодатели лишены идеологических ориентиров для выработки политических, управленческих решений, при формировании законодательной базы. У населения нет ориентиров, каким высоким идеалам надо служить. У военнослужащих нет «лозунга для атаки», за какие идеи надо умирать на поле боя. У демократической России остался единственный «идол»: рыночная экономика.

В образовавшиеся идеологические пустоты тут же устремились представители различных идеологических течений, в том числе радикального ислама [1; 10; 20; 21; 33]. К примеру, на Северном Кавказе антироссийская борьба идет под знаменем ваххабизма [13]. Стремясь оторвать от России Северный Кавказ, экстремисты заявили о создании «собственного государства, основанного на традиционном мусульманском праве – шариате» [29]. И это – не единственная экстремистская антироссийская идея. У экстремистских организаций, действующих против России, есть свои целеформирующие и организационно-объединяющие идеи, в том числе, радикальный ислам. Под реализацию целей и задач уже двадцать лет на Северном Кавказе «процветает» террор, наиболее активными формами проявления которого стали первая и вторая чеченские войны.

Геополитические противники России основной упор делают на идеологическую работу с населением России. У значительных слоев населения России, не имеющего своей государствообразующей и целеформирующей идеи, экстремистские зарубежные центры формируют мотивационные установки на развал России. Одним из направлений идеологической обработки мусульманского населения стало создание на территории России различного рода учебных заведений исламской направленности. К примеру, Турция создала много своих лицеев в республиках Северного Кавказа, Татарстане, Башкирии, других регионах Поволжья, странах Центральной Азии [3, стр. 170]. «При попустительстве органов власти некоторых субъектов Российской Федерации угрожающих масштабов достигла деятельность зарубежных исламских миссионеров, имеющих возможность под видом духовного просвещения манипулировать сознанием населения, вербовать и готовить из числа молодежи членов экстремистских групп» [30].

Парадокс информационно-идеологической и духовной экспансии зарубежного экстремизма состоит в том, что его «проводниками» и «воспреемниками» в России нередко являются структуры Российского ислама. Так, в начале XXI века глава Центрального духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин обвинил Совет муфтиев России в пособничестве радикальным исламским движениям. По мнению Центрального духовного управления мусульман России и Координационного центра мусульман Северного Кавказа, «Совет муфтиев России создавался при непосредственном участии зарубежных исламских центров и ответственен за проникновение в нашу страну ваххабизма» [15].

Российские мусульмане не отрицают, что в 80-90-е годы тесно взаимодействовали «со Всемирной исламской лигой, организацией Исламская конференция и другими организациями». По результатам взаимодействия был заключен договор с Исламским банком развития, который выделил 400 тысяч долларов на развитие ислама в России. «На эти деньги было начато строительство мечети «Кулшариф» в Казани, приобретены здания учебных заведений в Бугульме и Октябрьском, заложен фундамент комплекса мечети-медресе «Ляля-Тюльпан» в Уфе», принято «долевое участие в строительстве колледжа Московской соборной мечети» [15].

Зарубежные фонды также выделяли в начале 90-х гг. XX столетия денежные средства «на строительство двух десятков мечетей».

24 октября 2005 г. на расширенном заседании Комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам обсуждались вопросы «иностранного финансирование религиозных училищ и ряд других проблем, связанных с деятельностью религиозных экстремистов». С информацией выступил заместитель Генпрокурора РФ по Приволжскому федеральному округу С. Герасимов. «В последнее время вызывает заметное беспокойство вытеснение мирно настроенных религиозных служителей

мечетей радикально настроенными людьми, даже ваххабитами», – сказал он. Герасимов С. «обратил внимание на расширяющуюся в округе пропаганду фундаменталистского ислама. Особое внимание он обратил на деятельность религиозных училищ, в том числе исламских университетов, которые организуются и финансируются зарубежными государствами».

В развитие доклада член Совета Федерации от Нижегородской области Д. Бедняков доложил собравшимся, что в Нижнем Новгороде «открывается исламский университет, финансирование которого будет вестись из Саудовской Аравии». Как выяснилось в процессе обсуждения, подобного рода университеты уже действуют и в других регионах России.

Ислам радикального толка довольно активно распространяется по территории России. Как ни парадоксально, но при поддержке правящих структур регионов. Так, в декабре 2010 года «московские власти выделили участки под строительство в столице восьми мечетей». В России происходят мощнейшие процессы исламизации значительных территорий, ранее исконно русских и православных.Столь активная исламизация исконно русских и православных регионов начинает вызывать беспокойство у политиков, ученых и государственных деятелей России [6; 17; 19; 31].

Между тем, Кавказ и мусульманские регионы России всегда были объектом криминальной геополитики Турции, Персии, Англии, Франции, других государств. В свою очередь, Турция всегда была инструментом криминальной геополитики Запада, как англосаксонских, так и австро-германских сил в регионе проливов.

Современная публицистика и наука много говорят о Кавказской войне. Нынешние исследователи так и не смогли дать объективную научную оценку Кавказской войне. В оценке Кавказской войны есть одна особенность. По каким-то непонятным причинам, в состав и понятие «Кавказской войны» не входят русско-турецкие и русско-персидские войны, которые Россия вела с геополитическими противниками Кавказа и горских народов. В этих войнах Россия, прежде всего, объективно защищала горские этносы Кавказа от всех форм насилия со стороны Турции и Персии. Под Кавказской войной почему-то понимаются только вооруженные конфликты между горскими криминальными формированиями и вооруженными силами России.

На наш взгляд, Кавказскую войну необходимо рассматривать как конфликт славяно-православной и европейской цивилизаций и «дикости», «хищничества», набегового производства, как образа жизни горских народов (формулировки XIX века). Ибо криминал, «набеговое производство», был обычным образом жизни горских народов [19].

Вся «Кавказская война», начиная с Гази-Муллы и весь период построения имамата Шамиля, велась на основе мюридизма. С прекращением военной фазы Кавказской войны мюридизм перестал играть целеформирующую и организационно-объединяющую роль в мобилизации горского населения на борьбу с Россией [12].

Мы не случайно сказали об окончании военной фазы Кавказской войны. Кавказ перестал оказывать вооруженное сопротивление России. Но, Кавказ в целом не изменил своего агрессивно-негативного отношения к России и к русским. «Прошло сорок девять лет, как закончилась титаническая шестидесятилетняя борьба Руси с населявшими Кавказ народами и племенами», – *писал известный горский публицист Сефербий Сиюхов в 1913 году.* – …Но русские и горцы как-то еще не сблизились. Глядят друг на друга исподлобья, не улеглась у них еще окончательно вековая недоброжелательность, подозрительно следят за каждым шагом другого, в каждом движения подозревают злой умысел». [27]

Почему-то современные исследователи и политики не говорят о том, какую громадную цивилизаторскую деятельность вела Россия на Кавказе. Велось мощнейшее градостроительство: небольшие русские крепости периода Кавказской войны превращались в крупные города. Строились шоссейные и железные дороги. На смену саклям приходила русская жилищная архитектура. Развивались: сельское хозяйство, домашние промыслы, промышленность. Развивалась медицина [2]. В целом русская культура оказывала мощнейшее цивилизационное влияние на население Кавказа. «Русская культура, – *писал в 1912 г. горский просветитель С.И. Габиев,* – приведет… нас к более справедливой осмысленной жизни» [8]

Вот почему ни Гази-Мулла, ни Хамзат-бек, ни

даже имам Шамиль за двадцать пять лет войны не смогли поднять горские народы на антироссийское восстание. А весь «мятеж» был обычным набеговым производством, получившим идеологическое обоснование в форме идей ислама. Русские на Кавказе считались самым богатым племенем, вот на них и нападали.

После окончания Кавказской войны мир не воцарился на Кавказе. Продолжались межэтнические конфликты. К примеру, заполнение демографических пустот армянами из Турции, Персии, иных стран Центральной Азии и Ближнего Востока [11], привело к обострению взаимоотношений между армянами и азербайджанцами. В конечном счете, это вылилось в армяно-азербайджанскую резню, которая происходила в период с 6 по 10 февраля 1905 г., в Баку*. Вдобавок, армяне создали хорошо организованную террористическую сеть под руководством партии «Дашнакцутюн».

А это, в свою очередь, спровоцировало создание и деятельность террористических организаций на основе ислама. Мусульмане приступили к формированию террористических организаций не по этническому, а по религиозному принципу. Одной из таких организаций стал Кавказский Всемусульманский союз «Дфай» («Оборона»). Основной причиной создания Союза послужила экстремистская деятельность партии «Дашнакцутюн», направленная против азербайджанцев. Азербайджанцы выступили организаторами новой экстремистской партии. В течение августа – сентября 1906 года в Бакинской и Елисаветпольской губерниях была создана азербайджанская экстремистская организация, получившая название «Кавказского всемусульманского союза «Дфай» (Оборона). «Дфай» поставила перед собой две задачи: а) организация самозащиты мусульманского населения от действий террористов-дашнаков; б) противодействие русской администрации.

В качестве средства для достижения поставленных задач были провозглашены «просвещение и сила». Просвещение – это распространение экстремистских идей среди широких слоев мусульманского населения, а сила – это террор и военно-боевая работа партии.

«Дфай» приступила к политизации исламского населения. Была развернута мощнейшая информационно-пропагандистская работа. Среди мусульманского населения распространялись экстремистские идеи об исключительности мусульман. «Сознавая, что мусульманское население в большей своей части мало подготовлено для восприятия каких либо политических идей, руководители почти не касались политики и стремились приобрести пока среди населения влияние и только в этом направлении шла первоначальная работа к политической подготовке партии» [14, стр. 530].

При вовлечении мусульманского населения в экстремистскую деятельность лидеры «Дфая» совершили, на наш взгляд, ошибку. Они провозгласили классовый принцип формирования организации. В «Дфай» принимались лица, принадлежавшие к «среднему и низшему классам населения»: крестьяне, купцы, представители свободных профессий и др. «Доступ же в партию бекам и ханам, то есть представителям мусульманской аристократии, был затруднен и почти невозможен, так как последние признавались угнетателями народа, приверженцами русского правительства, не заслуживающими доверия» [14, стр. 530].

Видя усиливающийся классовый раскол в мусульманском обществе, ханы и беки в мае 1907 года организовали новую мусульманскую партию, «Мудафе» (Союз). В него вошли представители только привилегированных слоев населения.

В 1905 году в Баку возникла еще одна мусульманская экстремистская организация – «Иттифаг». Инициативное ядро организации составили члены «Боевой группы мусульманской социал-демократической партии «Гуммет» [9, стр. 42].В рассматриваемый период на территории Кавказа активно действовала международная мусульманская террористическая организация «Муджахиды». Ее подразделения действовали на территории Кавказа и Персии.

Одной из проблем горского населения было незнание русского языка. Как писал известный кавказский журналист Сефербий Сиюхов, «живем пятьдесят лет в подданстве России и не знаем русского языка» [26].

До сегодняшнего дня в политических и научных кругах России не затихает спор о процессах насильственной русификации мусульманского и горского населения. На наш взгляд, это полнейшее незнание и извращение истории.

Представители горской интеллектуальной элиты постоянно говорили о необходимости

изучения русского языка горцами. «Мы не имеем возможности воспринять от русских самые необходимые в сельскохозяйственной жизни элементарные знания, и здесь исключительным тормозом является незнание государственного языка» [26], – писал известный дореволюционный и советский горский ученый и публицист Сефербий Сиюхов. Тормозом же в распространении русского языка среди горского населения Северного Кавказа была слабая постановка и деятельность русских школ. Хотя, «русское правительство несколько раз предлагало материальную и нравственную помощь в постройке школ» [24, стр. 177].

Империя, присоединив горские народы, сделала попытку введения в горских школах преподавания русского языка. Однако, создание русских школ в горских аулах наталкивалось на нежелание населения открывать такие школы и отдавать туда своих детей. Горцы стремились сохранить свою «самобытность». Русские школы очень трудно приживались в горских аулах**.

Представители горской интеллигенции отмечали стремление России и русских на Кавказе реализовать «идеал всеобщего образования». «Русское общество стремится распространить образование на весь народ», – писал известный горский публицист С. Сиюхов в 1912 г. К этому времени для многих горских этносов русский язык стал языком межнационального общения. Наиболее активно изучению русского языка сопротивлялись черкесы. В связи с чем тот же С. Сиюхов требовал от России принудительно обучать черкесов русскому языку: «заставлять, но не предлагать». По мнению С. Сиюхова, русские были нравственно обязаны «принудить народности», входящие в состав России, к изучению русского языка, русской культуры [23].

Представители горской интеллигенции ставили вопросы о приобщении горцев к труду. Основная часть горских этносов на протяжении веков жила за счет «набегового производства», грабежей и разбоев. Вся Кавказская война, это борьба с набеговым производством. Прекращение Кавказской войны разрушило систему набегового производства, надо было работать. Но работать не умели, и не хотели. А это вело к нищете горских аулов. Сами горцы обращали внимание на трудолюбие русских крестьян и лень черкесов. «Когда сопоставишь черкесские аулы и русские хутора, делается очевидной лень и косность черкесов» [25].

На наш взгляд, нельзя однозначно относиться к оценке различных этносов. Для наиболее полного понимания этнических особенностей надо исходить из достижений современной расологии [16] и учения Г. Елинека о способности народов к самоорганизации [5, стр. 323-328].

Турция и Персия, проиграв сражения за Кавказ, продолжали считать Кавказ зоной своих геополитических интересов. В конце XIX века в Турции возникло новое этнополитическое движение, младотурки. С одной стороны, партия выдвигала ряд прогрессивных для Турции задач, в том числе, что «Турция способна к мирному прогрессу с сохранением особенностей своей цивилизации и, в частности, ислама». В конце XIX века на территории Турции происходили активные общественно – политические процессы. За рубежом, в частности, в Женеве, Париже, Лондоне, Александрии и Каире издавались 7 младотурецких органов, на французском, английском, арабском и турецком языках [34].

Одновременно младотурки принялись разрабатывать и распространять идеи этнополитического величия Турции. Не рискуя ввязываться в очередной военный конфликт, Турция и Персия сделали основной упор на распространении экстремистских идей среди мусульманского населения России, прежде всего, Кавказа и Поволжья. Они выступили с идеей оттоманизма, создания единой османской нации через принудительную тюркизацию славян и греков. В дальнейшем последователи Кемаля Ататюрка, кемалисты заменили идею оттоманизма на пантюркизм и пантуранизм. Среди мусульманского населения Российской империи стали распространяться идеи панисламизма.

Панисламизм, это «религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о том, что Ислам обеспечивает наднациональную и надклассовую общность его приверженцев и что политическое объединение мусульман под главенством Халифа важнее всех др. государственных и политических объединений», – гласит Большая Советская энциклопедия. Инициатором разработки идеи панисламизма в 70-х гг. XIX века стал турецкий просветитель Намык Кемаль. В последующем идея панисламизма получила развитие в работах Джамал ад-Дина аль Афгани. Основываясь на коранических положениях о братстве мусульман, о «необходимости

взаимопомощи между ними, выдвигалась идея политического объединения мусульманских стран под властью халифа». Халифом же являлся турецкий султан. Тем самым идея панисламизма была направлена на расширение политического влияния Турции [36].

Панисламизм стал внешней, обобщенной идей, укрывавшей собой «имперский турецко-тюркский национализм».

Турция разработала идеи панисламизма и сформулировала программу строительства «Великого Турана». Турция мечтала о реванше в борьбе за Кавказ. Для борьбы за Кавказ турки и персы объединили свои усилия. «Гяуры и не мечтают о том, что готовят им обновленные мусульманские государства. После того, как нам и персам удалось освободиться от тяготевшего над нами абсолютизма, наступило время подумать об объединении в одно политическое целое Турции и Персии. После же осуществления этого святого проекта остальные мусульманские государства безусловно пожелают добровольно войти в состав новой, великой мусульманской Империи. Вот когда мы вступим в борьбу с христианскими государствами, в особенности с проклятой Россией и отомстим ей за все поражения и за все унижения» [7, стр. 141об.].

Таким образом, Турция испытывала к России и к русским этнополитическую и религиозную ненависть.

Причем, панисламизм распространялся не только на территории России. Панисламизм распространялся на те государства, население которых исповедовало ислам. Тем самым Турция стремилась взять под контроль население целого ряда суверенных государств. Так, в ведение Департамента полиции попала переписка Секретаря Турецкого Султана, почетного флигель-адьютанта, полковника Исмаила Хакки, с одним из лидеров панисламистского движения на территории Российской Империи. Секретарь писал, что «уже в Индостане, Африке, Афганистане, Кавказе и во всем свете истинный панисламизм пробудился и готов восстать каждый против своего правительства гяуров.

Милостию Бога и молитвами нашего пророка Великий Аллах спасет всех верных магометан от тирании гяуров и мы развернем знамя пророка, знамя справедливости и истины, под которое каждый верный мусульманин обязан придти как и всякий, кто желает прийти в рай вечности». Таким образом, с использованием идей панисламизма Турция готовилась к ведению, практически, мировой войны за свое господство. А потому высокопоставленный турок ставил конкретные задачи сторонникам панисламизма.

«Продолжайте под большим секретом ваши сношения с мусульманскими странами…, и продолжайте в мечетях, медресах, подворьях у хаджей и именитых лиц ваши совещания, так, чтобы гяуры ничего не понимали...» [7, стр. 142].

Сформулировав задачу построения «Великого Турана», Турция вела агитацию среди населения иностранных государств, объектов будущей турецкой экспансии. Мусульманское население подстрекалось и готовилось к силовым антигосударственным выступлениям. Населению давались прямые установки на подготовку антигосударственного восстания. «Чтобы вести войну, нужно обеспечить себя оружием, – последнего у нас нет. ... Прошу постараться, по силе возможности, запастись оружием и старайтесь иметь револьверы, кинжалы, в особенности винтовки русских солдат».

Обратим внимание на соотношение турецких желаний и возможностей. Подстрекая подданных России к войне в интересах Турции, турки требуют от своих потенциальных сторонников самостоятельно вооружаться.

«Настанет время, когда Россию настигнет бедствие, тогда мы, пользуясь случаем, единовременно сделаем общее нападение на проклятую Русь», – говорилось в воззваниях.

Проиграв все войны с Россией, Турция сделала попытку объединить население ряда государств, исповедовавших ислам, к нападению на Русь.

В 1907 году в Тегеране была издана работа «Воззвание ислама», в которой излагалось учение о «Культе Отечества». Это «Воззвание» стало целеформирующей идеей. Суть этого учения состояла в том, что Отечество, как обосновывалось в сочинении, есть только у тех мусульман, которые проживают на территориях Персии и Турции. Как считали авторы сочинения, у мусульман, проживавших на территории Российской империи, Отечества не было. Культ Отечества является составной частью исламской веры, «но так как многие миллионы мусульман не имеют своего Отечества, то, естественно, они должны стремиться к слиянию с другими мусульманами, у которых есть Отечество».

Желая приобрести Отечество, мусульмане России должны были присоединиться к Турции и Персии. Причем не просто присоединиться душой, а присоединиться с теми землями, на которых проживали. Таким образом, сами российские мусульмане мало интересовали идеологов панисламизма: им просто нужны были территории Российской империи.

Таким образом, по своим территориально-политическим истокам панисламизм, как и мюридизм, был зарубежной идеей. Панисламизм, как идеологическое учение возник за пределами Российской империи. А это служит еще одним подтверждением того, что в Российской империи не было социально-политических, экономических, религиозных и иных предпосылок для возникновения экстремистских идей, агрессии либо необходимой обороны. Все экстремистские идеи антироссийской агрессии зарождались за рубежом: в Западной Европе (Свободы, равенства, братства; о праве народов на самоопределение, социализма, коммунизма и др.); в Турции (панисламизма) и др.

Панисламистская идея обосновывала необходимость объединения в одно государство территорий с полинациональным населением, исповедующим ислам. «Главный принцип, – *писал Департамент полиции МВД Российской империи,* – около которого в настоящее время сосредоточивается панисламистское движение, который, так сказать, составляет его душу, те идеи, которыми вдохновляются его агитаторы и которые они усиливаются привить сознанию народной массы мусульман, – это объединение всего мусульманского мира под эгидой Турции, вплоть до образования всетюрской республики» [7, стр. 134об].

По сути дела, идея панисламизма была направлена на расширение сферы геополитического влияния Турции за счет исламского населения Поволжья, Кавказа и Крыма России. К этому времени Оттоманская империя, как мировая держава, значительно ослабла; но идеи былого величия не давали покоя туркам. Прежняя Оттоманская империя создавалась на протяжении длительного времени, силой оружия. В новых условиях Турция не могла стремиться к созданию новой империи силой оружия: «оружейный потенциал» окружавших государств был неизмеримо выше. Все войны с Россией для Турции неизменно заканчивались поражением. Идея же должна была взбудоражить значительные слои мусульманского населения, выработать у них мотивы разрушения формы правления и формы государственного устройство на территориях Российской империи. Предполагавшееся турками восстание мусульманского населения на территории Крыма, Кавказа и Поволжья могло сильно ослабить Российскую империи.

Одним словом: турки мечтали.

Генераторами панисламистской идеи являлись младотурецкие круги в самой Турции, выдвигавшие задачу создания новой турецкой империи. Панисламизм как организационно-объединяющая и целеформирующая идея носил мощный ориентированный характер. Панисламизм был ориентирован на мусульманское население Российской империи. Не победив Россию силой оружия, проиграв ей многочисленные сражения, Турция стремилась разложить империю изнутри, за счет развития антигосударственного терроризма.

Ориентированное распространение идей панисламизма действительно оказывало возбуждающее, эксцитативное воздействие на мусульманское население. «Среди мусульманского населения Империи..., – *указывалось в аналитических документах Департамента полиции,* – замечается явное брожение, возникшее на почве идей так называемого панисламизма, фанатического движения, всемерно поддерживаемого младотурецкими и младоперсидскими комитетами, получая в России особо сильное распространение. Оно ныне замечается в сильной степени на Кавказе, в Крыму, в Волжско-Камском районе и других местах Империи. Баку, Казань, Оренбург и Елисаветполь, – в особенности, всецело в руках младотурок и большая часть интеллигенции только и говорит о партии «Единения и Прогресса» [7, стр. 134].

В данном случае Департамент полиции назвал практически все территории империи, на которых проживало мусульманское население Российской империи. Таким образом, ориентированное распространение экстремистской идеи повышало уровень ее востребованности. И превращало панисламизм в организационно-объединяющую и целеформирующую идею.

Мусульманское население России отличалось значительным этническим разнообразием. Ислам исповедовало население Поволжья, Кавказа, Крыма. Население это говорило на разных языках, обладало разным уровнем грамотности, культуры, разным историческим опытом

совместного проживания с другими народами. Поэтому, на наш взгляд, заслуживает внимания сам механизм принудительного инъекцирования совершенно разных этносов зарубежными экстремистскими идеями религиозного величия, религиозной исключительности.

В Российской империи для распространения экстремистских идей революционно-террористические организации, политические, этнические, националистические, религиозные и иные активно создавали базовые центры. Базовый центр, это здание или помещение, в котором проводятся работы по распространению экстремистских идей среди различных слоев населения. В качестве базовых центров, чаще всего, использовались уже действующие государственные (учебные) либо религиозные (католические храмы, мечети) заведения. В них, по их назначению, концентрировались значительные группы населения, которые вольно или невольно становились объектом инъекцирования экстремистскими идеями.

Основными базовыми центрами распространения учения о культе Отечества и панисламизма стали мечети.

Каждая религия обладает рядом признаков, повышающих ее роль в работе с населением. Прежде всего, имеется официальная идея, изложенная в «Кодексе веры», Библии или Коране. Каждая религия имеет своих штатных идеологов, хорошо знающих «Кодекс веры» и целенаправленно работающих с прихожанами. Каждая религия имеет свои базовые центры для работы с прихожанами: церкви, приходы, мечети. Каждая религия имеет своих последователей, прихожан, которые целенаправленно посещают свои идеологические центры.

К началу XX века в местах проживания омусульманенных народов было построено значительное количество мечетей, как религиозных идеологических центров. Каждый мулла выступал как идеологический и духовный вождь для той части населения, которая была «приписана» к мечети. Никто не запрещал муллам, наряду с толкованием Корана, пропагандировать идеи панисламизма и Культа Отечества. «Занимая в деревне известное положение, – писал о муллах Департамент полиции, – они всегда могут вести среди мусульман пропаганду идей панисламизма...».

В распространении и пропаганде классического ислама в этот период была одна особенность: низкий образовательный и духовный уровень исламских религиозных деятелей, особенно на Кавказе. Низкий уровень подготовки кадров мулл вел к тому, что они не только сами не понимали содержания Корана, но и были не в состоянии комментировать его нормы во время службы. «Если наши мусульмане и застыли на точке неподвижности и с «философским» равнодушием взирают на образование и культуру, – писал горский публицист, – то этим они обязаны муллам, этим истым обскурантам. Они в течении веков воспитывали народ не на Коране, а на его толковании. Муллы не отличают чистой религии от фантастических измышлений непризнанных толкователей – «философов», поэтому они, естественно, и ударились в схоластику, буквоедство, все свое внимание сосредоточили на внешней стороне религии, на ее обрядах. Сколько непонятных мыслей в уродливом виде преподносится народной массе...» [24].

Одной из причин высокого уровня влияния и бесконтрольности за деятельностью кавказских мул было несовершенство чисто церковной структуры управления. В Закавказье и на Северном Кавказе отсутствовали централизованные органы руководства мусульманскими духовными центрами и соответственно, контроля за муллами. Существенным недостатком в организации религиозной жизни было то, что высший исламский орган, муфтият, находился не на Кавказе, а в Оренбурге. В результате отдаленности организационно-контрольные функции Оренбургского муфтията были значительно ослаблены. Это создавало определенные сложности во взаимоотношениях местных мулл и органов власти. «Сама администрация в нужных случаях не знает, к кому надлежит обращаться, к муфтию закавказскому или оренбургскому и неоднократно бывали случаи, что лица, имеющие удостоверение на право занятия должности сельского муллы от Оренбургского муфтиата направлялись администрацией к закавказскому муфтию для выдержания новых испытаний» [32, стр. 153].

Анализ документов Департамента полиции рассматриваемого периода позволяет выделить отдельные формы подстрекательской деятельности исламских религиозных деятелей.

а) распространение подстрекательских призывов со ссылкой на Коран.

Проводя работу с населением, муллы нередко,

со ссылкой на Коран, обосновывали необходимость борьбы с неверными. Они внушали прихожанам идеи «культа Отечества», служения интересам Турции и Персии. Тем самым они формировали у правоверных цели и мотивы криминальных действий против государства. А это значительно повышало влияние экстремистских призывов.

б) создание учебных заведений с нарушением установленных правил; подготовка в них пропагандистов-подстрекателей.

Иерархи ислама много уделяли внимания созданию учебных заведений: медрессе и мектебе. Для открытия школ существовали соответствующие правовые акты. Одновременно с открытием учебных заведений устанавливался и контроль за методикой и содержанием преподавания. Нередко исламские религиозные деятели стремились, в нарушение законодательства империи, не допускать контроля за содержанием учебного процесса со стороны официальных властей. Это давало возможность обучать и воспитывать учащихся в духе панисламизма, готовить из них пропагандистов-подстрекателей, исполнителей террористических актов. К примеру, в 1907 году одним из мулл Казани «были открыты в Казани при его медресе, без разрешения учебного начальства, высшие курсы для шакирдов, мугаллимов и татарских учителей, чтобы подготовить последних к более успешному усвоению программы союза «Бреги» [7, стр. 139об].

в) проведение националистической антирусской пропаганды среди мусульманского населения.

Значительная часть мулл во время «богослужения» проповедовала идеи политического, этнонационального и религиозного экстремизма. Стремясь к усилению позиций ислама, они вели борьбу не с православием, как с соперничающей и государствообъединяющей религией, а с этносами, его исповедующими. Поэтому основной упор в пропаганде идей панисламизма муллы направили против русских. Например, в Вятской губернии в целом ряде уездов руководителями националистической антирусской пропаганды являлись два брата – муллы. Незадолго до этого оба брата побывали в Константинополе, где прошли идеологическую обработку. Здесь они стали членами экстремистского объединения «Единение и Прогресс». Возвратившись в Россию, братья-муллы начали проповедовать этнорелигиозный национализм, объектом дискредитации которого стали русские.

г) участие мулл в организационных мероприятиях политического характера.

Панисламизм, будучи организационно-объединяющей идеей, формировал вполне определенную политическую цель, разрушение Российской империи. И поэтому, естественно, что исламские религиозные деятели, проповедуя панисламизм, тесно взаимодействовали с чисто политическими, экстремистскими организациями, чья деятельность была направлена на разрушение самодержавия.

Формы и методы работы исламских религиозных деятелей нередко выходили за рамки служения исламу. В соответствии с духом времени, муллы создавали политические объединения, которые проповедовали уже не религиозные, а чисто политические экстремистские идеи. Тем самым исламские религиозные деятели выходили за функциональные рамки религии и превращались в политических экстремистов.

К примеру, в Казани в 1905 году муллы сформировали экстремистское общественное объединение, союз «Ислах», который стал пропагандировать экстремистские политические идеи среди местного населения. Как отмечалось в аналитических материалах Департамента полиции: «союз «Ислах» имел в виду главным образом распространение революционных идей среди мусульман» [7, стр. 139].

Организационное ядро «Ислаха», кроме мулл, составили их воспитанники, ученики татарских школ «медрессе» – шакирды и мугаллимы.

Участие исламских религиозных деятелей в политическом экстремистском движении особенно активизировалось в период гражданской войны (революции) 1905-1907 гг. В этот период религиозные лидеры ислама создавали политические объединения, которые действовали как организационно-подготовительные базовые центры. В качестве одного из таких центров можно рассмотреть союз «Бреги» (Объединение), созданный в 1907 году в Казани. «Задача союза «Бреги» заключалась в том, чтобы подготовить из шакирдов лиц, вполне подготовленных для политической пропаганды и этим создать общественную силу для борьбы с самодержавием» [7, стр. 139], – отмечалось в документах Департамента полиции.

Для пропаганды идей панисламизма активно использовались исламские учебные заведения, медресе и мектебе.

Медресе, это высшая исламская школа. Применительно к православию, это семинария. Медресе готовили исламских религиозных деятелей, мулл, как специалистов по духовно-идеологической работе с населением. Работа с учащимися медресе представляла значительный интерес для панисламистов. Им не надо было создавать дополнительные организационно-пропагандистские центры, достаточно было переориентировать имеющиеся на пропаганду панисламизма и радикального ислама. Высокий уровень эффективности такой работы заключался в том, что в медресе обучались люди, которые затем должны были нести исламские идеи в массы. Эти люди изначально обучались методам идеологической работы с населением. И дополнительная работа с учащимися медресе, насыщение их панисламистскими идеями, давала возможность готовить кадры пропагандистов панисламистских идей. «В среде мусульман, проживающих в пределах России, панисламисты ведут с большой энергией устную пропаганду и при этом главное свое внимание сосредоточивают на высших мусульманских школах-медрессе» [7, стр. 135], – говорилось в документах Департамента полиции.

Механизм внедрения панисламистов в работу медресе, и последующей переориентации медресе на подготовку проповедников панисламизма из числа исламских религиозных деятелей заслуживает отдельного внимания.

Каждая медресе имела свой попечительский совет, в состав которого входили богатые мусульмане. Панисламисты, внедряясь в попечительский совет, начинали оказывать влияние на организацию учебного процесса. «Панисламисты, обыкновенно, начинают распоряжаться «медресе» по своему усмотрению, заводя новые порядки» [7, стр. 135], – отмечал Департамент полиции. Выражалось это в следующих формах.

а) замена административного персонала и преподавательского состава медресе.

Основная часть руководителей и преподавателей медресе выступали против панисламизации учебных заведений. Они отстаивали принципы служения классическому исламу, без его радикализации. Поэтому панисламисты направляли свои усилия на изгнание из учебных заведений руководителей и преподавателей, не поддерживающих идеи панисламизма. В таких случаях во главе учебных заведений ставились сторонники панисламизма, нередко не имевшие представления об исламе. Чаще всего это были члены различных политических фракций, типа «младо татар». Вместо знатоков ислама, преподавателей – «хальфе», назначались мугалимы, члены панисламистских объединений. В результате учебный процесс в медресе превращался в пропаганду идей панисламизма.

Так, в Казани, в медресе: Галаевском, Апанаевском и Ашерхановском была произведена замена преподавателей. Нередко на должности преподавателей вообще назначали иностранцев, турок. А преподаватели, турки, естественно, пропагандировали среди учащихся идеи панисламизма, популяризировали историю Турции.

В Астрахани действовала школа, в которой «все преподавание велось на татарском языке учителями, выписанными из Турции, которые воспитывали в своих учениках симпатии к Турции и чувство преданности идее панисламизма», – говорилось в документах Департамента полиции***.

б) внесение изменений и дополнений в учебную программу.

Классическое обучение исламу в медресе велось с использованием арабских учебников. Поэтому учащиеся должны были выучить очень сложный для местного населения арабский язык. Сложность изучения иностранного языка заключалась в том, что он не являлся языком общения, а использовался только для изучения и чтения Корана. Вдобавок ко всему успехи в усвоении арабского языка служили мерилом интеллекта: не все обучающиеся могли его выучить.

Во многих местах, например, в Волго-Камском районе, панисламисты отказались от использования в учебном процессе арабского языка. Вместо него вводился татарский язык. Арабские учебники заменялись литературой на татарском языке. С одной стороны, это повышало демократизм обучения. Но, с другой стороны учащиеся отходили от классического языка Корана, не могли читать текст в подлиннике. Заодно значительно понижался образовательный уровень учащихся. Нередко в медресе поставлялась литература не религиозного, а политического содержания, значительная часть которой издавалась в Турции.

Вносились изменения в учебные программы, менялся перечень преподаваемых предметов. Кроме обязательных, вводились дополнительные предметы, позволявшие политизировать учебный процесс.

в) ограничение применения в процессе преподавания русского языка.

Русский язык играл значительную роль в жизни мусульман. В условиях полиэтнического состава населения русский язык объективно становился языком общения между разнообразными племенами. Вдобавок ко всему, знание русского языка значительно повышало миграционные возможности мусульман, давая им возможность выезжать за пределы аулов и улусов. Характеризуя необходимость изучения русского языка, один из черкесских авторов писал: «В практической жизни черкесы в сильной степени нуждаются в знании русского языка и грамоты, нуждаются до боли, до крика» [24].

Но панисламисты, турки и персы боялись русского языка. Русский язык вырабатывал интернациональное общение, значительно расширял кругозор населения, приобщал мусульманское население к русской культуре. В конечном счете, хорошее знание русского языка и межэтническое общение с русскими значительно снижало уровень агрессивности мусульманского населения по отношению к русским. Вот почему панисламисты стремились ограничить использование русского языка в обучении и общении. Тем самым учащиеся погружались в особую языковую среду, которая значительно сужала мировоззренческий уровень.

г) военизация учебных заведений.

Медресе, как духовные учебные заведения, должны были готовить кадры исламских религиозных деятелей для мечетей. Но панисламисты рассматривали возможности медресе значительно шире. Получив возможность формировать кадры обучающихся и воздействовать на уровень их подготовки, панисламисты стали проводить военизацию учебных заведений. Это выражалось во введении в учебные программы новых предметов, таких, как военная гимнастика. Учащимся менялась даже форма одежды. Вместо гражданской, они переодевались в турецкую военную форму, которая поставлялась из Турции. Тем самым они приучались к ношению военной формы враждебного России государства. А это значит, что уже на уровне обучения в медресе они готовились к участию в военной деятельности против своего государства.

д) направление учащихся медресе для дополнительного образования в Турцию.

Медресе, кроме подготовки идеологов-панисламистов, использовались, как организационно-отборочные центры для вербовки молодежи. Учителя-муталлибы, среди которых было много сотрудников Турецкой спецслужбы, изучали учащихся в процессе обучения. Тех, кто хорошо усваивал панисламистские идеи, идеи о величии Турции, ее ведущей роли в исламском мире, демонстрировал высокие показатели в освоении военных дисциплин, направляли для дальнейшего обучения непосредственно в Турцию, в Константинополь, в Аравию (Мекку и Медину), в Египет (Каир). Так, по сведениям Департамента полиции, только в одном Бугульминское уезде Самарской губернии, более половина населения которого состояла из мусульман, «большинство имамов... получили образование в Турции, в Аравии..., в Египте, в Оренбурге, в Уфе и других крупных мусульманских центрах».

Департамент полиции не обладал информацией о том, к выполнению каких задач готовилась российская молодежь в зарубежных учебных заведениях.

Наряду с медресе, панисламисты уделяли самое пристальное внимание и работе в «мектебе».

Мектебе – это школы при мечетях, по типу церковно-приходских школ при православных приходах. В горских поселках Закавказья и Северного Кавказа, на территориях Волго-Камского региона и других, мектебе нередко являлись единственными учебными заведениями для обучения подростков и молодежи.

Россия, присоединяя территории с мусульманским населением, застала многие народы на том уровне культурного развития, когда они не имели своей письменности. Поэтому вызывает недоумение позиция некоторых авторов, утверждающих, что «…Царизм на Тереке подавлял развитие национальной культуры. Государственным языком в национальных округах области был объявлен русский; в немногочисленных школах преподавание велось на русском языке. В результате всего этого большинство горских народов области при царизме не имели своей письменности» [4, стр. 21].

Как будто это вина царизма, что горские народы не имели своей письменности до вхождения в состав империи.

Примечетные мусульманские школы, мектебе, также попали в поле зрения исламских экстремистов. Исламские экстремисты рассматривали школы как готовые базовые центры по пропаганде исламских экстремистских идей. «Образцовыми мусульманскими школами славится Бугульминский уезд Самарской губернии, – отмечалось в аналитических материалах полиции, – более половины населения коего состоит из мусульман. В виду этого панисламисты обратили на этот уезд самое зоркое внимание и направили все усилия к тому, чтобы мусульманские школы перешли в самые надежные руки националистов-мугаллимов и имамов, преданных делу объединения мусульман» [7, стр. 136об].

Панисламисты в школах-мектебе, приступили к замене преподавателей. Они отстраняли преподавателей, обучавших детей классическому исламу. А это значит, что идеи панисламизма воспринимались не всеми муллами. Вместо мулл панисламисты назначали на должности учителей мугаллимов. По своему социальному положению учителя обладали большим влиянием на местное исламское население. «Последние, – отмечалось в документах Департамента полиции, – занимая в деревне известное положение, всегда могут вести среди мусульман пропаганду идей панисламизма» [7, стр. 136].

Среди новых преподавателей мектебе нередко были лица, ранее судимые за различные преступления. Так, в городе Чистополе Казанской губернии преподавателем мектебе состоял бывший мулла, отбывший тюремное наказание за совершенное преступление. «В Чистопольском и Лаишевском уездах этой губернии таких школ, где преподавателями состоят также лица, сочувствующие панисламизму, – несколько», – отмечалось в материалах полиции.

При низком уровне грамотности местного населения практически все образование в школах при мечетях и в аулах сводилось к изучению Корана. Правительственные школы в мусульманских поселениях авторитетом не пользовались: учителя не знали местного языка, а местные жители не владели русским. Поэтому все подрастающее поколение начинало обучение в своих местных школах. «Невежественное горское мусульманское население в крае... предоставлено самому себе и слушает только своих хаджи, кадиев и муфтиев, пропагандирующих среди них панисламизм. Фанатики в религиозном отношении, они всецело находятся в руках этих муфтий и кадий. Вся жизнь, обычаи, нравы, суд, одним словом – все основано на религиозном воззрении» [7, стр. 144] – отмечалось в документах Департамента полиции Российской Империи.

Не удовлетворяясь контролем за мектебе и медресе, панисламисты создавали свои, чисто мусульманские школы. По закону, открыть новые мектебе можно было при условии преподавания в них русского языка. Но русский язык обладал значительным воспитательным и профилактическим влиянием на местное мусульманское население. Поэтому панисламисты стремились создавать мусульманские школы без преподавания в них русского языка. Тем самым панисламисты стремились к языковой изоляции несовершеннолетнего мусульманского населения. А это повышало эффективность идеологического воздействия на несовершеннолетних и выработки у них криминальной мотивации.

При выработке идей национального величия активно использовался механизм экстремизации исторической памяти, возбуждения ненависти к иным этносам, прежде всего, к русским. Для этого в учебных заведениях, медрессе и мектебе, преподавались чисто светские дисциплины: история татарской нации; история всего мусульманства и др. При этом делался упор на страницы былого величия этносов, на пробуждение у них чувства национальной гордости за принадлежность к данному этносу и неприязни к другим народам. На таком «фоне» было легче вырабатывать мотивы силовых выступлений против других народов, вовлечения их в антигосударственный террор****.

Заинтересованность государств – Турции и Персии – в развитии религиозно этнического терроризма на территории России привела к тому, что подстрекательская деятельность велась планомерно и организованно. Основную работу по распространению подстрекательских идей проводили турецкие эмиссары, нелегально проникавшие на территорию мусульманских регионов Российской Империи.

Сотрудники турецких спецслужб хорошо понимали, что ведут антигосударственную

деятельность на территории суверенного государства. Поэтому такая работа велась с соблюдением мер конспирации. Соответственно, турецкие подстрекатели проникали в горные аулы для пропаганды панисламизма под видом певцов, дервишей, рассказчиков. Категория подстрекателей заслуживает особого внимания.

При значительном уровне неграмотности горского населения певцы и рассказчики были лучшими пропагандистами-подстрекателями. Способ устного рассказа, стиха и песни начали активно использовать еще русские народники на начальной стадии революционного движения, в 70-е годы XX столетия. В стихотворной форме или в форме устного рассказа происходила контактная передача субъекту инъекцирования необходимой информации. Ценность такой передачи заключалась в том, что информатор мог регулировать и контролировать процесс передачи, в зависимости от уровня подготовки аудитории, реакции объекта. Тем самым повышалась ориентированность информации на конкретную аудиторию. В то же время обеспечивалась безопасность подстрекателей. Они в открытую не призывали к свержению самодержавия, к восстаниям. Это делалось в завуалированной форме, песни и рассказа.

Отдельно необходимо остановиться на характеристике дервишей. Дервиши были странствующей монашеской кастой ислама, и по своему социальному положению пользовались уважением в мусульманской среде. При проведении подстрекательской работы они опирались на суры Корана. В этом случае, во-первых, среди горского населения усиливались позиции ислама; во-вторых, со ссылкой на авторитет религии и Корана распространялась подстрекательская информация и вырабатывались мотивы криминальной деятельности, направленной против государства.

Перечисленные подстрекатели и агитаторы в своей информационной деятельности делали упор на следующие моменты:

а) обращали внимание инъекцируемой аудитории на падение религиозности среди мусульманского населения, на нарушение ими Корана, предупреждали об ответственности перед Аллахом. В то же время горцы как бы освобождались от чувства вины, так как их грех объяснялся чисто объективными причинами: нахождением мусульман в подданстве Русского государства. А Россия, дескать, враждебно относится к мусульманскому населению. Тем самым указывался виновник мусульманского грехопадения и путь очищения грешных душ – выступление против России.

б) активно использовался механизм экстремизации исторической памяти мусульманских народов. Популяризировалась история мусульманских стран, когда мусульмане «владели миром». Указывались пути восстановления былого величия – объединение мусульман в единое государство под руководством Турции. «Целые десятки дервишей-пропагандистов, специально командированных Турецким Султаном для пропаганды объединения, проживали среди мусульман России, ежедневно проповедуя в мечетях идеи о захвате мусульманами всего человечества и о будущем торжестве Ислама» [7, стр. 146об]. Тем самым воспитывалось чувство принадлежности аудитории к былому величию мусульман, вырабатывалось чувство горечи и обиды за нынешнее положение, за утрату былого величия и указывался выход – борьба с гяурами.

в) пропагандировалась особая миссия Турции и Персии как источников духовного и экономического процветания и как пример подражания для истинных мусульман. «Все симпатии мусульман Северного Кавказа и Закавказья на стороне Турции и Персии, как государств единоверческих, с которыми они мечтают соединиться при первом удобном случае,» [7, стр. 143об] – отмечалось в документах Департамента полиции.

Как отмечал Департамент полиции: «в Кабарде, Чечне, Осетии и Дагестане бродят эмиссары и хотя пока особенным успехом не пользуются, но нельзя поручиться за то, что при первой возможности и при малейшем поводе не произойдет среди мусульман на почве панисламизма нежелательного движения чисто политического характера...» [7, стр. 143об].

Воспитание исламистами особой ненависти к России современники объясняли возрастающим влиянием русской культуры среди мусульман. «Рука об руку, медленно, но спокойным шагом, – писал один из мусульманских публицистов, – идет мусульманское духовенство все вперед и вперед, ежедневно продолжая пропаганду о будущем величии мусульманского мира. Движение это становится еще более грозным потому, что оно на вид незаметно, никто не

может сказать, что делается, так как ни один правоверный не согласится выдать эту тайну».

По мнению автора, только русская культура, проникающая в массы мусульманского населения, несет угрозу панисламизму. «Чем ниже будет падать авторитет мусульманского духовенства, чем больше будет распространяться русская цивилизация среди невежественных мусульман, – тем скорее разрушится идея панисламизма» [7, стр. 146].

В распространении этнического экстремизма в империи есть одна особенность. Многие народы, исповедовавшие ислам, на момент включения в состав Российской империи находились на очень низкой ступени развития. Не было письменности, образования, медицины, был примитивный, первобытный образ жизни. Отдельные этносы, находясь в составе России, просто не хотели приобщаться к цивилизации. К примеру, о черкесах С. Сиюхов писал так: «необъяснимо то равнодушие черкесов к образованию, к школе, которое наблюдается. Уже истекает полустолетие, как они живут в подданстве России, но мало на них отразились культура и образование» [22]. И далее: «в то время как для всех народов школа, образование, просвещение являются предметами первостепенной важности, черкесы их положительно игнорируют… Как посмотришь вокруг – так одна тьма, тьма и только тьма…» [28].

Казалось бы, в таких условиях этнос должен испытывать благодарность к тому народу, который нес для него благополучие и цивилизацию. Получалось же наоборот. Мусульмане с готовностью воспринимали экстремистские идеи, направленные на разрушение России. Причем, в первых рядах этноразрушителей шли представители наиболее образованных слоев населения, получивших образование именно в русских учебных заведениях.

Сторонники панисламизма стремились создавать общественные объединения для работы в массах. Причем, нередко общественные объединения, которые создавались с прогрессивной целью, затем переориентировались на решение экстремистских задач. Так, в 1907 году в Дагестане под покровительством самого Наместника Кавказа было зарегистрировано «Просветительное Мусульманское Общество». Уставная цель объединения – культурно-просветительная работа с мусульманами. На самом же деле руководители объединения проводили политику «объединения всех магометанских племен Дагестанской области» [7, стр. 144об].

Это, объединения Российского происхождения. Но на территории империи активно действовали и те объединения, центры управления которых находились за рубежом. К примеру, Персидское объединение, носившее название «Единение и Прогресс», имело своих сторонников среди мусульман России и активно распространяло подстрекательскую литературу. В одной из прокламаций объединения говорилось: «Во имя мучеников из-за родины в центральном Кавказе. Братья, земляки, время помощи... просят всех, мужественных и преданных молодых людей горячо стремиться к ниспровержению и уничтожению корня настоящего, проклятого и презренного деспотизма, и, взяв на себя молодую и горячую инициативу, отыскать на Кавказе издающую настоящее объявление святую партию «Магомедие», физически и духовно соединиться с нею и уничтожить деспотов и деспотизм. Этим они окажут великую услугу человечеству и Исламу и послужат причиной воскресения нации».

В рассматриваемый период на территории Кавказа активно действовала «зарубежная мусульманская революционно-террористическая организация «Муджахиды». Несмотря на то, что изначально организация была создана в Персии «для подержания революционного движения в Персии и воздействия террором на представителей персидского правительства», руководящий центр партии, Центральный Комитет, находился на Кавказе.

В 1905 году в Баку была создана мусульманская террористическая организация «Иттифаг». «Иттифаг» объявил себя мусульманской эсеровской партией, следуя примеру партии Дашнакцутюн...» [9, стр. 42].

Было бы неверным обвинять все интеллектуальные слои мусульманского населения в поддержке экстремистских религиозно-политических учений. Мусульманская интеллигенция занимала довольно активные позиции в противодействии экстремизму. Высокий уровень образования позволял лицам этой социальной группы лучше ориентироваться в политических целях панисламизма. Эту группу можно отнести к инициативному субъекту контрпропаганды. Хорошо понимая истинную подоплеку

панисламизма, мусульманская интеллигенция активно выступала против распространения идей панисламизма, за усиление русской культуры среди мусульман. «Лучшая часть мусульманской интеллигенции, – *говорилось в одной из публикаций,* – будет отныне стремиться к искоренению миража пресловутого панисламизма, чтобы возродить мусульман не на почве глупых религиозных абсурдов, а на почве любви и прогресса и приобщит их к братьям-европейцам для мирной жизни» [9, стр. 146].

Таким образом, на стыке XIX и XX веков на территории России был отработан мощнейший механизм радикализации широких слоев мусульманского населения на основе панисламизма. Этот исторический опыт во многом используется и современными зарубежными центрами распространения радикального ислама.

Примечания

* Как отмечалось в Памятной записке Кутаисского губернского предводителя дворянства князя С.Д. Церетели на имя Министра внутренних дел, поданной в феврале 1905 г. [18], массовые беспорядки «сопровождались массовыми убийствами, поджогами, грабежами и обнаружили такие проявления зверства и жестокости, на которые способна только разбушевавшаяся и ничем не сдерживаемая толпа. За эти дни было убито 269 человек, …ранено 220 человек».

** В июне 2015 г. в Чечне, Ингушетии, Дагестане, других республиках Северного Кавказа специалисты Министерства образования обратили внимание на плохое знание школьниками русского языка. А незнание русского языка ведет к тому, что ученикам плохо даются и другие предметы. В частности, ученики не понимают условий математических задач.

***По такой же схеме представители радикального ислама действовали в России и в начале XXI века. Так, Верховный муфтий Шейхуль-Ислам Талгат Таджуддин сетовал в апреле 2001 г., что в Татарстане «последние три года шло активное насаждение ваххабизма: традиционное духовенство снималось с должностей, а во всех учебных заведениях – и в Казани, и в Нижнекамске, и в Набережных Челнах – преподавали иностранные наставники» [35].

****Экстремизация исторической памяти народов представляет опасность и в современных условиях. Как отмечалось в материалах Государственной Думы, посвященным событиям на Северном Кавказе, «историческая безграмотность большинства политиков приводит к тому, что нельзя до сих пор никаким образом решить некоторые проблемы развития национальных отношений на Северном Кавказе». Вот почему применительно к Северному Кавказу ведущие политики России призывают сохранять уважение к исторической памяти.

Список литературы

1. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
2. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М.: Наука, 1965. - 389 с.
3. Голубчиков Ю.Н., Мнацаканян Р.П. Исламизация России. Тревожные сценарии будущего. – М.: Вече, 2005. - 416 с.
4. Джанаев А.К. Народы Терека в Российской революции 1905-1907 гг. – Орджоникидзе: Ир, 1988. - 314 с.
5. Елинек Г. Общее учение о государства / Под ред. В.М. Гессена и Л.В. Шалланда. – СПб., 1903.
6. Ефимов И.М. Грядущий Аттила. Прошлое, настоящее и будущее международного терроризма. – СПб.: Азбука, 2008. - 368 с.
7. Записки по истории революционного движения. Для курсов при штабе Корпуса Жандармов. – С. Петербург. 1909.
8. Заря Дагестана. – 1912. – № 2.
9. Из прошлого. Статьи и воспоминания из истории Бакинской организации и рабочего движения в Баку. – Баку, 1923.
10. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
11. История армянского народа с древнейших времен до наших дней / Под ред. М.Г. Нерсисяна. – Ереван:

Ереванский ун-т, 1980. - 460 с.
12. Кандур М. Мюридизм. История Кавказских войн. – Нальчик: Эль-Фа. 1996. - 310 с.
13. Кирилов И.В. К вопросу о происхождении течения «ваххабизм» и его влияние в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 139-141.
14. Климович. Обзоры деятельности политических партий в России.
15. Константинов Н. Совет муфтиев России продолжает практику пособничества ваххабизму и религиозному экстремизму, уверен председатель Центрального духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин // НГ-Религии. – 2002. – 17 июля.
16. Линн Р. Расы, народы, интеллект. – М.: АСТ, 2014. - 440 с.
17. Мюрид Э. ИГИЛ. «Исламское государство» и Россия. Столкновение неизбежно? – М.; Книжный мир, 2016. - 240 с.
18. Памятная записка Кутаисского губернского предводителя дворянства князя С.Д. Церетели, на имя Министра внутренних дел, поданная в феврале 1905 г. «О желательных реформах в управлении Кавказским краем». – Б.м.б.г.
19. Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829 – 1864). – Майкоп: Адыгея, 2006. - 128 с.
20. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С 52-58.
21. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
22. Сиюхов С. Все о том же // Кубанский казачий листок. № 270. – Екатеринодар, 1912.
23. Сиюхов С. Всеобщее образование и черкесы // Кубанский казачий листок. № 193. - Екатеринодар, 1912.
24. Сиюхов С. Избранное / Под ред. Р.Х. Хашкожевой. – Нальчик: Эль-Фа. 1997. - 414,[2] с.
25. Сиюхов С. На точке неподвижности // Мусульманская газета. – 1913. – № 22.
26. Сиюхов С. Народ без языка // Кубанский казачий листок. № 199. - Екатеринодар, 1912.
27. Сиюхов С. Не меч, а мир // Заря Дагестана. – 1913. – № 6.
28. Сиюхов С. Преступное равнодушие // Мусульманская газета. – 1914. – № 5.
29. Степанов А. С молитвой и автоматом // Труд. – 1999. – 17 августа.
30. Сущность и опасность исламского экстремизма // Боевая Вахта. – 2000. – 9 августа.
31. Трошев Г.Н. Чеченский излом. Дневники и воспоминания. – М.: Вече, 2016. - 464 с.
32. Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.: Книга по требованию, 2012. – 192 с.
33. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
34. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890-1907.
35. Янченков В. Экспансия. Террор в одеждах ваххабизма. Религиозный экстремизм рвется в Россию//Труд. – 2001. – 19 апреля.
36. http://terme.ru/termin/panislamizm.html

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

МАДЖИДЗОДА Джурахон Зоир
(Зоиров Джурахон Маджидович),
Председатель комитета Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли (Парламента) Республики Таджикистан по правопорядку, обороне и безопасности, профессор Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: Zoirov2009@mail.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАРКОСИТУАЦИИ И СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СНГ В БОРЬБЕ С НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. *Анализируются основные тенденции развития наркоситуации в странах Содружества Независимых Государств. Формулируются основные направления взаимодействия государств-участников СНГ в сфере противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту, а также рекомендации по повышению эффективности сотрудничества правоохранительных органов.*

Ключевые слова: *наркоситуация; наркотики; Содружество Независимых Государств; преступность; наркобизнес; правоохранительные органы; сотрудничество.*

MADZHIDZODA D.Z.

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE DRUG SITUATION AND COOPERATION OF THE CIS MEMBER STATES IN COMBATING DRUG TRAFFICKING

The summary. *The main trends in the development of the drug situation in the countries of the Commonwealth of Independent States are analyzed. Formulates the main areas of interaction of the CIS member states in the field of countering drug abuse and illicit trafficking, as well as recommendations for improving the effectiveness of law enforcement cooperation.*

Key words: drug situation; drugs; Commonwealth of Independent States; crime; drug business; law enforcement agencies; cooperation.

Основные тенденции развития наркоситуации в странах Содружества Независимых Государств совпадают с основными тенденциями развития наркоситуации в мире, в связи с тем, что наркоситуация в СНГ является составной частью мировой наркоситуации [1; 8; 10; 11; 20; 25; 33]. Они характеризуются:

- распространением злоупотребления наркотиками на все социальные слои и группы населения;
- дальнейшим омоложением наркомании и наркопреступности;
- совершенствованием преступной деятельности в сфере незаконного производства наркотиков;
- распространением потребления наиболее опасных для здоровья населения наркотиков растительного и синтетического ряда;
- расширением объемов незаконного оборота наркотиков, повышением организованности преступных групп, специализирующихся в сфере незаконного оборота наркотиков;
- использованием средств от незаконного оборота для коррумпирования государственных служащих, работников правоохранительных органов;
- совершенствованием методов преступной деятельности, конспирации;
- укреплением международных связей наркомафии;
- лоббированием законодательных и представительных органов с целью изменения законодательства.

Применительно к странам СНГ эти тенденции имеют свою специфику и будут выражаться в стремлении международной наркопреступности:

- полностью поставить под контроль «черный рынок» наркотиков в странах СНГ;
- расширить незаконный оборот за счет превращения значительной части населения этих государств в потребителей;
- широко использовать сырьевые, производственные запасы, научный, производственный потенциал государств СНГ для изготовления и производства наркотиков;
- расширить незаконную рекламу, пропаганду потребления наркотиков на всех уровнях, включая все виды средств массовой информации [5; 12; 13; 14; 15; 19; 32; 37].

Основные направления взаимодействия государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия злоупотреблению наркотиками их незаконному обороту должны включать:

- сближение национальных законодательств в сфере контроля за оборотом наркотиков и противодействия их незаконному обороту и приведение их в соответствие с требованиями международных договоров и соглашений;
- развитие системы общерегиональных соглашений и договоров СНГ по сотрудничеству в сфере борьбы с наркопреступностью;
- развитие системы региональных соглашений между отдельными государствами СНГ и сопредельными государствами дальнего зарубежья;
- создание механизмов координации внутри СНГ и с сопредельными государствами дальнего зарубежья;
- проведение совместных широкомасштабных оперативно-профилак-тических мероприятий;
- разработку механизма совместного проведения оперативно-розыскных мероприятий против преступных групп с межрегиональными, международными связями;
- расширение применения метода «контролируемая поставка»;
- обмен опытом при подготовке и переподготовке кадров, участвующих в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и профилактике наркомании;
- проведение совместных научных исследований, разработка и совершенствование мер и методик борьбы с наркопреступностью и наркоманией;
- расширение информационного обмена по вопросам противодействия и профилактики незаконного оборота наркотиков и связанных с ним явлений.

Целесообразно представлять с учетом освещения (по линии незаконного оборота наркотиков (далее – НОН)) следующих позиций:

1. Субъекты борьбы с НОН.
2. Правовая основа.
3. Тактика борьбы.
4. Изъятие наркотикосодержащих препаратов.

5. Субъекты преступлений.
6. Криминогенные наркотикопроизводящие зоны.
7. Состояние наркопреступности и ее воздействие на криминологическую ситуацию.
8. Организованные преступные группировки, действующие в сфере наркопромысла.
9. Наркотрафик.
10. Влияние потребления наркотиков на состояние здоровья населения и уровень наркозависимости.
11. Судебная практика за обобщаемый период.
12. Действующие выводы и основные тенденции.

Распространение наркомании и наркобизнеса влечет за собой целый комплекс проблем, затрагивающих политические, экономические, социальные и культурные интересы любой страны, служит финансовой базой для организованной преступности [2; 6; 7; 21; 29; 31; 36], терроризма [3; 4; 18; 22], коррупции [9; 16; 26; 27; 28; 38] и других тяжких преступных проявлений [23; 24]. В этой связи важной целью межгосударственного сотрудничества является нейтрализация каналов поставки наркотиков на пространствах СНГ.

Вопросам повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотиков и ее правового регулирования придается большое значение руководителями стран Содружества, они являются также предметом пристального внимания Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ.

Однако криминальная ситуация в борьбе с наркобизнесом продолжает оставаться сложной. Интенсивная структурная перестройка на криминальном наркорынке характеризуется быстрым распространением наиболее опасных для жизни людей веществ – опия, героина, кокаина и синтетических наркотиков [17; 30; 34; 35].

В целях совершенствования организации взаимодействия в данной сфере Решением Совета глав государств СНГ от 16 сентября 2004 года в составе Бюро по координации борьбы с организованной преступностью на территории государств – участников СНГ (далее – БКБОП) создано структурное подразделение по координации борьбы с незаконным оборотом наркотиков и прекурсоров с региональной оперативной группой в Центрально-Азиатском регионе (далее – РОГ в ЦАР), местом дислокации которой определен в г. Душанбе.

В настоящее время структура и динамика незаконного оборота наркотиков во всех государствах-участниках СНГ имеет сходство. Среди лиц, совершающих незаконные действия с наркотиками, преобладают мужчины (при постепенном увеличении удельного веса женщин), в возрасте от 19 до 29 лет (с увеличением удельного веса лиц в возрасте 30 лет и старше); по социальному положению – лица, не имеющие работы, не учащиеся, с увеличением среди наркопреступников лиц, ранее судимых за совершение незаконных действий с наркотиками.

Сходные процессы обнаруживаются также в сфере злоупотребления наркотиками. Продолжается расширение их немедицинского потребления. Преобладают потребители каннабиса и опийной группы с постепенным увеличением удельного веса лиц, потребляющих синтетические наркотики, и «тяжелые» наркотики (героин). Потребителями синтетических наркотиков и героина являются, преимущественно молодежь. В целом, наиболее подверженной наркотизации остается возрастная группа от 14 до 30 лет; по социальному положению это лица, не работающие и не учащиеся; по гендерному признаку преобладают мужчины (с нарастанием удельного веса лиц женского пола).

Формирование незаконного рынка наркотиков во всех государствах-участниках СНГ происходит из сходных источников: за счет изготовления наркотиков из собственного растительного сырья (которое имеется практически во всех государствах), а также путем незаконного ввоза (контрабанды) из-за рубежа.

Незаконный оборот наркотиков во всех государствах Содружества является сферой деятельности организованной преступности. Можно говорить о нарастании процесса интернационализации и кооперации преступных сообществ, создании единой региональной системы наркомафии и включении через неё национальных преступных наркосообществ в международную наркомафию.

Это подтверждается:

- сближением структуры «черного рынка» наркотиков в государствах, входящих в Содружество, и оптовых цен на основные виды наркотиков;
- функционированием устойчивых каналов наркотрафика, проходящих через территорию всех государств-участников СНГ;

- многонациональным составом региональной наркомафии, тесным взаимодействием преступных группировок, сформированных по этническому признаку.

На организационно-управленческом уровне незаконный оборот наркотиков находится в руках транснациональной наркомафии .На исполнительском уровне в каждом государстве отмечается преобладание представителей титульной нации.

Общими факторами, негативно влияющими на наркоситуацию в странах Содружества являются:

- высокоорганизованный характер деятельности преступных сообществ в сфере незаконного оборота наркотиков;
- использование международной наркомафией территории государств, входящих в Содружество, для транснациональных транзитных перевозок;
- наличие на территории государств-участников СНГ значительных сырьевых и технологических ресурсов, которые могут быть использованы в незаконном производстве (изготовлении) наркотиков;
- социально-экономические трудности, характерные практически для всех государств-участников СНГ, создающие условия для вовлечения населения в незаконную деятельность с наркотиками и их немедицинское потребление;
- недостаточный уровень взаимодействия правоохранительных и иных государственных структур в сфере противодействия общей наркоугрозе.

Сходство наркоситуации на территории государств-участников Содружества, наличие общих причин, условий и факторов, объективно влияющих на распространение наркотиков, сплоченность отдельных преступных группировок в единую межрегионально-международную наркомафию предопределяет необходимость тесного взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов государств-участников СНГ в борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков.

Основой такого сотрудничества в антинаркотической сфере являются:

- «Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» от 30 ноября 2000 г.;
- «Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров», одобренная Советом глав государств СНГ в октябре 2002 г.;
- Программы сотрудничества государств-участников СНГ по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров на 2008-2010, 2011-2013, 2014-2018 годы;
- «Программа сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в укреплении пограничной безопасности на внешних границах на 2016–2020 годы», утвержденная решением Совета глав государств СНГ в октябре 2015 года.

Зафиксированные в этих документах положения создают предпосылки для выработки и реализации согласованной политики государств-участников СНГ по обеспечению сотрудничества в борьбе с наркоугрозой на основе проведения совместных мер борьбы и координации деятельности компетентных органов государств-участников СНГ.

Периодически проводятся Совещания руководителей подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков МВД по вопросу организации взаимодействия и координации работы по противодействию наркопреступности. На них обсуждаются различные вопросы дальнейшего укрепления контактов на оперативно-тактическом уровне: активизация выявления и уничтожения популяции дикорастущих наркосодержащих растений и их незаконных посевов; координация взаимодействия органов внутренних дел в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров; оперативно-информационное обеспечение; содействие в осуществлении межгосударственного розыска и выдачи лиц, совершивших наркопреступления и скрывающихся от уголовного преследования или исполнения приговора; содействие в подготовке и проведении совместных оперативно-профилактических мероприятий и специальных антинаркотических операций; содействие оперативно-следственным группам и сотрудникам органов внутренних дел в раскрытии и расследовании преступлений,

связанных с НОН; изучение и обобщение опыта проведения специальных операций по методу «контролируемой поставки» на территории государств-участников СНГ; содействие в осуществлении межгосударственных и многопрофильных научных исследований по проблемам незаконного распространения наркотиков в странах СНГ; организационно-методическое обеспечение деятельности подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и прекурсоров в раскрытии, расследовании и предупреждении наркопреступлений; регулярное и бесперебойное пополнение банка данных БКБОП информацией о сбытчиках наркотиков и организованных наркогруппировках, имеющих международные и межрегиональные связи; организация совместных оперативных разработок международных и межрегиональных наркогруппировок, включая проведение «контролируемых поставок»; разработка и проведение в согласованные сроки в каждом регионе широкомасштабных совместных операции по ликвидации сырьевой базы, пресечение действующих каналов и источников поступления наркотиков, выявление изготовителей, перевозчиков, распространителей и потребителей наркотиков.

Прагматично оценивая тенденции развития наркоситуации, уместно высказать суждения об основных направлениях повышения эффективности сотрудничества государств-участников СНГ, которые определяются глобальным состоянием наркоситуации и региональными особенностями, характерными для Содружества в целом и для отдельных групп государств, входящих в его состав.

На наш взгляд в целях эффективности сотрудничества правоохранительных органов государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями, связанными с незаконным распространением наркотиков представляется целесообразным:

- совершенствовать национальное антинаркотическое законодательство государств-участников СНГ в направлении его гармонизации и унификации, в соответствии с принципами, положениями и рекомендациями международных конвенций и иных международных актов, регулирующих вопросы оборота наркотиков и противодействия их незаконному обороту;
- организовывать совместные оперативные разработки наркодельцов и организованных преступных структур, располагающих межрегиональными и международными связями, включая проведение контролируемых поставок;
- разрабатывать и проводить в согласованные сроки в каждом регионе широкомасштабные совместные операций по пресечению действующих каналов и источников поступления наркотиков в незаконный оборот, выявлению расхитителей, изготовителей, распространителей и потребителей наркотиков;
- развивать и совершенствовать взаимодействие правоохранительных органов государств-участников СНГ в оперативно-розыскной деятельности и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, создание совместных оперативно-следственных групп в приграничных регионах, а также специальных, технически оснащенных бригад по выявлению и уничтожению незаконных посевов, дикорастущих наркорастений и подпольных лабораторий;
- совершенствовать практику проведения совместных оперативно-профилактических мероприятий («Мак», «Синтез», «Канал»);
- расширить использование в борьбе с организованной наркопреступностью метода «контролируемой поставки», новейших специальных и технических средств;
- проводить совместные фундаментальные научно-прикладные исследования для разработки предложений по совершенствованию деятельности правоохранительных органов в части выявления, раскрытия, расследования преступлений, связанных с наркотиками, а также по совершенствованию профилактики, лечения, реабилитации наркоманов и лиц, злоупотребляющих наркотиками;
- совершенствовать процесс взаимообмена оперативно-розыскной и аналитическо-статистической информацией, располагаемой правоохранительными органами государств-участников СНГ.

Список литературы

1. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Фонд «Университет», 2007. – 144 с.
2. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат Е.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
3. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
4. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
5. Болотский Б.С., Волеводз А.Г., Воронова Е.В., Калачев Б.Ф. Борьба с отмыванием доходов от индустрии наркобизнеса в странах Содружества. – М.: Юрлитинформ, 2001. - 248 с.
6. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
7. Волеводз А.Г. Международный терроризм: национальная и международно-правовая криминализация // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1. – С. 70-93.
8. Волеводз А.Г. Совместные (международные) расследования наркопреступлений: международный опыт и российские перспективы // Наркоконтроль. – 2015. – № 4. – С. 37-45.
9. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
10. Захарцев С.И. Тезисно о современном состоянии борьбы с наркотиками // Наркоконтроль. – 2014. – № 4. – С. 34-37.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. Борьба с незаконным оборотом наркотиков и прослушивание телефонных переговоров // Наркоконтроль. – 2006. – № 4. – С. 16.
12. Зоиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005. - 182 с.
13. Зоиров С.Д. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в Республике Таджикистан // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 133-141.
14. Зоиров С.Д. Организация предупреждения незаконного оборота наркотических средств подразделениями МВД Республики Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 134-140.
15. Зоиров С.Д. Противодействие незаконному обороту наркотических средств в Таджикистане: международно-криминалистический анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 148-165.
16. Коррупция: природа, проявление, противодействие: Монография / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.
17. Корчагин О.Н., Чирков Д.К., Литвиненко А.С. Синтетическое наркотики в России как реальная угроза национальной безопасности // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1(33). – С. 245-253.
18. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. – М.: Норма, 2007. – 272 с.
19. Михайлов В.И., Федоров А.В. Модельное законодательство о противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров для государств участников СНГ // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 1996. – № 2. – С. 232-236.
20. Незаконный оборот наркотиков: глобальные тенденции и проблемы: Сборник докладов Международного Комитета по контролю над наркотиками / Сост. и вступ. ст. А.В. Федоров. – М.: Астрея-центр, 2007. – 296 с.
21. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
22. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
23. Пиров М.Т. Глобализация в современном мире и борьба с торговлей людьми в Республике Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 130-133.
24. Пиров М.Т. Правовые и организационные основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 105-115.
25. Ролик А.И., Романова Л.И.. Федоров А.В. Современная наркопреступность: криминологические, уголовно-политические и уголовно-правовые аспекты: Монография / Под ред. и с предисл. А.И. Коробеева. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2009. – 336 с.
26. Савенков А.Н. Деятельность Совета Федерации по противодействию коррупции // Аналитический вестник

Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – 2012. – № 10. – С. 4-14.
27. Савенков А.Н., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
28. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144.
29. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9-11.
30. Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195.
31. Стесиков И.А. К вопросу разработки эффективной системы противодействия терроризму в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 141-146.
32. Федоров А.В. Борьба с наркобизнесом невозможна без международного взаимодействия // Право и безопасность. – 2005. – № 1(14). – С. 54-58.
33. Федоров А.В. Определение наркотических средств и психотропных веществ в Конвенциях ООН и его значение для уголовного законодательства // Наркоконтроль. – 2012. – № 4. – С. 2-22.
34. Федоров А.В. Основные тенденции развития российской законодательной уголовно-правовой антинаркотической политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 3(14). – С. 114-135.
35. Федоров А.В. Отдельные тенденции развития российской уголовно-правовой антинаркотической политики, обусловленные влиянием международных договоров, участницей которых является Российская Федерации, и ее членством в международных организациях // Наркоконтроль. – 2014. – № 2. – С. 3-14.
36. Федоров А.В. Противодействие терроризму: правовое регулирование // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. – 2001. – № 5. – С. 84-96.
37. Федоров А.В. СНГ: вопросы гармонизации и унификации законодательства о наркотиках // Наркоконтроль. – 2006. – № 2. – С. 6-12.
38. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.

МЕЛИХОВ Александр Иванович,
доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (г. Волгоград, Россия)

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОТСУТСТВИЯ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ОБЛАСТИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. *Прослеживается тенденция дегуманизации современного общества потребления. Причиной этого, автор считает незавершенность правовой оценки деяний нацистских ученых по итогам второй мировой войны. Международным сообществом не были выставлены строгие правовые ограничения в области научных исследований человека, как это было сделано в СССР, более того, западными исследователями были продолжены эксперименты фашистских коллег, позже легализованные в качестве подотраслей вполне респектабельных наук – психологии, социологии, генетики, кибернетики и др.*

Ключевые слова: *дегуманизация; двойные стандарты; военные преступления; психология; кибернетика; генетика; евгеника; Нюрнбергский и Токийский процесс.*

MELIKHOV A.I.

DEHUMANIZATION OF CONSUMER SOCIETY AS A RESULT OF THE LACK OF LEGAL CONSTRAINTS IN THE FIELD OF SCIENTIFIC RESEARCH

The summary. *The article traces the current trend of dehumanization of the modern consumer society. The reason for this, the author considers the incompleteness of the legal evaluation of the acts of Nazi scientists at the end of the second world war. The international community has not been exposed to strict legal constraints in the field of research, as was done in the USSR, moreover, Western researchers have continued the experiments of the Nazi colleagues, later legalized as a sub-quite respectable Sciences – psychology, sociology, genetics, Cybernetics, etc.*

Key words: *dehumanization; double standards; war crimes; psychology; Cybernetics; genetics; eugenics; the Nuremberg and Tokyo in the process.*

В начале XXI века, несмотря на широкое распространение и признание идей прав человека, в мире устойчиво наблюдается процесс десакрализации человека и дегуманизации общественной жизни. Бородатые женщины, зомби, жестокие убийства геополитических оппонентов в прямом эфире телевидения (Садам Хусейн, Муаммар Каддафи), книги из серии «Как управлять рабами» рекомендуемые социальными психологами для «эффективных менеджеров» [24], декриминализация сексуальных извращений и возрождение идей фашизма, социального, национального и расового превосходства насильно внедряются средствами информации в мировоззрение современного человека под лозунгами свободы и соблюдения прав меньшинств.

Как случилось что в XXI веке, на который наши предки возлагали столько светлых надежд, востребованы мракобесные идеи из самых темных веков? Что бы ответить на данный вопрос, мы решили обратиться к правовой оценки самого ужасного злодеяния в истории человечества – Второй мировой войне.

Одно из мрачных страниц злодеяний нацистской Германии и милитаристской Японии, несомненно, является проведение по приказу их властей «научных» экспериментов над людьми. Можно выделить два этапа привлечения военных преступников к ответственности за такого рода эксперименты.

На первом этапе, когда перед судом предстали основные политические и военные деятели Третьего Рейха, научные эксперименты получили правовую оценку как способ совершения военных преступлений. В обвинительное заключение основного Нюрнбергского процесса, в частности отмечалось: «Способы, применяемые для истребления людей в концентрационных лагерях, были: жестокое обращение, псевдонаучные опыты (стерилизация женщин в Освенциме и Равенсберге, искусственное заражение раком матки в Освенциме, тифом в Бухенвальде, анатомические «исследования» в Нацвейлере, инъекции в области сердца в Бухенвальде, пересадка костей и вырезание мышц в Равенсбрюке, и множество других), газовые камеры, «душегубки» и печи для кремации.» [7, стр. 50]. «Заключенных помещали в камеры для испытания влияния различного давления на людей (для нужд военно-воздушных сил), производили опыты с переохлаждением, искусственным замораживанием….На живых людях проверялось воздействие на организмы ядов и действие зажигательных бомб…» [8, стр. 70].

Согласно материала Нюрнбергского процесса, эксперименты над людьми проводились по распоряжению Гиммлера, покончившего жизнь самоубийством и не представшего перед международным трибуналом. Поэтому на втором этапе над группой врачей и чиновников, являвшихся организаторами и исполнителями экспериментов, был проведен так называемый «малый» Нюрнбергский процесс, инициированный американским военным командованием в период с 1946 по 1949 годы и получивший официальное название «США против Карла Брандта» (последний был личным врачом Гитлера, одним из инициаторов и руководителей программы умерщвления Т-4).

В рамках данного процесса, нацистские ученые понесли ответственность за эксперименты над людьми. В частности, речь шла об исследовании влияния на организм пониженного давления, переохлаждения и морской воды, различных вакцин, действия химического оружия, насильственную массовую стерилизацию, умерщвление в газовой камере специально отобранных антропологами людей для создания собрание скелетов в университете в Страсбурге, наконец – за реализацию программы умерщвления Т-4, жертвами которой стали более 100 000 человек.

Параллельно Военный трибунал Приморского военного округа в г. Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 г. рассматривает дело военнослужащих японской армии, входивших в так называемые Отряд 731 и Отряд 100, а также ответственных за их создание. Помимо обвинений в подготовки войны и других преступлениях против мира и человечества, японские милитаристы обвинялись в разработке и применении бактериологического оружия и проведении бесчеловечных медицинских опытов над людьми [1]. Что же касается основного процесса над японскими военными преступниками – Токийского – то на нем о применении бактериологического оружия и о проведении экспериментов над людьми говорилось лишь в одном документе, который по вине американского обвинителя не был озвучен на процессе [5, стр. 21].

Поскольку на Хабаровском процессе осудили прежде всего лишь нескольких рядовых исполнителей, СССР была заявлена нота правительствам США, Великобритании и Китая о необходимости создания нового международного уголовного трибунала для привлечения к ответственности высшего политического и военного руководства Японии за отдания приказа о разработке и применении бактериологического оружия и опыты над людьми. Однако требование справедливого возмездия было проигнорировано бывшими союзниками, с целью приобретения лояльности японской стороны в начинающейся холодной войне.

Не были наказаны, хотя и по другим причинам, основные вдохновители и руководители деятельности Отряда 731 – японские генералы Исии Сиро и Масадзи Китано. Особенно

отталкивающей является фигура первого из них, стоявшего у истоков бесчеловечной деятельности Отряда и командовавшего им (с перерывом) вплоть до последних дней его существования. В августе 1945 года, спасаясь от стремительного наступления советской армии, И. Сиро сумел организовать эвакуацию результатов исследований, вакцин, штаммов болезнетворных бактерий, значительной части оборудования и персонала в Японию. Сразу же после оккупации он предложил эти материалы, оплаченные кровью и страданиями тысяч людей, американской разведке в обмен на гарантии безопасности. Так же поступили и многие другие члены отряда. Многие из них закончили свою жизнь, окруженные почетом и уважением, многие сделали блестящую научную и медицинскую (!) карьеру. Требования представителей СССР привлечь ученых-изуверов к ответственности, а для начала – хотя бы предоставить им возможность допросить руководителей Отряда 731, не были удовлетворены.

По завершению Второй мировой войны мировому сообществу стало ясно, что цивилизации необходимо выработать новые стандарты человечности. По результатам Нюрнбергского и Токийского процесса были приняты ключевые международные акты, закрепляющие права человека и стандарты цивилизованности во многих сферах человеческой жизни, в том числе в области научных исследований.

Подчеркнем, что основные обвинения против нацистов в сфере научных исследований сводились к причинению смерти в результате научных экспериментов либо к насильственному привлечению людей к такого рода экспериментам без их согласия, если они оставались живы. Первый тип преступлений, как правило, охватывался понятия геноцида или военного преступления, а научная деятельность выступала лишь способом умерщвления, а не его отдельным составом.

Составы преступлений, вменяемые нацистским «ученым», носил исключительно материальный, а не формальный характер, то есть требовалось наступления последствий в виде причинения вреда или смерти человеку. Таким образом, ответственность за бесчеловечную научную деятельность как таковую никто не понес. Это во многом обусловило возможность повторения такого рода ситуаций в будущем.

Второй пробел, допущенный в ходе процессов над нацистскими «учеными» – это сосредоточение внимания прежде всего на «медицинских» экспериментах. Однако самые ужасные последствия имели социальные эксперименты (такие, как реализация программы умерщвления Т-4, жертвами которой стали более ста тысяч человек). Психолого-психиатрические эксперименты, проводимые над людьми нацистами [9] (эксперименты по воздействию на сознание человека, эксперименты над близнецами, гомосексуалистами и др.) также остались без правовой оценки. Осуществлялись эти и им подобные эксперименты в рамках развития таких дисциплин, как евгеника (учение о наследственном здоровье человека, а также о путях улучшения его наследственных свойств), расовая биология и биология общества, этология человека, социобиология, генетика поведения и др. Многие эксперименты имели научное или наукообразное обоснование. Ряд экспериментов преследовали сугубо практические, полезные для общества цели – профилактику и лечение обморожений, инфекционных болезней и т. п. (последнее особенно четко прослеживается в «исследованиях» сотрудников Отряда 731). Однако все это не мешает их моральной оценке как глубоко бесчеловечных, чудовищных по своей сути.

Казалось, было бы целесообразно правовыми средствами на международном уровне ограничить некоторые виды научных исследований как антигуманные. Однако международное сообщество пошло по другому пути, сосредоточив все внимание не на сущности и последствии научных экспериментов над людьми, а на формальном признаке согласия человека на участие в научном эксперименте и исключения причинения ему явного вреда, молчаливо закрепив возможность десакрализации человеческой природы, низведения человека до уровня лабораторной крысы. Фиксируется вопиющее противоречие с кантовским категорическим императивом, одна из формулировок которого гласит: «Относись к человеку всегда как к цели и никогда – как к средству».

В итоге, в международных источниках права были закреплена свобода от пыток («Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию», ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), дополненное статьей 7 Международного

пакта о гражданских и политических правах, («В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам»). Однако в то же время принятый трибуналом после завершения Нюрнбергского процесса над нацистскими врачами Нюрнбергский кодекс 1947 года, сформулировавший основополагающие принципы морали и закона в сфере медицинских экспериментов, до сих пор не получил формы и юридической силы легитимного и общепризнанного международного нормативно-правового акта, имеющего широкую зону применения и обеспеченного международным правосудием. То же самое верно и в отношении Хельсинской декларации Всемирной медицинской ассоциации 1964 года, содержащей этические принципы проведения медицинских исследований с участием людей в качестве объектов исследования.

К сожалению, западные страны-победительницы не захотели ограничивать себя нормами гуманизма в научных исследованиях и с энтузиазмом продолжали проводить эксперименты на своей территории активно пользуясь полевым материалом коллег из нацистской Германии и милитаристской Японии. В частности, известны такие скандальные эксперименты над людьми как Стэнфордский тюремный эксперимент, Эксперимент Милгрэма, проект MKULTRA, проект 4.1 и др. В результате спорные научные теории нашли свое место в качестве подотраслей вполне респектабельных наук – психологии, социологии, генетики, кибернетики и др.

Необходимо отметить, что в тоже время, психология, генетика и кибернетика не получили широкого распространения в послевоенном СССР. Как правило, в этой связи говорят о некомпетентности И.В. Сталина не рассмотревшего перспективность науки, но на наш взгляд, одной из причин этого является хорошо усвоенный исторический урок десакрализация человеческой природы и природы человеческого сообщества в результате их активного исследования в фашистской Германии.

В качестве подтверждения своего объяснения приведем статью о кибернетике из «Краткого философского словаря» под редакцией М. Розенталя и П. Юдина, 1954 г.:

«КИБЕРНЕТИКА (от др. греч. слова, означающего рулевой, управляющий) – реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах; форма современного механицизма.

Приверженцы кибернетики определяют её как универсальную науку о связях и коммуникациях в технике, в живых существах и общественной жизни, о «всеобщей организации» и управлении всеми процессами в природе и обществе. Тем самым кибернетика отождествляет механические, биологические и социальные взаимосвязи и закономерности. Как всякая механистическая теория, кибернетика отрицает качественное своеобразие закономерностей различных форм существования и развития материи, сводя их к механическим закономерностям.

Кибернетика возникла на основе современного развития электроники, в особенности новейших скоростных счётных машин, автоматики и телемеханики. В отличие от старого механицизма XVII-XVIII вв. кибернетика рассматривает психофизиологические и социальные явления по аналогии не с простейшими механизмами, а с электронными машинами и приборами, отождествляя работу головного мозга с работой счётной машины, а общественную жизнь – с системой электро- и радиокоммуникаций….

Кибернетика ярко выражает одну из основных черт буржуазного мировоззрения – его бесчеловечность, стремление превратить трудящихся в придаток машины, в орудие производства и орудие войны. Вместе с тем для кибернетики характерна империалистическая утопия – заменить живого, мыслящего, борющегося за свои интересы человека машиной как в производстве, так и на войне. Поджигатели новой мировой войны используют кибернетику в своих грязных практических делах. Под прикрытием пропаганды кибернетики в странах империализма происходит привлечение учёных самых различных специальностей для разработки новых приёмов массового истребления людей – электронного, телемеханического, автоматического оружия, конструирование и производство которого превратилось в крупную отрасль военной промышленности капиталистических стран. Кибернетика является, таким образом, не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления её агрессивных военных планов».

В нашей сегодняшней повседневной жизни

мы постоянно сталкиваемся с правильностью данного определения как на международном так и бытовом уровне. Люди стали постоянным объектом исследований в области кибернетики попадая под наблюдение маркетологов, банковских аналитиков, страховщиков и других специалистов, занимающихся социопрограмированием сначала в сфере потребления, а иногда и в области государственного управления [3; 10; 26]. Обоснованная кибернетикой целесообразность заменяет человечность, заставляя политиков рассуждать о «возрасте дожития», «лишения права голоса неимущих» и «социальном балласте».

Полное упорядочение и оптимизация общественных отношений приводит к предсказуемости человеческого поведения и дает широкие возможности для манипуляции.

Что касается генетики, то ее связь с евгеникой очевидна, а результаты такого научного подхода к человечеству ярко продемонстрировали лагеря смерти для научных медицинских и социальных экспериментов фашистской Германии.

Политико-правовые последствия развития генетики с учетом современных реалий описаны и современным американским философом Ф.Фукуямой в книге «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции»: «…богатые стандартным образом проверяют эмбрионы до имплантации и таким образом заводят себе оптимальных детей. По внешнему виду и интеллекту юноши или девушки все четче определяется их социальное происхождение; человек, не отвечающий социальным ожиданиям, обвиняет в этом не себя, а генетический выбор своих родителей. Человеческие гены пересаживают животным и даже растениям – для научных целей и для создания новых медицинских препаратов; животные гены добавляются некоторым эмбрионам, чтобы улучшить их физическую выносливость и сопротивляемость болезням. Ученые не решаются изготовлять полномасштабные химеры, полулюдей-полуживотных, хотя и могут, но молодые люди начинают подозревать, что их товарищи по школьной скамье, сильно от них отстающие, генетически не вполне люди. Тем более что так оно и есть» [25, стр. 21].

У современных российских исследователей вызывают обоснованное беспокойство биомедицинские технологии третьего тысячелетия, используемые в интересах «совершенствования» человеческого существа [14; 15; 19; 23] и клонирования человека [2; 4; 11; 13; 22],

Примечательно, что именно на идеи пагубности гипертрофированного развитии этих двух наук – кибернетики и генетики – построены две самые знаменитые литературные антиутопии XX века – «1984» Джорджа Оруэлла и «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли соответственно.

В завершение мы вынуждены еще раз констатировать, что антигуманные научные исследований человека и человеческих сообществ в области кибернетики, генетики, психологии и медицины, начатые в нацистской Германии и милитаристской Японии, активно продолжаются в современном обществе потребления. Их вполне можно трактовать как расплату нынешнего и будущих поколений за незавершенность Нюрнбергского и Токийского процессов в указанном отношении. Общим для всех этих антигуманных исследований является отношение к человеку, к его телу и душе лишь как к объекту изучения, в духе чуждых нам западных ценностей [12; 16; 17; 18; 20; 21].

Следствием такого отношения является тотальная дегуманизация, расчеловечивание. Весьма симптоматично, что сотрудники Отряда 731 называли людей, над которыми проводили свои эксперименты, «брёвнами». Хорошо известны и бесчеловечные эксперименты, проводимые над военнопленными в годы второй мировой войны нацистскими врачами эсэсовцами в концентрационных лагерях и секретных лабораториях на островах Средиземного моря, которые нашли отражение даже в художественной литературе [6]. Для них человек рассматривался лишь как расходный материал для решения научных проблем. Ничего человеческого в нем видеть не хотели, что и открывало дорогу для совершения чудовищных зверств (творившихся, заметим, без тени сомнения, с холодной головой, даже со всего рода исследовательским энтузиазмом). Духовными наследниками Йозефа Менгеле и Исии Сиро, ставившими изуверские опыты над «недочеловеками» и «бревнами», выступают, например, современные украинские фашисты, без тени сомнений обрекающие на смерть десятки тысяч своих сограждан, получивших ярлык «ватников» и «колорадов». Плохо выученные уроки истории, увы, неизбежно оборачиваются новыми страданиями и потерями для социума.

Список литературы

1. Акияма Х. Особый отряд 731. – М.: Иностранная литература, 1958.
2. Бабаджанов И.Х. Сальников В.П., Клонирование человека: теория правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 173-182.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 163-170.
5. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1950.
6. Насибов А.А. Безумцы. Роман. – М.: Современник, 1976. – 320 с.
7. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Т.1. – М., 1954.
8. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Т.5. – М., 1991.
9. Петрюк П. Т., Иваничук О. П. Психиатрия при нацизме: медицинские эксперименты на живых людях. Сообщение 5 // Психічне здоров'я. – 2011. – № 4. – С. 65-76
10. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
11. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
12. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
13. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
14. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Право и медицина: доктрина информационного согласия // Новая правовая мысль. – 2002. – № 1. – С. 36-42.
15. Сальников В.П.. Стеценко С.Г. Условия правомерности проведения медицинских экспериментов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – № 4. – С. 14-18.
16. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
17. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
18. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
19. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»).
20. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
21. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
22. Силуянова И.В. Искушение клонированием или человек как подобие человека. – Сергиев Посад: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1998. - 26 с.
23. Старовойтова О.Э., Сальников В.П. Биомедицинский эксперимент и закон // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 25-32.
24. Тонер Дж.,Фалкс М.С. Как управлять рабами. – М.: Олимп-Бизнес, 2015. - 240 с.
25. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: : АСТ, Люкс,, 2004. - 352 с.
26. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОСОЗНАНИЕ. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, профессор кафедры гражданско-правовых наук 2 факультета Академии МВД РТ, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: bobojonov_i@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СВОЕ ТЕЛО: ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО

Аннотация. *Анализируются вопросы, связанные с правом собственности на человеческие биологические материалы и контролем над ними. Рассматривается юридическое понятие человеческого достоинства и его неотъемлемые признаки, а также меры по защите человеческого генома, предпринимаемые международным сообществом.*

Ключевые слова: *тело человека; биологические материалы; право собственности; человеческое достоинство; человеческий геном.*

BABADZANOV I. Kh.

THE HUMAN RIGHT TO ONE'S BODY: THE PROBLEMS OF THE MATERIAL AND SPIRITUAL

The summary. *The issues related to the ownership of and control over human biological materials are analyzed. The legal concept of human dignity and its inalienable attributes, as well as measures to protect the human genome, undertaken by the international community, are considered.*

Key words: *human body; biological materials; property rights; human dignity; the human genome.*

Ученые спорят о том, являются ли человеческие биологические материалы собственностью, вместе с тем фармацевтическая индустрия уже давно рассматривает такого рода материалы как товары.

Главный вопрос, очевидно, не в том, могут ли человеческие биологические материалы быть собственностью, а в том, кто и как должен осуществлять контроль над ними. Процесс по делу Мура, проанализированный в одной из наших публикаций [3], выявил три ценности, присущие линии клеток: достоинство Мура, его самостоятельность и рост открытий в фармацевтике. Достоинство и самостоятельность Мура не

учитывались при принятии решения о предоставлении контроля над линией клеток, ведь во время медицинской процедуры были изъяты ценные клетки без извещения о том, что они будут использоваться в коммерческих целях. У Мура не было возможности ни предоставить свои клетки, ни отказаться от этого. Вопрос о самостоятельности затрагивает два аспекта. Первый состоит в том, что Голд обращался с Муром как с объектом, на котором он мог применять свои профессиональные знания. Он не счел нужным раскрыть свой коммерческий интерес к клеткам Мура. С его точки зрения, Мур был только пассивным участником в этом процессе. Второй аспект состоит в том, что стало с клетками после извлечения их из организма Мура. Так как организм и клетки Мура продолжают быть связаны с их ДНК, то Мур, возможно, чувствовал, что его клетки продолжают быть частью его самого и после удаления. Таким образом, когда Голд удалил клетки из тела пациента, то Мур почувствовал, что часть его самого извлечена из его тела. Голд продолжал контролировать линию клеток Мура, а их обладатель чувствовал контроль за частью самого себя. Это, вероятно, было усугублено тем, что Мур по инструкции Голда продолжал снабжать его кровью и прочими анализами в период удаления селезенки.

Мы полагаем, что контроль за реализацией права человека на свое тело должен осуществляться со стороны государства. Человеческий организм следует рассматривать как субъект, наиболее ценный в любом цивилизованном обществе. При этом мы допускаем, что анализу права собственности могут быть подвергнуты не только экономические, но и неэкономические ценности. И хотя многие полагают, что экономические ценности существенны, они, тем не менее, не должны быть главенствующими в рассмотрении данного вопроса. В вопросах права собственности на тело и его части следует обращаться к ценностям, которые не ограничиваются лишь рыночными интересами [13; 21; 22; 28; 42]. Ценности имеют широкий спектр: от священности человеческого тела и до уважения к нашим предкам, а также желания служить обществу. Поскольку мы часто отождествляем себя с нашим телом, мысль о том, чтобы вырезать и отдать часть нашего тела другому человеку, выглядит неуютной для многих, кто верит, что человек создан по подобию божьему и что вскрыть человеческое тело — грех. С другой стороны, если уж надо расстаться с чем-то настолько важным нашему телу, как, например, печенью, легким, то многие из нас предпочли бы сделать это ради близкого человека или из альтруистических побуждений, но не за денежное вознаграждение. Собственность на человеческие биологические материалы и контроль над ними заключает в себе массу не сравнимых между собой ценностей в рамках нашего понимания. Одной из таких уникальных ценностей, на наш взгляд, является человеческое достоинство.

Понятие человеческого достоинства нигде юридически не определено. В юридической доктрине данная проблема неоднократно была предметом специальных исследований [10; 24; 25; 34].

Под понятием «человеческое достоинство» правоведы подразумевали, прежде всего, определенные социальные свойства человека, такие как честность, благородство, великодушие и т. д. Таким образом, большинство исследователей, как правило, ограничивались взглядом на данную категорию как на общее выражение принципа гуманизма всей правовой системы государства [19; 20].

Вместе с тем, в большинстве международно-правовых актов человеческое достоинство упоминается главным образом в преамбулах, как базовая исходная категория, из которой выводятся основные человеческие права-признаки: свобода, неприкосновенность, равенство и т. д. Именно оно является основанием всех прав и свобод человека. В связи с этим при правовом регулировании новых явлений и в правоприменительной практике возникает много проблем и закономерные споры о том, что противоречит человеческому достоинству, а что нет.

Термин «достоинство» имеет значение стоимости, ценности, соразмерности, сообразности [11, стр. 479, 480]. Из этого следует, что человеческое достоинство — это то, что сообразно человеку. В таком же смысле употребляются понятия «человеческая природа» и «человеческое естество». Согласно толковому словарю В. Даля, под природой в данном случае можно понимать нечто земное, плотское, телесное и вещественное в человеке (в противоположность духовному, невещественному). Это понятие также подразумевает и врожденные свойства,

прирожденные качества, то есть данные от рода (вида), рождения. Естество, согласно этому же автору, — все, что есть, природа, порядок ее и законы, сущность по происхождению, неискусственное, непротивное законам природы.

Во многих философских, юридических текстах указывается, что достоинство человека зиждется на некоем постоянстве в определенном наборе признаков, которые у разных авторов варьируются. Анализ мнений относительно сущности человека мы проводили ранее [1; 2; 5; 6]. Например, Б. Паскаль считал, что человеческое «достоинство — в способности мыслить» [23, стр. 230, 233, 238]. Л. Фейербах в определении человека делал акцент на его разуме, воле, сердце, универсальности и общении с себе подобными [39, стр. 186, 200-203], Н. А. Бердяев — на творчестве и духовности [8, стр. 321] и т. д.

В. Соловьев справедливо отмечал, что «человеческое достоинство каждого лица, или его свойство быть нравственным существом, вовсе не зависит от его природных качеств, ни от его полезности: этими качествами и этой полезностью может определяться внешнее положение человека в обществе, относительная оценка его другими лицами, но никак не собственное значение и человеческие права. Именно благодаря достоинству, формальной бесконечности разума во всяком человеке, благодаря тому, что каждое лицо есть нечто особенное и незаменимое, человек имеет безусловное достоинство и безусловное право на существование, на свободное развитие своих положительных сил. Именно поэтому никакой человек не может быть средством для целей других людей или целей общества... Только относясь к другим как к лицам, индивидуальный человек и сам определяется как лицо». И далее: «... высочайшее достоинство человека... состоит не в том, чтобы побеждать во времени, а в том, чтобы хранить пределы вечные, одинаково священные для прошедшего и будущего» [33, стр. 285].

Если обобщить различные высказывания по определению сущности достоинства человека, то можно условно выделить две основных позиции. Первая позиция основывается на признании божественности (или, по-другому, трансцендентальности) происхождения человеческой личности и иррациональной ценности любой человеческой жизни. Другая во главу угла ставит различные социальные качества человека. Именно эта вторая позиция и легла в основание юридической концепции прав человека.

С учетом отмеченных различий во взглядах, необходимо выделить некоторые общие (наиболее распространенные) положения, касающиеся неотъемлемых признаков достоинства человека. В числе таких признаков можно назвать следующие [35, стр. 89]:

- неповторимость (как социальную, так и биологическую);
- разумность (не только в смысле умения считать и т. д., а в смысле умения различать справедливое и несправедливое) [7; 15; 16; 40; 41];
- духовность или нравственность (в смысле возможности испытывать такие чувства, как любовь, сострадание, благодарность);
- свобода (возможность выбирать, а также право, прежде всего, быть самоцелью, а не средством);
- равенство (и не математическое, которое не связано с понятием справедливости, а этическое, то есть равенство в человеческом достоинстве);
- самостоятельность (возможность контролировать свои действия и нести за них ответственность перед собой и окружающими).

Следует отметить, что в данном случае слово «достоинство» рассматривается в строгом смысле. Дело в том, что его бытовое значение, как правило, подразумевает наличие у человека нравственных позитивных характеристик, таких как «честность», «великодушие», «благородство» и т. д. Теперь необходимо более подробно обратиться к вопросу об отражении категории достоинства человека в нормативно-правовых актах. Прежде всего, данная категория наиболее часто встречается в международных актах, составляющих так называемый Билль о правах. В частности, это Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Венская декларация 1993 г., Декларация о расе и расовых предрассудках 1978 г. В этой связи также следует отметить некоторые другие международно-правовые документы общего характера (устав ООН [37], устав ЮНЕСКО [38], устав ВОЗ [36]). Кроме того, категория человеческого достоинства фигурирует

в Конституции РТ, законодательстве РТ об охране здоровья населения, ГК РТ, УК РТ и некоторых других нормативно-правовых актах. Она активно представлена и в законодательстве Российской Федерации.

В преамбуле Всеобщей декларации прав человека 1948 г. говорится: «... признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...»

Цитируемая Декларация содержит важный постулат, что люди «наделены разумом и совестью…» При этом следует учитывать, что умственно отсталые люди, дети и коматозные больные не имеют или не могут реализовать такие качества, как разум и совесть. Тем не менее, общество не отказывает им в тех правах, которые могут быть, хотя и не осознанно, но использованы ими или их представителями в их интересах. Наоборот, Декларация о правах инвалидов от 9 декабря 1975 г., Декларация о правах умственно отсталых лиц от 20 декабря 1971 г., а также Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [18] специально провозглашают, что за упомянутыми категориями граждан должно признаваться право на уважение их человеческого достоинства. Этих людей признают личностями, независимо от их состояния — физического или психического.

Таким образом, очевидно, что разум, совесть и воля не являются неотъемлемыми для человека. Следовательно, названные признаки не могут считаться критериями наличия человеческого достоинства. Это необходимо учитывать при решении вопроса об универсальной концепции сущности человека, которая должна быть положена в основу правового регулирования любых явлений общественной жизни. Далее, необходимо рассмотреть качество уникальности человека, которое также признается критерием наличия человеческого достоинства. Следует сказать, что уникальность, как основополагающее качество человеческой особи до последнего момента только презюмировалась и не была закреплена юридически. До последнего времени единственным документом, который имел косвенное отношение к этой проблеме, была Декларация о расе и расовых предрассудках 1978 г. [12] В указанной Декларации провозглашалось право на «непохожесть». В частности, ст. 2 гласила, что «все люди имеют право отличаться друг от друга, рассматривать себя как таковых и считаться таковыми...» В то же время оговаривалось, что это право не должно служить основанием неравенства прав людей.

Уникальность человеческой личности начала осознаваться как ценность только в конце XX в. Возможность генетической инженерии, создания химер и клонирования человека посягают на уникальность человека и грозят привести к нивелированию ценности этого качества [4; 14; 27; 29; 32].

Вследствие этого, международным сообществом были предприняты меры по защите человеческой уникальности. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г. (или, коротко, Конвенция о правах человека и биомедицине) уделяет особое внимание защите человека и, прежде всего, его человеческого достоинства со стороны медицины, биологии и генетики. Данный акт впервые употребляет (ст. 1) слова «индивидуальность» и «целостность» как свойства человеческой личности, подлежащие защите. В связи с этим в Конвенции устанавливается запрет на вмешательство в геном человека (ст. 13), а также любой формы дискриминацию по признаку генетического наследия (ст. 11).

Тему защиты человеческого генома продолжает и развивает документ международного уровня, который был принят ЮНЕСКО ООН в ноябре 1997 г. под названием Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека [9, стр. 102].

Ст. 1 Декларации провозглашает: «Геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Геном человека знаменует собой достояние человечества».

В ст. 3 Декларации указывается на эволюционный характер генома человека, что приводит, в результате мутаций, а также влияния природной и социальной среды, к разным его проявлениям. Из этих положений вытекает два важных момента: первое — то, что личность человека не сводится только к его генетическим характеристикам; второе — то, что в основе человеческого существа лежит некая матрица — родовой человеческий геном, то есть некий набор генов.

Этот набор уникален и отличается от набора генов любого другого существа — животного или химеры.

Декларация утверждает право любого человека, независимо от его генетических характеристик, на уважение его человеческого достоинства и прав. При этом под человеческими характеристиками подразумевается как обычное генетическое разнообразие, так и генетические отклонения — заболевания. В ст. 2 документа поясняется, что признание за человеком достоинства предполагает уважение его уникальности и неповторимости.

Подобная точка зрения нашла отражение и в российской юридической доктрине. Так, известный исследователь юридических аспектов генетики М. И. Ковалев считает, что «... достоинство неотъемлемо от постоянства, ибо все, что мимолетно и преходяще, не может обладать каким-либо достоинством. В этом смысле постоянство человеческой сущности и есть его достоинство. Последнее сохраняется благодаря передаче по наследству строго определенных физиологических, психических и душевных качеств, присущих человеческому существу (в общем плане), и индивидуальных признаков, присущих родителям (в индивидуальном). Именно передача этих признаков определяет сущность постоянство человеческой природы и предохраняет поколение от постепенного перерождения» [17, стр. 22].

Таким образом, на наш взгляд, вещь, как объект гражданского права необходимо определять через ее признаки – материальность, доступность, полезность. Поскольку биологические объекты – предметы материального мира, то многие авторы причисляют их к вещам только в силу этого факта, кроме того, налицо еще один признак вещи, наличествующий у биологических объектов – полезность, т.е. возможность удовлетворения человеческой потребности. А органы и ткани человека, исходя из самой своей природы, удовлетворяют важнейшую потребность человека – потребность в здоровье [30; 31]. Однако, на наш взгляд, полезность – это дополнительный признак, не обязательный для вещи как объекта гражданского права. Что же касается материальности, то можно заметить, что «если вещи, действительно представляют предметы материального мира, то этот тезис сам по себе вовсе не предопределяет и не предрешает вопроса о том, что всякий предмет материального мира должен с неизбежностью отождествляться с понятием «вещь», а потому не исключает существования наряду с вещами также самостоятельной категории невещных материальных благ. Таким образом, поскольку вещи могут не охватывать собой всего многообразия предметов материального мира, постольку и рассмотрение всякого материального блага сквозь призму вещи, по крайней мере, нуждается в более обстоятельном теоретическом обосновании» [26, стр. 78].

Следовательно, не признавая биологические объекты человека ни материальными благами, ни вещами, нам необходимо определиться, чем же они будут являться? Известно, что перечень объектов гражданского права не является исчерпывающим. Следовательно, ничто не мешает нам посчитать их за самостоятельный объект гражданского права, ограниченный в обороте, к которому возможно применение правил, предусмотренных для оборота вещей в части, не противоречащей законодательным актам и существу объекта.

Кроме того, человеческое достоинство юридически должно признаваться за всеми членами человеческой семьи, куда входят люди, как с физическими, так и с психическими недостатками, а также человеческие существа на любой стадии развития, включая эмбриональную. Если толковать это положение буквально, необходимо будет признать человеческое достоинство и за существами (клонами) без головы или мозга, органы которых предполагают использовать для трансплантации. Такие существа должны будут рассматриваться как члены человеческой семьи (благодаря человеческому геному), но с физическими и психическими недостатками. В то же время такие существа не могут быть жизнеспособны, а значит, по нашему законодательству их нельзя признать субъектами права. Однако для использования таких существ в целях трансплантации законодателю необходимо будет специально закрепить положение, в соответствии с которым такие существа не будут являться носителями человеческого достоинства.

Список литературы

1. Бабаджано И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
2. Бабаджанов И.Х. Человек и человеческое существо: проблемы общетеоретического и легального определения понятий // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 34-48.
3. Бабаджанов И.Х. Человек, его тело: проблемы собственности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 170-177.
4. Бабаджанов И.Х. Сальников В.П., Клонирование человека: теория правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 173-182.
5. Бабаджанов И.Х., Сальников С.П. Человек, его тело в соотношении материального и духовного // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 171-179.
6. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологические основы охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 130-138.
7. Баранов В.М., Листков А.Н., Сальников В.П. Право. Справедливость. Законность: Рецензия на монографию Блумштейна Ю.Д. «Уголовное право и социальная справедливость» (Минск, 1987) // Методологические основы политико-воспитательной работы в органах внутренних дел: Сб. науч. труд. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1990. – С. 150-156.
8. Бердяев Н.А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека // Николай Бердяев. –М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 637 с.
9. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека 1997 г. // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека»: Междунар. док. и аналитич. матер. / Сост. В. И. Иванов, Б. Г. Юдин. – М., 1998. – С. 99-114.
10. Гумилев В. Е., Рудинский Ф. М. Демократия и достоинство личности / Отв. ред. Н. М. Топорнин: – М.: Наука, 1983. - 168 с.
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М.: Издательство иностранных и национальных словарей. 1955.
12. Декларация о расе и расовых предрассудках 1978 г. // Международные акты о правах человека. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – С. 114-119.
13. Жуков В.Н. Право как ценность // Государство и право. – 2010. – № 1. - С. 21-34.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 163-170.
15. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
16. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 87-92.
17. Ковалев М. И. Генетика человека и его права: юридические, социальные и медицинские проблемы // Государство и право. – 1994. – № 1. – С. 12-22.
18. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Международные акты о правах человека. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – С. 306-323.
19. Мусаев М.А. Правовой гуманизм и универсализация права: некоторые современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 30-46.
20. Мусаев М.А. Правовой гуманизм и защита гражданских прав // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 26-43.
21. Неновски Нено. Право и ценности. – София: Българската академия на науките, 1983. – 146 с.
22. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987. - 248 с.
23. Паскаль Б. Из «Мыслей» // Размышления и афоризмы французских моралистов XVI - XVIII веков. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1987.
24. Придворов Н.А. Достоинство личности и социалистическое право. – М.: Юрид. лит., 1977. - 136 с.
25. Проблема свободы и прав человека в современной идеологической борьбе / Ред. Д.А. Керимов, В.М. Чхиквадзе. – М.: Политиздат, 1986. - 319 с.
26. Ровный В.В. Новейшее исследование предмета гражданского права (рецензия на монографию М.Н. Малеиной «Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита») // Сибирский юридический вестник. – 2000. – № 3.
27. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир

политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
28. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
29. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
30. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юрист. – 2000. – № 6. – С. 38-40.
31. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования: Научное издание. / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с. – Сер. Право и медицина.
32. Силуянова И.В. Искушение клонированием или человек как подобие человека. – Сергиев Посад: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1998. - 26 с.
33. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // В.С. Соловьев. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1988.
34. Социалистическая концепция прав человека/ Отв. ред. В. М. Чхиквадзе, Е. А. Лукашева. – М.: Наука, 1986. - 222 с.
35. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии: Монография / Под общ. ред. и вступ. ст. В. П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет». 2006. – 416 с.
36. Устав ВОЗ // ВОЗ. Основные документы. – Женева: Медицина, 1986. – С. 5-26.
37. Устав ООН (Извлечение) // Международные акты о правах человека. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – С. 37-39.
38. Устав ЮНЕСКО // Свод нормативных актов ЮНЕСКО: Конвенции, соглашения, рекомендации, декларации. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 25-35.
39. Фейербах Л. Сущность христианства // Л. Фейербах. Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1955.
40. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57-63.
41. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
42. Явич Л.С., Сальников, В.П., Янгол Н.Г. Нено Неновски. 1) Право и ценности. София, изд-во на Българската академия на науките, 1983. 146 с.; 2) Съвременни буржоазни учения за държавата и правото. София, изд-во на Софийски университет «Клемент Орхидески», 1984. 146 с. :[Рецензия] // Известия высших учебных заведений. Правоведение. -1986. – № 1. – С. 103-105.

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович,
юрист по корпоративному праву компании Eurasian Resources Group (Люксембург)
E-mail: ismagilovir@gmail.com

ПРОКОФЬЕВ Константин Григорьевич,
и.о. ректора Курганского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Курган, Россия)
E-mail: 775777@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПОНЯТИЯ МОРАЛИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЯХ КАНТА И ГЕГЕЛЯ

Аннотация. *Политико-правовое учение Г.В.Ф. Гегеля формируется на основе парадигмы правовой мысли, заданной И. Кантом. Эта парадигма актуализирует понятие свободы как сущности человека и общества, из которого дедуцируются понятия морали и справедливости. Гегель преодолевает субъективизм Канта в трактовке понятий права, справедливости, морали и нравственности, развивая учение о логической рефлексии всеобщего абсолютного единства мышления и бытия*

Ключевые слова: *Кант; Гегель; свобода; справедливость; мораль; нравственность; право.*

ISMAGILOV I.R.
PROKOFIEV K.G

THE CONCEPTS OF MORALITY AND JUSTICE IN THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL CONCEPTS OF KANT AND HEGEL

The summary. *Politics-legal doctrine of G.V.F. Hegel is formed on the basis of the paradigm of legal thought given by I. Kant. This paradigm actualizes the concept of freedom as the essence of man and society, from which the concepts of morality and justice are deduced. Hegel overcomes Kant's subjectivism in interpreting the concepts of law, justice, morality and morality, developing the doctrine of the logical reflection of the universal absolute unity of thought and being*

Key words: *Kant; Hegel; freedom; justice; morality; moral; right.*

Немецкая классическая философия стремилась дедуцировать систему этических и правовых категорий из единого понятия свободы, что составило основу классической немецкой государственно-правовой науки [12, стр. 12-18]. При этом И. Кант усматривал условия этой дедукции в способности познания и в способности воли субъекта. Г.В.Ф. Гегель исходил из понятия свободы как исторически развивающегося единства субъекта и объекта [2, стр. 19-23; 6, стр. 50-69].

Гегель в своем учении о морали, нравственности, праве и государстве исходит из этой кантовской предпосылки рационального самоопределения человека относительно понятия свободы как практического принципа. По Канту, свобода не может быть постигнута в опыте. Вместе с тем, оставаясь в рамках эмпирических

установок, Кант сохраняет опыт как единственную форму знания. Поэтому свобода, по сути, оказывается у Канта вещью-в-себе. В «Критике чистого разума», в разделе описывающем антиномии чистого разума, Кант показывает, что рассуждая о свободе, рассудок неизбежно впадает в противоречие. А это для него означает иллюзорность познания, когда мы нашу познавательную способность принимаем за вещь-в-себе.

Свобода принадлежит ноуменальному миру, а потому не может стать объектом теоретического рассмотрения. Однако как основание ряда причинности в акте воли она должна быть познана и описана разумом. Другими словами, мы познанием не саму по себе свободу, а ряд условий, определенных свободой и даем ей трактовку как основанию этого ряда. Этот ряд Кант определяет как систему моральности. Свобода обуславливает действие нравственного закона, в котором Кант видит основание той «причинности, которая не есть явление, хотя результат ее находится тем не менее в явлении» [8, стр. 83]. В мире природы и материальности свободы нет и быть не может: «Идея свободы имеет место единственно в отношении интеллектуального как причины к явлению как действию. Поэтому мы не можем признать за материей свободу в отношении ее непрерывного действия...» [8, стр. 166].

Нравственность строго обусловлена законами свободы и исключает причинность, обусловленную законами природы. По Канту, если человек следует своим природным наклонностям, он поступает вопреки законам морали. Этот тезис Канта часто вызывал непонимание. Но именно жесткое противопоставление природы и морали составляет основу кантовской этики.

Это противопоставление естественного и морального закона приводит к тому, что Кант отодвигает на второй план понятие естественного права, которое может вызвать аналогии с понятием природности. Естественное право у него сохраняется, но уже не в качестве всеобщей субстанции позитивного права, как это было у его предшественников – рационалистов Нового времени, а как близкий моральности раздел права, выступающий всего лишь наряду с другими его разделами.

Не давая определение свободы, которое в пределах трансцендентальной методологии не представляется возможным, Кант тем не менее в «Критике практического разума» дает его очень емкую характеристику: «Так как чистая форма закона может быть представлена только разумом, стало быть, не есть предмет чувств и, следовательно, не относится к числу явлений, то представление о ней как определяющем основании воли отличается от всех определяющих оснований событий в природе по закону причинности, так как в этом случае определяющие основания сами должны быть явлениями. Но если никакое другое определяющее основание воли не может служить для нее законом, кроме всеобщей законодательной формы, то такую волю надо мыслить совершенно независимой от естественного закона явлений в их взаимоотношении, а именно от закона причинности. Такая независимость называется свободой в самом строгом, т. е. трансцендентальном, смысле» [8, стр. 211].

Свобода у Канта тесно связано с понятием воли: «Воля есть вид причинности живых существ, поскольку они разумны, а свобода была бы таким свойством этой причинности, когда она может действовать независимо от посторонних определяющих ее причин, подобно тому как естественная необходимость была бы свойством причинности всех лишенных разума существ – определяться к деятельности влиянием посторонних причин» [8, стр. 289]. Воля может быть гетерономной, т.е. обусловленной какими-либо внешними началами, либо автономной, т.е. обусловленной только собой. В последнем случае воля является подлинной свободой.

Волю личности Кант также подразделяет на высшую и низшую способность желания. Низшую способность составляют влечения и склонности, направленные на чувственные цели. Подчиненный низшей способности желания человек влечется к личному благополучию, к счастью. Высшая способность направлена на достижение всеобщих целей. Предмет влечения определенной ею воли – абсолютное всеобщее благо. Если автономная воля определятся высшей способностью желания, а именно: желания блага или абсолютного добра, то тогда воля является нравственной.

Здесь явно видна основная платоническая отсылка к абсолютному благу как к высшей идее – форме единства мира. Однако в отличие от Платона основоположник трансцендентализма не рассматривает благо как высшую идею

объективного мира. Заметим, что такая идея, согласно «Критике чистого разума», не может быть чем-то иным, кроме как субъективным идеалом чистого разума. Идея блага для Канта имеет место только как предмет бесконечного стремления практического разума, что является своего рода аналогом идеала теоретического разума. Однако все же существенно то, что подобно Платону Кант из идеи блага выводит принцип справедливости.

Здесь существенно то, что принцип справедливости в форме категорического императива является у Канта всего лишь субъективной максимой, внешний статус объективности которой, придает то, что разум сам себе полагает цель, определяя ее как горизонт высшего блага: «Категорический императив, который вообще выражает лишь то, `что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона! — Следовательно, свои поступки ты должен сначала рассмотреть, исходя из субъективного основоположения; но значимо ли также объективно это основоположение — это ты можешь узнать лишь потому, что, так как твой разум испытывает его: можешь ли ты благодаря ему мыслить себя в то же время устанавливающим всеобщие законы, это основоположение может оказаться пригодным в качестве такого всеобщего законодательства» [8, стр. 280].

Для Канта высший нравственный закон вовсе не является продуктом общественного договора, содержание которого в конечном итоге определяется решением людей, а потому насквозь позитивно. Но еще менее он является элементом некоей высшей правовой субстанции – естественного права. Последний подход был бы абсолютно неприемлем для основоположника трансцендентализма, всегда особенно резко и последовательно критиковавшего старую метафизику за апелляцию к произвольным понятиям, которое она столь же произвольно отождествляла с вещами-в-себе.

Соответственно трансформируется и отношение к «естественному состоянию», являющемуся столь важным понятием у Гоббса [3]. Для Канта естественное состояние представляет собой «состояние, из которого необходимо выйти, чтобы вступить в законное состояние» [8, стр. 386]. Естественному состоянию Кант, в противоположность Гоббсу и Локку [13], противопоставляет не общественное, а гражданское состояние: «в естественном состоянии общество может существовать, но только не гражданское».

Выход из естественного состояния означает становления человека, живущего в соответствии с установками разума, а не природы, а значит, потенциально морального существа. Ведь именно разум, по Канту, устанавливает для людей моральный закон, форма которого закрепляется в праве, законах правового государства и принципах гражданского общества. При этом сам разум для Канта является воплощением идеи свободы. Именно благодаря свободе, спонтанному и автономному действию трансцендентального единства самосознания становится возможным осмысление чувственного материала (по Канту это означает подведение его под ту или иную категорию рассудка). В отличие от классиков XVII века принцип свободы для Канта является не только результатом, но и исходным пунктом развития правового состояния человека.

По Канту, именно характер отношения к высшему нравственному закону определяет различие принципов моральности и легальности, из которого начинается расхождение норм морали и права. А именно: если при определении содержания того или иного поступка мы принимаем во внимание мотив действия, то мы имеем отношение моральности. Правда, по Канту, таким мотивом может быть только следование высшему нравственному закону, что составляет долг человека. Если же мы принимаем во внимание только форму следования высшему нравственному закону, то мы получаем определение легальности. Последнее, как раз и является источником дедукции права и правовых норм.

Если следование высшему нравственному закону составляет долг человека, то человек действует как моральное существо уже в силу самого факта подчинения этому долгу. В таком случае его поступки будут отвечать критериям справедливости. Однако последнее понятие отходит у автора трансцендентальной философии права на второй план, по сути, растворяясь в общих определениях моральности. Дело в том, что Кант считал понятие справедливости двусмысленным, полагая, что при его применении в правовом контексте происходит смешение двух понятий права, а именно: права

с точки зрения разума и права с точки зрения суда. Поэтому может получиться так, что, кто считает себя правым с полным основанием с точки зрения разума, не сможет найти достаточных оснований для защиты своих требований перед судом.

Хотя Кант и не приводит соображений, каким образом следует выйти из того трудного положения, в котором оказалась теория права при решении данных вопросов, но его соображения все же представляют большой интерес и в настоящее время. Кант очень метко указал уязвимые места догматического учения о праве, которое считает правом только то, что установлено законодателем, и потому не в состоянии решить вопроса, как поступать в случае пробелов в законодательстве.

Из принципа свободного самоопределения в его трансцендентальной форме, принципа добровольного подчинения всех общественному порядку рождается ослабленная форма, которая полагается на волю большинства и посредством принципа большинства приводит к форме справедливости, для которой содержание созданного согласно ей правопорядка не важно. Но начальная идея свободы ещё прослеживается в стремлении ограничить компетентность государства во вмешательстве в сферу свободы каждого, так что за индивидуумом сохраняется неприкосновенная сфера.

Дедуцированное Кантом из понятия свободы содержание этики и теории права оказалось в высшей степени привлекательным. И вплоть до XXI в. кантовская парадигма является основной для наиболее авторитетных правовых учений, несмотря на то, что исторически она снимается в гегелевской философии права. Однако если в сфере теории познания и метафизики ограниченность кантовского учения очевидна, во всяком случае очевидна после критики его Фихте и Гегелем [4; 9], то в области учения о праве это совсем не так.

И дело здесь, как нам представляется, связано не только с тем, что великие последователи Канта критиковали его правовое учение большей частью не по принципу, а по его отдельным, частным, постулатам. Дело в самой природе права, которое, с одной стороны, как позитивное право является искусственным образованием, создано самими людьми. А, с другой, выходит за пределы компетенции эмпирического рассудка.

Но именно в эту схему и укладывается кантовская концепция права. Право, по Канту, есть результат деятельности разума и воли человека. Оно не является каким-то естественным законом или набором норм, имеющим такую же модальность, как и вечные законы природы. Но при этом разум, создающий нормы права, действует, исходя из его априорных принципов. А значит, действует не произвольно и его нормы могут приниматься как всеобщие по своей природе. Искусственности права Кант противопоставляет не натурализм естественного, а всеобщее начало синтезирующего разума.

Гегеля принципиально не устраивает отказ Канта от анализа содержания понятия свободы. Бессодержательность принципа легальности имеет следствием бессодержательность самого права. Изначально обуславливающее такой результат отношение Канта к опыту как к единственному источнику знания Гегель также отвергает, считая его чем-то вроде атавизма эмпирического способа мышления. Соответственно, «Гегель не разделял дуализм бытия и долженствования, если объявить нравственность всеобщим долженствованием, то в этом случае она теряет свой абсолютный характер… Если же рассматривать нравственность как чистое единство абстрактного закона (Кант), то нельзя, убеждал Гегель, создать систему нравственности…» [14, стр. 152-153].

Немецкий правовед П. Праусс в работе «Мораль и право в государстве согласно Канту и Гегелю» указывал на связь правовой концепции Канта с его учением о способности разума к различению добра и зла [16, стр. 11]. Благодаря способности к такому различению разум открывает для человека путь к моральному выбору и дает ему закон для ориентации в моральном «пространстве». Этот закон, «закон свободы», может быть назван законом лишь по аналогии с законами природы.В действительности речь идет о возможности различения между «правовым» и «неправовым», между «правом» и «не-правом» для того, чтобы более точно определить истинность позитивного законодательства [16, стр. 36]. Однако без содержательного анализа свободы эта установка оборачивается либо произвольным, необоснованным утверждением, либо всего лишь благим пожеланием. Здесь становится понятным и тот перекос морального начала над собственно юридическом в кантовском обосновании права,

на который указал В.С. Нерсесянц: «В кантовском моральном учении о праве, находящемся еще под заметным влиянием естественно-правовых представлений Нового времени, речь идет именно о моральной, а не о правовой ценности позитивного права и государства. Сама идея республиканизма (этой кантовской версии правового государства) обосновывается Кантом как максима морального сознания, как требование морального категорического императива» [11, стр. 491-492].

Енг-Нам Ли, анализируя гегелевскую критику морально-правового учения Канта, сосредотачивает свое внимание на неприятии Гегелем кантовского агностицизма в вопросе о способности субъекта самому давать себе закон. Отказ Канта от содержательного познания свободы не позволяет возвысить моральность единичности до уровня всеобщности и тем самым манифестировать действительные основания дедукции права. В итоге, в вопросах морали и права Кант не может выйти за пределы субъективизма. Современный исследователь обращает внимание и на недостатки кантовской методологии, в частности, на игнорирование «законоутверждающей силы противоречия», в противоположность тому, что мы встречаем в философии права Гегеля [15, стр. 67-71].

Если суммировать в одном слове все претензии Гегеля к политико-правовому учению Канта, то их можно было бы обозначить категорией субъективизма. И. Кант, стремясь преодолеть кризис гуманитарного знания, в первую очередь права и этики, отказался от объективной модели общества, предложенной эмпиризмом Нового времени, и от субъективным установок, введенных в науку Декартом и развитых Лейбницем и Вольфом. Ни объект сам по себе и ни сам по себе субъект не могут быть источником достоверных знаний о природе, обществе и личности. Понять процессы, протекающие в этих сферах, можно лишь в том случае, если в качестве исходного пункта познания мы примем также процесс. А именно: процесс диалектического взаимодействия субъекта и объект. Иначе, как предпочитали говорить немецкие классики, принять в качестве исходного теоретико-методологического начала науки единый «субъект-объект».

Однако сам Кант конструирует теоретическую модель этого «субъект-объекта», анализируя исключительно деятельность субъекта познания, который к тому же трактует как непознаваемую «вещь-в-себе». В итоге он конструирует, как принято говорить «субъективный субъект-объект». Стоит отметить, что рефлексивное мышление автора «Критики чистого разума» сохраняется и воспроизводится Гегелем на новом уровне – в качестве рефлексии в себя всеобщего абсолютного единства мышления и бытия. Таким образом, осуществляется переход от субъективной модели морали и права, основанной на общности принципов познания, к объективной модели единства права и нравственности, опирающейся на познание исторического развития мышления.

Здесь нужно иметь в виду, что мышление для Гегеля – это не только то, что воплощается в субъективных идеях как продуктах того действия, что обычно называют размышлением. Мышление – это объективный процесс, переходящий от одного поколения к другому, складывающийся из интеллектуального творчества различных субъектов. Такое мышление реализуется не только вербально, но прежде всего в объективной практике человечества: в практике искусства, нравственного самосовершенствования и религиозного делания, в искусстве, но прежде всего – в формах государства и права. Последние и есть ничто иное, как приобретшие объективные формы результаты рефлексивного познания человеком своей сущности и сущности своего отношения к природе [10, стр. 91-102].

Государство для Гегеля прежде всего является осуществлением духовной свободы, воплощенной как в обществе, так и в индивидах [7]. И именно в таком качестве оно выступает как нечто нравственно целое и единое [1, стр. 283]. В противоположность Руссо и Канту Гегель не выводит суверенитет из воли народа, а связывает его непосредственно с самой идеей государства. Здесь важно иметь в виду гегелевскую диалектику, согласно которой, государство само по себе не является некоторой конструкцией, возвышающейся над народом, а составляет его неотъемлемое содержание, подобно душе в отношении к отдельным органам тела. Однако при этом сам народа следует понимать не как агрегат индивидов (vulgus), а как внутренне дифференцированное и сложное образование (populus), т.е. как гражданское общество. На это обращает внимание и на этом настаивает сам Гегель в

«Энциклопедии философских наук». В качестве «души» общества государство для Гегеля есть, во-первых, тотальность, т.е. неразрывность и континуальность всех его членов, а, во-вторых, абсолютное самоопределение, т.е. самоопределение, не зависящее от внешних начал, а имеющее источник исключительно в себе самом. Эта самообоснованность составляет действительную субстанциальность государства.

В таком качестве государство выступает как одно, как единица. Поэтому оно подобно единому и единичному живому существу: «Идеализм, составляющий суверенитет, есть то же определение, по которому в животном организме его так называемые части суть не части, а члены, органические моменты, изоляция и для себя пребывание которых есть болезнь» [1, стр. 317]. Эта субстанциальность, эта единичность, вытекающая из самой природы государства, и обозначается Гегелем как его суверенитет. Слово «идеализм» означает здесь отнесенность к сфере идеального, которую Гегель противопоставлял сфере реального. Идеальное в его трактовке есть внутреннее содержание реального, но при этом такое содержание, которое само по себе активно, определяет реальное и проявляется в каждом его элементе как нечто снятое, но в тоже время сохраняющееся.

В государстве, таким образом, он усматривает два начала: духовное начало, выражающееся в его внутренней дифференциации и в связи с дифференцированным гражданским обществом; и начало жизни, души государства, которая делает возможным именно его целостность, воспроизводящая саму себя, т.е. суверенитет: «государство как духовное есть развертывание всех своих моментов, но единичность есть одновременно душевность и животворящий принцип, суверенитет, содержащий в себе все различия» [1, стр. 317-318].

Субъектом процесса становления государства, по Гегелю, является дух, т.е. духовное начало человека и человечества, которое также присутствует в природе как его внутренняя, скрытая форма. Субстанция духа есть свобода. И именно это знание духом своей свободы получает свое воплощение в устойчивых формах государства и права [10, стр. 104-121]. Именно для свободного духа справедливость выступает в качестве основания действительности права. Право же, основанное только на принуждении, нельзя назвать правом. Непосредственную проявленность абсолютного начала в праве Гегель, обосновывает (развивая при этом классическую традицию) указанием на идею справедливости, которую он противопоставляет насилию [5].

Это видно, хотя бы из следующего фрагмента: «Право и справедливость должны корениться в свободе и воле, а не в несвободе, к которой обращается угроза. Такое обоснование наказания похоже на то, будто замахиваются палкой на собаку, и с человеком обращаются не соответственно его чести и свободе, а как с собакой. Угроза, которая в сущности может довести человека до такого возмущения, что он захочет доказать по отношению к ней свою свободу, совершенно устраняет справедливость. Психологическое принуждение может относиться только к качественным и количественным различиям преступлений» [1, стр. 146].

Таким образом, идея справедливости в той или иной форме присутствовала в любой традиции классической философии права, включая теорию естественного права, теорию общественного договора или более сложные теоретические построения немецких классиков. Применительно к проблемам современной теории права и государства она может быть актуализована лишь с учетом нового критического переосмысления этого наследия, а также с учетом разработок теории и методологии познания, которая позволила бы интегрировать и теоретически воспроизвести иррациональные и рациональные, интуитивные и дискурсивные начала права и правосознания.

В итоге мы видим, что идея справедливости является неотъемлемым элементом правового мышления, опосредуя отношение права и морали. При этом сама идея справедливости трансформировалась при переходе в новые дискурсы правовой мысли, связанные с развитием традиции правовой мысли от теории естественного права до философско-правовых моделей немецких классиков.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
2. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
3. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
4. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
5. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея справедливости в традициях неокантианской философии права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 6. – С. 121-133.
6. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
7. Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Гегель о суверенитете как конституционной ценности // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 138-144. – в сб. 344 с.
8. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с.
9. Клименко О.А. Идея суверенитета в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 191-196.
10. Масленников Д.В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). – СПб: НОИР, 2011.
11. Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2009.
12. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
13. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
14. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: Монография.- М.: Юрлитинформ, 2015. – 304 с.
15. Haeng-Nam Lee. Dailektit der sittlichen Freicheit. Hegels Auseinandersetzung mit seinen Vorgänger. Frankfurtr a.Main. Nomos. 2017.
16. Prauss G. Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel. München: Verlag Karl Alber, 2008.

ЛЕЖНЕВА Ольга Юрьевна,
судья Московского городского арбитражного суда
(г. Москва, Россия)
E-mail: Urbova@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

КЛАССИКИ ПРАВОВОЙ НАУКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ О РОЛИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *Классики философско-правовой мысли Нового времени (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Т. Гоббс) обосновывали возможность обеспечении прав личности посредством реализации идеи справедливости, в отличие от Платона связывая ее не с разными сословиями гражданского общества, а с разделением государственной власти. В доктрине разделения властей была акцентирована идея защиты прав человека перед лицом возможного произвола другого субъекта, будь то личность, общество или само государство, а также обоснована ведущая роль судебной власти в обеспечении прав личности.*

Ключевые слова: *разделение властей; судебная власть; права личности; права человека; философия права.*

LEZHNEVA O.YU.

CLASSICS OF THE LEGAL SCIENCE OF MODERN TIMES ABOUT THE ROLE OF THE JUDICIARY IN ENSURING THE RIGHTS OF THE INDIVIDUAL

The summary. *The classics of the philosophical and legal thought of the New Times (T. Hobbes, J. Locke, S.-L. Montesquieu, T. Hobbes) substantiated the possibility of ensuring the rights of the individual through the realization of the idea of justice, unlike Plato, linking it not with the division of the estates of civil society, but with the separation of state power. In the doctrine of separation of powers, the idea of protecting human rights in the face of possible arbitrariness of another entity, be it personality, society or the state itself, was stressed, and the leading role of the judiciary in ensuring the rights of the individual was justified.*

Key words: *separation of powers; judicial branch; the rights of the individual; human rights; philosophy of law.*

Античная мысль не знала идеи разделения властей, разрабатывая учения о разделении функций единой государственной власти. Высшая задача власти усматривалась в обеспечении справедливости, наиболее полным воплощением которой был справедливый суд. В представлении античных и средневековых авторов (Платон, Аристотель, Фома Аквинский и др.) суд соединял в себе два начала [1; 4; 5; 8; 11; 18]. С одной стороны, он понимался как институт государственной власти и с этой точки зрения был прежде всего привилегией суверена. С другой стороны, в институте суда видели форму непосредственной связи сообщества людей с миром божественной справедливости.

Тенденция секуляризации государственной власти и десакрализации права, ставшей господствующей тенденцией в общественной жизни Нового времени, не вела к отрицанию представлений о справедливости. Однако задача теоретического обоснования судебной власти требовала истолкования отношения права и справедливости,

уже исходя из оснований обновленной политико-правовой науки, развивавшейся исходя из парадигмы общественного договора и теории разделения властей. В последней особо последовательно была акцентирована идея защиты прав и безопасности человека перед лицом возможного произвола другого субъекта, будь то личность, общество или само государство [3; 7].

В истории правовой мысли Нового времени наиболее значительный вклад в разработку теории разделения властей и, соответственно, в учение о судебной власти внесли Дж. Локк в XVII в. и Ш.-Л. Монтескье в XVIII в. Существенно то, что и Локк, и Монтескье, дедуцировали саму идею судебной власти, как и остальных правовых институтов, исходя из первичной задачи обеспечения безопасности человека. В этом они продолжали традицию, заложенную еще в «Левиафане» Т. Гоббса [6; 13; 17].

Как известно Гоббс, а вслед за ним и Локк, разрабатывали механистическую модель права, которую трактовали как своего рода социальный аналог атомистического учения о природе. Место неделимого исходного элемента материи – атома – в социальной ткани занимает столь же неизменное, заданное самой природой человека, стремление к обеспечению собственной безопасности. Поскольку силу всех людей примерно равны, то считал Гоббс, никто не может возвыситься над другими. Поэтому неизбежна война всех против всех, противоречащая изначальном устремлению человека к безопасности и обеспечению своих прав.

Обеспечение прав человека, таким образом, возможно только в сверхприродном состоянии, которое складывается в результате общественного договора и отчуждения прав личности в пользу единого суверена во имя обеспечение безопасности человека. Договор устанавливает неизменный далее естественный закон, который представляет собой «предписание, или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни» [2, стр. 97]. Ограничение возможности суверена посягать на неотчуждаемые права человека, Локк, а вслед за ним и Монтескье видели в разделении государственной власти на несколько отдельных властей, в иерархии которых важное место занимает судебная власть.

В таком случае государственный суверенитет ограничивается общественным благом и правами личности и является не угрозой безопасности личности, а, наоборот, защитой ее прав. При этом высшей судебной инстанцией выступает народ, гражданское общество: «После заключения договора именно народ остается судьей, решающим, правильно ли учрежденные и уполномоченные им власти выполняют возложенные на них договорные обязательства или стали нарушать договор и оказанное им доверие» [12, стр. 247]. Государственной власти вменяется «управлять согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным ему, а не путем импровизированных указов» [9, стр. 341].

Согласно Локку, генезис судебной власти как института, обеспечивающего права личности, осуществляется еще на стадии естественного состояния. На этой стадии «каждый человек имеет право наказать преступника и быть исполнителем закона природы» [9, стр. 267]. Но для того, чтобы наказать преступника, следует сначала установить его вину. Значит, каждый человек, имеющий право наказывать преступника, автоматически имеет право и судить его.

Однако на уровне естественного состояния это право ограничено пределами личных прав и не приобретает тех качеств, которые оно получает на уровне общественного договора и которые позволяют надежно и справедливо защищать интересы человека. Речь идет о том, что на уровне естественного права право личности заключается во взимании возмещения, которым обладает только потерпевшая сторона. Это положение прямо вытекает из локковского принципа неотчуждаемости основных прав личности, включая и право частной собственности. В любом случае личность, потерпев от другой личности какой-либо урон своей собственности или каким-либо иным правам, имеет право требовать их возмещения. Поэтому и судья «не может освободить от обязанности дать удовлетворение, которое должно получить любое частное лицо за понесенный им ущерб» [9, стр. 267]. Здесь деятельность судьи связана с естественными правами человека и прямо обусловлена своими генетическими свойствами, фиксируемыми на уровне естественного права.

Иное дело, права и обязанности судьи, которые обусловлены уже общественным состоянием

людей. Речь идет о «каре за преступление для острастки и для предотвращения подобных нарушений». Такого рода действия предполагают наличие нового субъекта и объекта правоприменения. Такого рода субъекта, общество, вовсе не знало естественное состояние, как его описывает Локк. Характеризуя это различие в функциях суда, английский классик пишет: «Случается так, что судья, который, будучи судьей, обладает общим правом наказания, вложенным в его руки, может часто, когда общественное благо не требует исполнения закона, отменить наказание за преступные деяния своей собственной властью; но тем не менее он не может освободить от обязанности дать удовлетворение, которое должно получить любое частное лицо за понесенный им ущерб. Тот, кто понес ущерб, обладает правом требовать его удовлетворения от своего собственного имени, и только он может от него освободить» [9, стр. 267].

Далее Локк говорит о том, что в естественном состоянии человек может покарать преступника, имея в виду не только возмещение причиненного ущерба, но и устрашение других возможных преступников и посредством этого защиту личности и общества посредствоем предупреждение аналогичных преступлений. Однако наказание по этому мотиву (в отличие от задачи возмещения ущерба) не составляет прямой обязанности судьи. Судья вправе, таким образом, не наказывать преступника, имея в виду только цели воздействия на общество, поскольку они связаны с отчуждаемыми правами личности. Но он не вправе отказаться от вменения преступнику обязанности возмещения ущерба, так как здесь речь идет о естественных, неотчуждаемых правах личности.

Такого рода функция суда возможна лишь в том случае, если он выступает не как проявление естественного права личности наказывать преступника, совершившего против нее преступление (а Локк настаивает на этом праве личности), а как институт, действующий в рамках общественных, а не естественных отношений. Характерно, что сам переход от естественного к общественному (или политическому) состоянию, само становление гражданского общества Локк связывает с переходом функции суда от индивида к обществу как единому субъекту действия: «всякий частный суд каждого отдельного члена исключается, и общество становится третейским судьей, устанавливая постоянные правила, беспристрастные и одни и те же для всех сторон, и с помощью людей, получивших от общества полномочия проводить в жизнь эти правила, разрешает все разногласия, которые могут возникнуть между любыми членами этого общества в отношении всякого правового вопроса, равно как и наказывает те преступления, которые любой член общества совершил по отношению к обществу, такими карами, которые установлены законом» [9, стр. 311].

Сам по себе институт суда является для Локка основным признаком гражданского общества. Наличие этого института – водораздел между гражданским и естественным состоянием: «Те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, находятся в гражданском обществе» [9, стр. 311]. В гражданском состоянии индивид переносит свое право быть судьей на уровень государственной власти. А именно: законодательной власти, к которой Локк относит также и суд: «судьей является законодательная власть или назначенное ею должностное лиц» [9, стр. 311]. И только это дает правам личности надежную защиту и позволяет в полной мере обеспечить ее безопасность.

Значение суда как определяющего признака гражданского состояния настолько важно для Локка, что он апеллирует к нему, выступая за ограничение абсолютной монархии. Именно постольку, поскольку абсолютный монарх не имеет над собой суда, он входит в сферу естественного, а не гражданского состояния. Напротив, монарх, чья власть ограничена другими ветвями власти (в данном случае – судебной власти как виду законодательной власти) действует, опираясь на закон и принцип справедливости, реализуемый в суде. Он должен «править с помощью беспристрастных и справедливых судей, которые должны разрешать споры посредством этих законов, и применять силу сообщества в стране только при выполнении таких законов, а за рубежом — для предотвращения вреда или для получения возмещения за него и для охраны сообщества от вторжений и захватов. И все это должно осуществляться ни для какой иной цели, но только в интересах мира,

безопасности и общественного блага народа» [9, стр. 337].

На политико-правовые воззрения последующей эпохи – эпохи Просвещения – оказали исключительно большое влияние идеи Гоббса и Локка о конвенциональном происхождении гражданского общества и государства и о роли института суда как стержневой конструкции, определяющей уровень гражданского состояния и являющегося основным инструментом обеспечения прав личности. Наиболее глубокое осмысление этого учения в XVIII в. мы видим в учении Монтескье, который возводит судебную власть на уровень основных властей суверенного государства. В целом следуя в вопросе о разделении властей концепции Локка, именно Монтескье выделяет судебную власть в качестве особой ветви государственной власти, наряду с властью законодательной и исполнительной. Начиная с этого момента представление о судебной власти как о самостоятельной ветви государственной власти прочно входит в круг основополагающих идей европейской правовой мысли.

Согласно Монтескье, судебная власть должна основываться на власти закона и быть выразителем этой власти: «Если бы в них выражалось лишь частное мнение судьи, то людям пришлось бы жить в обществе, не имея определенного понятия об обязанностях, налагаемых на них этим обществом» [10, стр. 179]. У Монтескье мы также находим идею о суде присяжных: «Судебную власть следует поручать не постоянно действующему сенату, а лицам, которые в известные времена года по указанному законом способу привлекаются из народа для образования суда, продолжительность действия которого определяется требованиями необходимости» [10, стр. 179].

В свой деятельности судебная власть должна прежде всего опираться на закон, поскольку именно закон дает гарантии политической свободе гражданина: «Свобода политическая заключается в нашей безопасности или по крайней мере в нашей уверенности, что мы в безопасности. Эта безопасность всего более подвергается нападениям в уголовных процессах по обвинениям публичного или частного характера. Поэтому свобода гражданина зависит главным образом от доброкачественности уголовных законов» [10, стр. 182].

Суд, деятельность которого основана на разумных законах, сам по себе является, согласно Монтескье, ценностью, поскольку им определяется мера свободы человека и степень защиты этой свободы: «Сведения о наилучших правилах, которыми следует руководствоваться при уголовном судопроизводстве, важнее для человечества всего прочего в мире. Эти сведения уже приобретены в некоторых странах и должны быть усвоены прочими. Только на применении к делу этих сведений и может быть основана свобода. В государстве, которое обладает в этом отношении самыми лучшими законами, человек, которого суд приговорил повесить на следующий день, будет более свободен, чем паша в Турции» [10, стр. 183].

Вынесение судебного приговора должно основываться на достоверных данных и исключать произвол. В этой связи Монтескье специально подчеркивает, что для справедливого приговора требуется, как минимум, два свидетельских показания и вынесение приговора на основании лишь одного показания представляется ему неправомерным. Наказание, устанавливаемое судом, должно быть соразмерно совершенному преступлению и соответствовать его виду.

Монтескье выделяет четыре вида преступлений: преступления против религии, преступления против нравов, преступления против общественного спокойствия, преступления против безопасности граждан. В трактате ученого большое внимание уделяется вопросу о разграничении этих преступлений. Монтескье решительно выступает против того, чтобы смешивать различные виды преступлений. Так, например, он считает неправильными решения римских императоров IV – V вв. Валентиниана, Феодосия и Аркадия, которые объявили фальшивомонетчиков виновными в преступлении оскорбления величества. Такого рода смешение затрудняет квалификацию уголовного преступления, с одной стороны, и ведет к «ослаблению страшного понятия оскорбления величества», с другой стороны.

Первые преступления должны наказываться как собственно церковными мерами (например, запрет на участие в службе), так и внешним проявлением общественного осуждения («избегать присутствия преступника, выражать по отношению к нему чувства омерзения, отвращения, отчуждения»). Такого рода подход, предлагаемый ученым, был исключительно гуманным для

общества, в котором с древних времен именно за религиозные преступления назначались самые жестокие наказания. Монтескье также специально оговаривает, что наказывать нужно лишь за религиозные преступления, связанные с публичными действиями преступника, но не за вольномыслие и не за действия, совершенные вне общественного пространства.

Преступления против нравов (против, «установленных способов пользования чувственными удовольствиями и половыми сношениями», куда ученый, видимо, включал и содомию), должны наказываться штрафами, изгнанием, публичным посрамлением и т.п. Он решительно выступал против того, чтобы наказывать смертью за «преступления против естества», которые непосредственно не угрожают безопасности человека. В распространении такого рода преступлений он видел частичную вину самого общества, не принявшего своевременно мер против их пропаганды и против искоренения общественных обычаев, стимулирующих склонность к этим преступлениям. Актуально для сегодняшнего времени звучит следующее замечание ученого: «Преступления против естества никогда не получат большого распространения в обществе, если склонность к ним не будет развиваться каким-нибудь существующим у народа обычаем» [10, стр. 186].

Преступления против общественного спокойствия, не связанные с посягательствами на безопасность граждан, должны наказываться посредством своего рода отчуждения общества от преступника. Здесь Монтескье указывает на такие меры как «тюрьма, ссылка, исправительные меры и другие наказания, которые укрощают беспокойные умы и возвращают их в границы установленного порядка».

Наказания за преступления против безопасности граждан Монтескье трактует как вариант талиона и считает, что они должны наказываться исключительно смертной казнью, кроме случаев, связанных с посягательством на собственность. Последние он считает целесообразными наказывать также лишением собственности. В ряде случаев конфискацию нужно сочетать с телесными наказаниями, поскольку «всего охотнее покушаются на чужую собственность те, кто не имеет своей, то явилась надобность добавить к денежному наказанию еще и телесное» [10, стр. 186]. Здесь отчетливо виден классовый подход французского ученого, считавшего возможным и оправданными применение телесных наказаний к представителям «низших» классов. Кроме того, сама история учит, что «охотнее покушаются на чужую собственность» как раз представители привилегированных классов, чему немало примеров можно почерпнуть и из исторических пассажей самого трактата Монтескье.

Согласно Локку и Монтескье, само право, государство, власть суда в конечном итоге обусловлены необходимостью обеспечения прав личности, защиты ее интересов, но при непременной условии следования принципам справедливости, заключающем в себе абсолютные ценностные начала [15; 16]. Именно справедливость, согласно трактовке просветителей, является вечным принципом, предшествовавшем системе юридических законов и являющемся естественным основанием правовых отношений в государстве: «Законам, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, значит утверждать, что до того, как был начертан круг, его радиусы не были равны между собою» [10, стр. 234].

В конечном итоге осуществленная в Новое время десакрализация идеи справедливости лишала ее качеств вечного и священного для людей принципа, освящающего собой также право, законы, государство. Справедливость, будучи порождена разумом, может быть разумом же и изменена. Она становится чем-то относительным, зависящим от прагматических целей и задач. Хотя ни Гоббс, ни Локк, ни Монтескье не делают подобных выводов, эта возможность заложена в самой сконструированной ими этико-правовой модели. В этом – источник ее релятивизма, открывавшего возможность как политическому произволу (прежде всего в эпоху Великой Французской революции, декларировавшей свою приверженность идеалам Монтескье), так и делегитимизации результатов законотворчества и судебной деятельности. И в том, и в другом случае политический порядок, лишенный начал справедливости, несет в себе угрозу посягательства на безопасность общества и права личности.

Эпоха Просвещения продолжает традицию разработки политико-правовой доктрины в

концептуальном пространстве, задаваемом понятиями личности, гражданского общества и государства, как они были разработаны в учениях Гоббса и Локка. Просветители поддерживали теорию договорного происхождения государства, но трактовали по-новому содержание этого договора. Ранее это был своего рода контракт, в котором определялись взаимные права и обязанности, после чего народ был не вправе изменять условия договора. Согласно просветителям, сам народ делегирует правителям свою власть и он вправе изменять этот договор, если правители злоупотребляют властью. В соответствии с этим учением, согласие между народом и государем представлял собой акт принятия основных законов государства. Идея правления законов, а не отдельных личностей должна быть положена в основу соглашения между народом и государством и именно эта идея формирует основы системы правового обеспечения прав личности.

В трудах просветителей, прежде всего Монтескье, проводится та мысль, что в соответствии с принципами государства законам (причем, не только естественным, но и положительным) подчиняются сами правителя, которые обязаны выполнять волю граждан, воплощенную в законах или решениях судов. Согласно взглядам просветителей, законотворчество могут преобразовать действительность лишь тогда, когда в стране функционирует судебный механизм, посредством которого закон становится обязательным для всех.

Согласно просветителям, и право, и государство, и власть суда в равной мере обусловлены принципами справедливости. Право в политическом обществе существует в том случае, когда оно сформулировано на основе идеи справедливости в виде положительных законов государства и реализуется при помощи его органов и имеющих силу решений судебных инстанций. Справедливость, согласно трактовке просветителей, является вечным принципом, предшествовавшем системе юридических законов и являющемся естественным основанием правовых отношений в государстве: «Законам, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, значит утверждать, что до того, как был начертан круг, его радиусы не были равны между собою» [10, стр. 234].

Но в конечном итоге глубокая постановка античными авторами вопроса об онтологическом статусе справедливости остается за пределами правовых концепций просветителей. Осуществленная в Новое время десакрализация идеи справедливости лишала ее качеств вечного и священного для людей принципа, освящающего собой также право, законы, государство. Справедливость, будучи порождена разумом, может быть разумом же и изменена. Она становится чем-то относительным, зависящим от прагматических целей и задач.

Хотя ни Гоббс, ни Локк, ни Монтескье, ни Руссо не делают подобных выводов, эта возможность заложена в самой сконструированной ими этико-правовой модели. В этом – источник ее релятивизма, открывавшего возможность как политическому произволу (прежде всего в эпоху Великой Французской революции, декларировавшей свою приверженность идеалам Монтескье и Руссо), так и делегитимизации результатов законотворчества и судебной деятельности.

Попытку найти в разуме более устойчивые основания для построения правовой системы, сочетающей в себе начала справедливости и законности, «спроецировать заключенные во всеобщей гармонии бытия начала права в исторические формы развития человека, общества и государства» [14, стр. 11], мы находим в политико-правовых трудах классиков немецкой философии права рубежа XVIII – XIX вв.

Список литературы

1. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
2. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М., 1991.
3. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
4. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Конвергенция в философии и богословии в творчестве Фомы Аквинского как обеспечение устойчивости концепции естественного права // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 176-184.
5. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
6. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
8. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17-23.
9. Локк Дж. Два трактата о правлении. Кн. I // Дж Локк. Соч. в трех томах. Т.3. – М., 1988.
10. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955.
11. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
12. Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений. – М.: Наука, 1983. - 365 с.
13. Развитие философии права в Новое время (Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Пуфендорф, Томазий, Лейбниц, Монтескье, Руссо) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, Л.А. Чеговадзе, В.П. Сальников, А.П. Альбов. Глава II // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 78-157.
14. Сальников В.П., Масленников Д.В. Право как форма бытия. Вступительная статья // Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права. Цикл лекций. – СПб: Фонд Университет», 2017. – С. 10-17.
15. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
16. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11.- С. 22-29.
17. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
18. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.

МАЧ Валентин Яковлевич
E-mail: mach-valentin@rambler.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПОЗНАНИЕ И ОСВОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА И ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ДОГАДКИ: АНТИНАУЧНАЯ СТАТЬЯ

Аннотация. *Анализируется значение эвристических догадок в процессе познания и освоения человеком окружающего мира. Отмечается, что совокупность всех этапов развития физики и математики представляет собой последовательность таких эвристических догадок. Формулируется вывод о том, что каждая подобная догадка является реальным практическим шагом в процессе поступательного развития науки и техники.*

Ключевые слова: *познание окружающего мира; эвристические догадки; мышление; физика; математика; наука и техника;*

MUCH V.Ya.

COGNITION AND DEVELOPMENT OF A PERSON AROUND THE WORLD AND HEURISTIC GUESSES: AN ANTISCIENTIFIC ARTICLE

The summary. *The significance of heuristic conjectures in the process of cognition and the man's mastering of the surrounding world is analyzed. It is noted that the totality of all stages in the development of physics and mathematics is a sequence of such heuristic conjectures. The conclusion is drawn that every such conjecture is a real practical step in the process of the progressive development of science and technology.*

Key words: *knowledge of the surrounding world; heuristic guesses; thinking; physics; mathematics; science and technology;*

«Про бессилие науки перед тайною Бермуд».
В. Высоцкий

Где-то в 50-х или 60-х годах прочел в журнале «Техника молодежи» статью, в которой утверждалось о необходимости развивать в себе способность к эвристическому мышлению, которое позволяет, дескать, находить решения задач в различных областях науки и техники как бы по наитию в виде необъяснимых эвристических догадок, обходя стороной неотразимую убедительность стройных логических рассуждений. О самом процессе эвристического мышления и способах его развития автор статьи не сказал ничего, ограничившись описанием решенной эвристическим образом задачи, стоявшей перед инженерами всех стран, участвовавших во Второй мировой войне. Заключалась эта задача в настоятельной необходимости предотвращения целенаправленных налетов вражеской авиации на объекты промышленности в ночное время, обнаруживаемых по открытому пламени труб промышленных предприятий. Долго и безуспешно бились соответствующие специалисты всех воюющих стран над решением этой задачи, придумывая всевозможные способы надежной маскировки. Решение все-таки было найдено, но только после переформулирования задачи. То есть, формулировку – «скрыть пламя» заменили формулировкой – «сделать пламя невидимым». Требуемым решением оказалось добавление медного купороса в топки печей промышленных предприятий.

Представляется весьма заманчивым освоить это самое эвристическое мышление для того, чтобы затем походя находить решения различных научных и технических задач. Тем более, что история развития науки и техники предоставляет огромное множество примеров эвристических решений. Наиболее известное из них является «Эврика!» Архимеда, открывшего Закон, хотя, спрашивается, почему Закон, а не свойство жидкости воздействовать на погруженное в нее тело, о котором (свойстве) Архимед догадался, находясь в ванне. Еще одним примером эвристической догадки является Закон всемирного тяготения Исаака Ньютона, хотя и в этом случае позволительно спросить, почему Закон, а не свойство физических объектов материального мира взаимодействовать между собой на расстоянии. Поговаривают, что озаряющая догадка об этом свойстве материи возникла у него тотчас же после падения на его голову яблока. Та же самая периодическая таблица химических элементов Менделеева оказалась очередной эвристической догадкой, возникшей в его голове во время сна.

Не всегда, однако, известны сопутствующие обстоятельства, способствовавшие возникновению той или иной эвристической догадки. Одной из таких является, например, аксиома Евклида о свойстве параллельных прямых. Неизвестно также сопутствующее обстоятельство, способствовавшее изобретению колеса. Но и более древние наши предки внесли свой посильный анонимный вклад в копилку загадочных эвристических находок. В очередной раз такое знаменательное событие произошло тогда, когда один из них с огромным интересом посмотрел на лежащий недалеко камень, проводив только что перед тем унылым взглядом быстро убегающую несостоявшуюся добычу. Вот таким, непостижимым образом человек познавал и осваивал окружающий его материальный мир до появления науки и свойственного ей строгого логического мышления.

Несмотря на многочисленность примеров эвристических решений, само по себе эвристическое мышление представляет собой некую, недоступную обычному пониманию загадку. Сопутствующие обстоятельства, способствовавшие возникновению многих эвристических решений, представляют собой отдельный интерес, который, возможно, потребует когда-нибудь произвести их полную, по мере возможности, систематизацию. Пока что представляется в высшей степени целесообразным выяснить возможность логического мышления находить решения задач, решаемых с помощью эвристических догадок. Остается предположить, что наиболее подходящей для выяснения этого вопроса является такая точная наука как математика.

Можно нисколько не сомневаться в том, что только в результате возникновения многих эвристических догадок у человека сложилось представление о натуральных числах и о способе их сложения с помощью точного порядка арифметических действий. Однако из этого первоначального достижения математики никак нельзя было получить с помощью любых логических рассуждений представление о целых числах и о способе их вычитания. Если таковое представление было все-таки получено, то только в результате возникновения очередных эвристических догадок. Более того, совокупность всех этапов развития математики: от сложения натуральных чисел до дифференцирования, интегрирования и не только, представляет собой длительную последовательность эвристических догадок. Одни из них представляют собой множество неопределенных и неопределяемых в то же самое время понятий, другие – множество бездоказательных и недоказуемых в то же самое время утверждений, называемых аксиомами. Складывавшийся на каждом очередном этапе развития математики математический аппарат не позволял вывести логическим образом переход к этапу следующему. Современный математический аппарат также не позволяет получить с помощью любых логических рассуждений новые неопределяемые понятия и недоказуемые утверждения, необходимые для перехода к следующему этапу развития математики. Если они и будут получены когда-нибудь, то только в виде очередных эвристических догадок.

Существование неопределяемых понятий и недоказуемых утверждений свидетельствует о том, что обозначаемые ими представления обнаружить в природе невозможно. То есть, в реальной действительности не существуют точки, прямые, плоскости и т.д. Если не существуют прямые, то, тем более, не может быть параллельных прямых. Если не существуют параллельные прямые, то нет никакой возможности доказать аксиому о свойстве параллельных

прямых. Если математическая логика не в состоянии доказать собственные аксиомы математики, то одновременно она не в состоянии получить новые аксиомы логическим путем. В целом это означает неспособность логического мышления решать задачи, решаемые посредством эвристических догадок. Настолько поразительная ограниченность математической логики означает, что в природе невозможно обнаружить не только представления, обозначаемые неопределяемыми понятия и недоказуемыми утверждениями, но и все другие, получаемые с их помощью, в виде любых количественных отношений и пространственных форм. Получается так, что математика есть наука воображаемая, так как все ее содержание существует только в человеческой голове и нигде более, а вся математическая логика служит только для внутреннего потребления, позволяя всего лишь правильно ориентироваться в пределах уже ранее сложившегося математического аппарата.

Если верить математикам на слово, то можно подумать, что окружающее нас пространство образуется достаточным множеством точек. Однако, даже не математикам известно, что размер точки в любом измерении равен нулю, а сумма любого количества нулей представляет собой один-единственный ноль. Вот так и совокупность любого количество точек образует собой одну-единственную точку и ничего более. То есть, не существует пространства состоящего из одних точек, хотя, вполне возможно, что не существует и такое, которое содержит всего лишь одну точку. Совершив некоторое насилие над здравым смыслом, можно допустить существование такого пространства, но только в качестве воображаемого вместилища для воображаемых же неопределяемых понятий и недоказуемых утверждений\, а также математических количественных отношений и пространственных форм. Очевидно, что существовать такое пространство может только в головах математиков, поэтому и назовем его пространством математическим.

Существует также реальное физическое пространство, рассматриваемое физиками в качестве простого вместилища для перемещающихся физических объектов. Можно предположить существование более тесной связи между пространством и материей, отводя последней роль носителя пространства. Если физики все еще ищут мельчайший кирпичик материи, называемый кварком, то искать его следует, быстрее всего, вместе с сопутствующим ему пространством. В целом можно выразиться в том смысле, что без материи нет пространства, а без пространства нет материи. Короче, если бы физики не знали математику, то они намного лучше знали бы физику.

Вот так и сама физика – наука, которая совсем недалеко ушла от математики, так как, с целью использования математических методов для изучения окружающего нас материального мира, значительно упрощает физические свойства, явления и процессы, рассматривая их в так называемом идеальном или воображаемом виде. Одна только механика использует такие, несуществующие физические свойства, явления и процессы как, например, абсолютно твердое тело, материальная точка, равномерное и прямолинейное движение, а также многие другие, так как не существует никакой возможности описать реальную действительность с помощью идеальных математических методов.

Хранящийся в Международном бюро мер и весов эталон длины является в действительности непостоянной произвольно выбранной мерой, которую невозможно даже представить в виде какой-то части какого-то непостоянной длины меридиана, или в виде непостоянной длины волны какого-то излучения, или в виде какого-то непостоянного расстояния, проходимого светом за какую-то долю настолько же сомнительной секунды. Это означает, что не существует даже идеального, то есть воображаемого эталона длины. Такими же произвольными и непостоянными мерами являются эталоны остальных физических величин, так как в природе не существует ни одного физического объекта, обладающего хотя бы одним постоянным физическим параметром, и нет никакой возможности выяснить точное мгновенное значение хотя бы одного из них.

Математика может считаться точной наукой только тогда, когда она рассматривает безразмерные величины. Физика, со своей стороны, не имеет ничего точного, что можно было бы подставить в математические формулы, которые дают, конечно, некоторый, приемлемый для дальнейших ограниченных теоретических рассуждений или допустимых практических действий, приближенный арифметический результат, но не более того и далеко не в каждом случае. По мере

возможности наиболее важные результаты математических вычислений проверяются в процессе практических экспериментов, а затем, по мере необходимости, пересматриваются. Где сейчас была бы та же самая авиация, если бы результаты использования математического аппарата аэродинамики не подвергались проверкам в аэродинамической трубе? Что касается сущности описываемых математикой физических свойств, явлений и процессов, то математические формулы имеют к ней весьма отдаленное отношение, так как в природе не совершаются никакие математические действия. То есть, в окружающем нас материальном мире нет и быть не может в принципе никаких математических ужасов, парадоксов и противоречий, которые если и существуют где-нибудь, то только в человеческой голове и нигде более.

А пока что можно с достаточной для того уверенностью утверждать о том, что совокупность всех этапов развития физики, также как и совокупность всех этапов развития математики, представляет собой такую же длительную последовательность тех же самых эвристических догадок. Одни из них представляют собой такую же совокупность тех же самых неопределенных и неопределяемых в то же самое время понятий, другие – такую же совокупность тех же самых бездоказательных и недоказуемых в то же самое время утверждений. В математике они называются аксиомами, а в физике – фундаментальными законами природы, являющимися в действительности такими же недоказуемыми аксиомами физики.

Налицо очевидное несоответствие, заключающееся в том, что недоказуемое в математике является воображаемыми знаниями о воображаемых же количественных отношениях и пространственных формах, а недоказуемое в физике преподносится в качестве точных знаний о реальных физических свойствах, явлениях и процессах. Над этим несоответствием следует основательно призадуматься хотя бы для того, чтобы вспомнить основоположника немецкой классической философии, которым является Иммануил Кант, и его утверждение о том, что окружающий нас материальный мир совсем не такой, каким мы его себе представляем. С этим утверждением нельзя не согласиться хотя бы потому, что видим мы всегда намного больше, чем понимаем [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

Так вот оно, что оказывается! Все то, что мы самонадеянно считаем точными знаниями, является в действительности всего лишь нашими, заведомо ошибочными представлениями о реальных физических свойствах, явлениях и процессах. Каждое новое о них представление всего лишь изменяет наше видение окружающего нас материального мира в целом, которое, надо надеяться, становится более полным, хотя и остается заведомо не соответствующим окружающей нас действительности. То есть, недоказуемое в физике является таким же самым, как и в математике, воображаемым знанием о воображаемых же физических свойствах, явлениях и процессах. Спрашивается, каким-таким образом можно вывести логическим путем точное знание, опираясь на заведомо ошибочное представление, полученное в виде недоказуемой эвристической догадки? Получается, что никакого логического мышления, позволяющего получить хотя бы более полное представление о том или ином физическом свойстве, явлении и процессе, не говоря уже о точном знании, не существует вовсе. Действительно, какое-такое логическое мышление совершается в процессе очередного выяснения результата умножения два на два? Оказывается, что математическая логика – это всего лишь точный порядок действий с абстрактными, не существующими в действительности, понятиями.

Так чем же руководствуются в своей научной деятельности те же самые физики, предлагая вниманию всех остальных свое представление о тех или иных физических свойствах, явлениях и процессах? А руководствуются все они ничем другим, а только лишь собственным здравым смыслом по причине недоказуемости эвристических догадок и отсутствия какого-либо другого критерия их приемлемости. Действительно! Чем еще мог руководствоваться Архимед, предлагая свое представление о характере взаимодействия между жидкостью и погруженным в нее телом? Чем еще мог руководствоваться Исаак Ньютон, предлагая свое представление о характере взаимодействия между удаленными друг от друга физическими объектами? То же самое – химики. Чем еще мог руководствоваться Менделеев, предлагая свое представление о строении периодической таблицы химических элементов? То же самое – математики. Чем еще мог руководствоваться

Евклид, предлагая свое представление о свойстве параллельных прямых? Да и никто другой не потребовал у них никаких доказательств, так как у каждого из всех остальных оказалось достаточно собственного здравого смысла для того, чтобы безоговорочно согласиться с соответствующими утверждениями Архимеда, Ньютона, Менделеева и Евклида. Имеется также множество других примеров, свидетельствующих о том, что многие эвристические догадки воспринимались без каких бы то ни было возражений со стороны кого бы то ни было в виду своей неоспоримой очевидности. В таких случаях говорят, что истина лежала на поверхности. Если такая эвристическая догадка ставится кому-нибудь в заслугу, то нередко следуют возражения типа того, что в уж этом-то тривиальном случае и без того всем все понятно. В свое время, однако, многие наблюдали свойство круглого катиться, однако только один человек смог использовать его для прямолинейного перемещения транспортных средств.

И все-таки, далеко не всегда наблюдается подобное единомыслие в научной среде. Многие ученые от математики, например, достаточно продолжительное время оспаривали криволинейную геометрию Лобачевского. Хотя, казалось бы, о чем могут спорить ученые до настоящего времени уверенные в том, что все или почти все можно доказать? Большей частью предметом весьма ожесточенных иногда научных споров как раз и являются эти самые недоказуемые эвристические догадки. В случае с Лобачевским – это аксиомы криволинейной геометрии, несовместимые с аксиомами геометрии прямолинейной. Именно и только из-за полного непонимания чужих эвристических догадок новое зачастую встречает значительное, а порой и ожесточенное, сопротивление, а не потому, что оно просто новое. Наиболее непримиримые споры в научной среде и не только происходят тогда, когда признание чужих эвристических догадок не то, что основательно меняет, а даже очень болезненного разрушает сложившееся ранее мировоззрение другого человека. Именно такие случаи представляют собой то самое, что называется переоценкой ценностей. Это тогда, когда Платон является другом. В других, более прозаических случаях причинами не всегда достаточно корректных научных споров могут быть: личные амбиции, а то и корысти ради. Научные споры есть большей частью битвы авторитетов, добросовестно усвоивших глубоко ошибочное представление о всемогуществе и непогрешимости хитроумных логических умозаключений. Случаются иногда битвы этими самыми авторитетами, происходящие в отдельных случаях в наиболее неприглядном виде, когда одна спорящая сторона беспощадно избивает ими сторону другую.

Великое множество эвристических догадок, возникших в процессе познания и освоения человеком окружающего его материального мира, свидетельствует о том, что они озарили значительное множество голов, из которых, однако, еще ни одна не созналась в том, что хотя бы единственная догадка возникла в процессе эвристического или какого-либо другого способа мышления. Настолько поголовное неведение свидетельствует о том, что сам процесс мышления невозможно осознать, что вполне соответствует загадочной природе непредсказуемых эвристических догадок, возникающих в процессе образного мышления. Это означает, что в природе не существует никакого эвристического мышления, а есть только лишь мышление логическое и образное. Процесс логического мышления представляет собой непрерывную последовательность логических действий с ограниченным количеством абстрактных понятий, каждое из которых обладает ограниченным количество свойств и взаимосвязей с понятиями другими, которые человек в состоянии представить себе все одновременно или в определенной последовательности [10]. Процесс образного мышления представляет собой сопоставление различных образов, каждый из которых обладает огромным количеством свойств и взаимосвязей с другими образами, все множество которых человек не в состоянии представить себе не только одновременно, но и перебрать все последовательно, так как некоторая их часть находится вне доступной человеку непосредственно области памяти. Тем более бессмысленным представляется процесс сопоставления каждого отдельного свойства одного образа с каждым отдельным свойством образа другого, так как человек не сможет даже вспомнить о многих из них. Однако такое сопоставление происходит в голове человека независимо от его воли и сознания, в результате которого и возникают загадочные эвристические догадки.

Таким образом, каждая эвристическая

догадка является реальным практическим шагом в процессе поступательного развития науки и техники в отличие от идеи, длительное продвижение в сторону осуществления которой само по себе требует не одного эвристического решения.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М.: Норма, 1998. - 447 с.
2. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. – М.: Наука, 1973. - 536 с.
3. Гулыга А.В. Кант. – 2-е изд. – М.: Мол. Гвардия, 1981. – 303 с., ил. – (Жизнь замечательных людей. – Сер. биогр. Вып. 10(570)).
4. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
5. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
6. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
7. Клименко О.А. Нормативистские и неокантианские модели права и государственный суверенитет // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 186-197.
8. Лазарев В.В. Категорический императив И. Канта и этика В. Соловьева // Кант и философия в России. – М., 1994.
9. Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России: Кант – Гегель – Вл. Соловьев. – М.: ИФРАН, 1996. – 305 с.
10. Логика: Учеб. для юрид. вузов / Сальников В.П., Болдырев А.С., Гусев С.С. и др.; Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2003. Сер. Серия «Учебники для вузов, специальная литература» / С.-Петерб. ун-т МВД России (и др.)
11. Лукоянов К.И. Законность в метафизике права И. Канта // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. Межвуз. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 года / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 73-76.
12. Мамардашвили М. Кантианские вариации. – М.: Аграф, 1997. - 320 с.
13. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типичных построения в области философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1998. (Мир культуры, истории и философии).
14. Проблемы философии права в классической немецкой философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава III // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 158-259.
15. Соломко З.В. «Назад к Канту!», или «Вирус неокантианства» в российской юридической науке // Научные труды. Российская академия юридических наук. – В 2 т. – Т. 1. – Вып. 12. – М., 2012. – С. 270-275.
16. Филиппов М.М. Им. Кант. Его жизнь и философ. деятельность: Биограф. очерк. – СПб., 1893 (Жизнь замечательных людей. Биограф. Ф. Павленкова)
17. Философия Канта и современность. – М.: Мысль, 1974. - 469 с.
18. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.:ЮРКОМПАНИ, 2013. – 600 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок.

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40505 от 01 июля 2010 г.

Название *Мир политики и социологии*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ"*
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017613

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор, верстка Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»

2017, № 1

Подписано в печать 30.12.2016. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 27,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 569.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru